

ВЕСТНИК МГЛУ

№ 5 (132) / 2024

СЕРИЯ 1

ФИЛОЛОГИЯ

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

О. В. Луцинская (*главный редактор*),
А. А. Романовская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. П. Иванова,
И. К. Кудрявцева, Т. В. Поплавская,
Н. Ю. Павловская, Э. А. Харитончик,
О. А. Артемова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Голубева В. К.</i> Высказывания с сентенциальными наречиями vs. предикативами: зона низкой коррелятивности	7
<i>Дашкевич Ю. В., Яскевич В. В.</i> Фонология английских заимствований в корейском языке сквозь призму интерференции.....	20
<i>Круглова В. В.</i> Лексика-граматычныя асаблівасці польскамоўнай лірыкі Янкі Лучыны	31
<i>Мацнева М. А.</i> Средства метакоммуникации в дискурсе профессиональных видеоблогов	46
<i>Самусевич Д. Е.</i> Структура предсобытийного дискурса развлечений	57
<i>Соловей А. А.</i> Средства репрезентации знания, веры и мнения в русско- и англоязычном религиозном дискурсе	68
<i>Устименко Е. Г.</i> Способы реализации значения направления в семантике глаголов перемещения (на материале русского и немецкого языков).....	78
<i>Чжан Сьюй.</i> Толерантность как доминанта дипломатического дискурса	90

Романское и германское языкознание

<i>Палагина А. Н.</i> Тематическая классификация англо- и немецкоязычных видеоматериалов, посвященных богатству	101
<i>Сивченко Д. В.</i> Лексико-семантические характеристики сленговых единиц в современном английском языке	112
<i>Шуманская О. А.</i> Актуализация концепта “food” («пища») в современном британском английском языке.....	120

Исследования славянских языков

<i>Банько І. М.</i> Да питання видзялення аtryбутыўных устойлівых адзінак неідыяматычнага характару	130
--	-----

Литературоведение

<i>Ализаде Афер Азер.</i> Творческое и демоническое начало в одержимом художнике (на материале произведений Агаты Кристи и Кэролайн Грэм)	141
<i>Афанасьева Ю. А.</i> Готический дискурс в литературе Гарлемского ренессанса	148
<i>Криштон И. С.</i> Жанровая специфика романов Октавии Батлер.....	161
<i>Тарасова Е. В.</i> Художественное воплощение ужаса в повести Э. Блэквуда «Вендиго»	172
<i>Цімашэнка А. В.</i> Формы і спосабы рэалізацыі тэорыі мультысусвету ў мастацкім прасторы-часе ў літаратуры постмадэрнізму	180

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Golubeva V.</i> Utterances with Sentential Adverbs Vs. Predicatives: Area of Low Correlativity	7
<i>Dashkevich Y., Yaskevich V.</i> English Loanwords Phonology in the Korean Language through Interference.....	20
<i>Kruglova O.</i> Lexicon-Grammatical Features of the Polish Lyrics by Yanka Luchyna	31
<i>Matsneva M.</i> Means of Metacommunication in the Discourse of Professional Videoblogs.....	46
<i>Samusevich D.</i> The Structure of the Pre-Event Entertainment Discourse	57
<i>Salavei A.</i> Means of Representation of Knowledge, Belief and Opinion in Russian and English Religious Discourse.....	68
<i>Ustsimenka A.</i> Actualization of the Meaning of Direction in the Semantics of Verbs of Movement (Based on the Material of Russian and German Languages).....	78
<i>Zhang Siyu.</i> Tolerance as a Dominant of Diplomatic Discourse	90

Romance and Germanic Linguistics

<i>Palahina A.</i> Topical Classification of English- and German-Language Videomaterials Dedicated to the Wealth	101
<i>Sivchenko D.</i> Lexical and Semantic Aspects of Modern English Slang	112
<i>Choumanskaya O.</i> Actualization of the Concept “Food” in Modern British English	120

Slavonic Languages

<i>Banko I.</i> Revisiting the Identifying Attributive Fixed Units of a Non-Idiomatic Nature	130
---	-----

Literary Studies

<i>Alizadeh Afer Azer.</i> Creative and Demonical Beginning in the Obsessed Artist (Based on the Works by Agatha Christie and Caroline Graham).....	141
<i>Afanasyeva Y.</i> Gothic Discourse in the Literature of the Harlem Renaissance	148
<i>Kryshtop I.</i> The Genre Specificity of Octavia Butler's Novels	161
<i>Tarasova E.</i> Artistic Embodiment of Horror in <i>The Wendigo</i> by A. Blackwood.....	172
<i>Tsimashenka A.</i> Forms and Methods of Implementation of the Theory of the Multiverse in the Artistic Space-Time in the Literature of Postmodernism.....	180

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.161.1'36

Голубева Виктория Константиновна

кандидат филологических наук,
докторант кафедры русского языка
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Viktoriya Golubeva

PhD in Philology, Post-PhD Researcher
of the Department of the Russian Language
Belarusian State University
Minsk, Belarus
victdove@gmail.com

ВЫСКАЗЫВАНИЯ С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМИ НАРЕЧИЯМИ VS. ПРЕДИКАТИВАМИ: ЗОНА НИЗКОЙ КОРРЕЛЯТИВНОСТИ

UTTERANCES WITH SENTENTIAL ADVERBS VS. PREDICATIVES: AREA OF LOW CORRELATIVITY

В статье обозначается пространство функционального взаимодействия двух типов модификаторов пропозиции – сентенциальных наречий и предикативов. Устанавливаются семантические группы лексем, которые в данных функциях очень ограниченно формируют синонимичные структуры или не коррелируют вовсе.

Ключевые слова: *предикатив; наречие; сентенциальное наречие; сфера действия; наречие с плавающей сферой действия.*

The article reveals the field of functional interaction between two types of propositional modifiers – sentential adverbs and predicatives. The author identifies semantic groups of lexemes that are significantly limited in their ability to form synonymous structures or do not correlate at all.

Key words: *predicative; adverb; sentential adverb; scope; adverb with floating scope.*

При изучении грамматической синонимии возникает необходимость решения таких частных задач, как, например, выявление области взаимодействия морфологических средств, формирующих синтаксические структуры. Предметом нашего интереса выступают наречные способы характеристики (оценки) целой пропозиции. Одной из самых дискутируемых проблем, касающихся наречий, является установление границ данного частеречного класса. Для настоящего исследования важно то, что существуют разные подходы к отнесению грамматических единиц к а д в е р б и а л ь н ы м модификаторам предложения.

Во-первых, при широком понимании наречий сентенциальными адвербиальными модификаторами (от англ. sentence modifiers) можно считать и вводные единицы – скажем, употребление *действительно* как в (1а), так и в (1б):

(1а) *Не сомневайся, они действительно дружат* vs. (1б) – *Район сильно затопило. – Действительно, люди пострадали, но мы всё восстановим.*

Во-вторых, в кругу «собственно» наречной лексики способность распространять всю пропозицию чаще приписывается обстоятельственным разрядам – времени, места, причины, цели. В русской грамматике такие единицы уже устойчиво называются детерминантами [1], в отличие от «обычных» обстоятельств. Что же касается определительных наречий, в частности наречий образа действия, то они в русистике долгое время изучались как модификаторы глагола (или глагольной группы), а не всего предложения, что не противоречило формальным свойствам данных адвербиальных единиц, однако существенно упрощало картину их семантического поведения.

В западноевропейской лингвистике противопоставление predicate modifiers и sentential modifiers проводилось еще с конца 1960-х годов, поскольку, скажем, в английском языке модификаторы предложения могут выделяться позиционно ([2; 3; 4], более подробное освещение истории вопроса см. в [5, с. 10–12]); аналогичные идеи семантической дифференциации наречий на русском языковом материале стали оформляться начиная с конца XX в., прежде всего в работах М. В. Филипенко [5; 6] и Е. Л. Рудницкой [7; 8; 9]. Их труды и сегодня остаются в числе тех немногочисленных исследований, в которых рассматривается феномен русского сентенциального наречия.

Указанные авторы, подчеркивая формальное совпадение наречий в функциях сентенциального и глагольного модификатора, предложили способы разграничения данных единиц. Так, М. В. Филипенко для квалификации семантического типа наречия использует преобразования **«то, что»** и **«то, как»** [5, с. 13]. Как известно, перифраза «то, что» маркирует фактообразующее (пропозитивное) значение, а значит, указывает на сентенциальную функцию лексемы; возможность «то, как»-трансформации позволяет выявить глагольный распространитель. Ср.: *Иван Алексеевич самокритично перечитывает свои ранние работы* = **то, как** перечитывает, самокритично (*то, что перечитывает, самокритично); *Иван Алексеевич самокритично признал свои ошибки* = **то, что** Иван Алексеевич признал свои ошибки, оценивается как проявление его самокритичности (*то, как

признал свои ошибки, было самокритично). В [9, с. 114] предлагается перифраза «Р. И это есть Q», где Р – пропозиция, а Q – сентенциальное наречие:

(2) *Инна **фамильярно** потрепала меня по щеке.* Высказывание может быть преобразовано в структуру *Инна потрепала меня по щеке. И это было фамильярно.* Использовано сентенциальное наречие.

(3) *Инна **фамильярно** держалась с иностранными гостями.* Невозможность перифразы **Инна держалась с иностранными гостями. И это было фамильярно* свидетельствует, что это распространитель глагола.

Многие аспекты функционирования сентенциальных наречий еще предстоит изучить, поскольку в монографии М. В. Филипенко [5] данный семантико-синтаксический класс рассматривается не как центральный объект исследования, а как один из типов употребления наречной лексемы. В диссертации Е. Л. Рудницкой [8] основное внимание уделено двум семантическим группам таких наречий – со значением обдуманности / необдуманности поступка (*легкомысленно, опрометчиво*) и следования (*потом, далее*).

При проведении трансформаций синтаксических структур в данной грамматической области нас заинтересовал аспект взаимодействия сентенциальных наречий с другим типом характеристикаторов пропозиции – предикативами. Известно, что предикативы / слова категории состояния / предикативные наречия – это группа слов с неопределенным статусом. Вопрос о том, считать ли единицы типа *жестко* в (4а) и (4б) разными употреблениями одной лексемы или разными лексемами, исследователями решается по-разному.

(4а) ***Жестко** выселять всех – одних бы мужчин, а женщин, детей, стариков оставить...* (А. Т. Твардовский. Рабочие тетради (1968)) – (4б) ***Жестко** выселили всех – не только мужчин, но и женщин, детей, стариков.*

Не ставя перед собой задачу детально рассматривать эту проблему, отметим, что есть основания квалифицировать семантически тождественные единицы, выполняющие разные синтаксические функции, как разные употребления одной наречной лексемы. Такого подхода придерживаемся и мы в данной работе (ср. точку зрения М. В. Филипенко в [5, с. 73–76] и позиции Е. Л. Рудницкой в [7; 8; 9]). Кроме того, мы учитываем идеи и наблюдения Г. И. Кустовой, А. Б. Летучего, А. В. Циммерлинга, С. Сая, Н. В. Сердобольской и С. Ю. Толдовой, И. М. Кобозевой, изложенные в их исследованиях о предикативах [10; 11; 12; 13; 14; 15].

Объектом нашего **исследования** стали 500 наречных лексем, традиционно относящихся к разряду наречий образа действия и обнаружи-

вающих способность употребляться в разных синтаксических функциях: модификатор глагола, и / или прилагательного (наречия), и / или предложения в целом и др. (материал извлекался из [16; 17; 18]). Незакрепленность семантико-синтаксической функции у таких лексем предопределила их название – наречия с плавающей сферой действия, в отличие от тех единиц, которые всегда распространяют глагольную группу и имеют фиксированную сферу действия [5]. Отметим, что в заявленное нами число наречий не вошли лексемы, употребляющиеся в предикативной функции, однако неспособные присоединять второй (пропозициональный) актант и обозначающие «чистые» состояния: *На улице тихо* (**На улице тихо сидеть*). Изучение функционирования выбранных для анализа языковых единиц осуществлялось с опорой на Национальный корпус русского языка (прежде всего Основной и Газетный подкорпусы) [19]. По корпусу приводятся контексты с указанием источника, остальные иллюстративные высказывания конструируются автором.

Итак, поскольку наречные лексемы и в предикативных, и в сентенциальных употреблениях демонстрируют изофункциональность – они выражают либо внутренние реакции, вызванные пропозицией (*Грустно прощаться с детством; Меня обидно отстранили от должности*), либо внешние оценки пропозиции (*Безрассудно ввязываться в драку с этим человеком; Они не выбросили, а бережливо спрятали использованные материалы*), – важно изучить область пересечения этих типов модификаторов: далеко не всегда у сентенциального наречия есть коррелятивный предикатив и наоборот. Более того, даже при отсутствии лакун в паре «предикатив – сентенциальное наречие» не каждый из ее членов может употребляться во всех тех же семантических типах высказываний, что и другой член.

Разные аспекты данной проблемы мы планируем рассмотреть в ряде статей. В данной работе мы ставим **целью** выявить семантические группы наречных лексем, у которых способность иметь и сентенциальное, и предикативное употребления существенно ограничена или отсутствует. Это позволит нам конкретизировать зону функционального взаимодействия данных типов употребления.

Рассмотрение семантических групп наречий с плавающей сферой действия мы предварим указанием на их структурные типы, у которых в системе языка в принципе не представлен один из коррелятов. Ограничения касаются предикативов: эта функция обычно блокируется языком у лексем, не соотносимых с краткой формой прилагательного в среднем роде и не составляющих разряд качественных наречий на -о

(как *выгодно, жалко*)¹. На этом основании лишены соответствующего предикатива следующие сентенциальные наречия: *Изменнически* рассказал обо всем. – **Рассказать обо всем было изменнически*; Ты *зря* ходишь на семинары без конспекта. – **С твоей стороны зря* ходить на семинары без конспекта; (разг.) *Подходяще* принесли вилки и тарелки. – **Принести вилки и тарелки было подходяще* и др. Вместе с тем в узус иногда проникают предикативы, структурно отличные от указанной формы прилагательных / от качественных наречий. Например, согласно данным корпуса, лексема *кстати* может использоваться в предикативной функции, ср.: Он *кстати* сказал, что сегодня не вернется (сентенциальное наречие) vs. *Кстати* будет сказать, что сегодня очень трудно встретить в продаже ресивер <...> без декодера. («Бизнес-журнал», 13.02.2004) (предикатив). Однако такое *кстати* в нетипичной предикативной функции характеризуется четкой заданностью грамматических условий употребления: оно не используется в постпозиции по отношению к инфинитиву ([?]*Сказать, что он сегодня не вернется, было кстати*) и без связки (**Кстати* сказать, что сегодня очень трудно встретить...)². Всего из 500 наречий с плавающей сферой действия под структурные ограничения попадают, по нашим подсчетам, около 70 лексем (14 % единиц).

Из оставшихся 430 наречий бóльшая часть лишена способности употребляться и в той, и в другой функциях: около 315 vs. 115 наречий, которые имеют соответственно один или оба типа употребления. Причем из 115 наречий более 70 % составляют наречия со значением социально-этических и рационалистических оценок, которые формируют зону относительно высокой или, можно сказать, потенциально высокой коррелятивности.

Подробнее остановимся на семантических группах лексем, у которых корреляты отсутствуют или представлены очень ограниченно (зона низкой коррелятивности): это наречия общей оценки; наречия с различными обстоятельственными оттенками; модальные наречия; наречия состояния и ментальных оценок. На количественные показатели, отражающие смысловое распределение коррелятивных наречий, влияет степень лексической разработанности в языке конкретной семантической группы. Скажем, модальная семантика выражается меньшим количеством наречий, чем этические оценки; соответственно, даже потенциальное

¹ Более подробно о морфологических типах предикативов см. в [11]. Мы здесь не указываем группы типа *накурено, лень*, поскольку они не соотносимы с наречиями.

² *Кстати* сказать употребляется только во вводной функции: *Кстати сказать, сегодня очень трудно встретить...*

развитие у лексем первой группы «новых» типов употребления несущественно сдвигает область доминирующих семантических групп в совокупности коррелятивных наречий. Следует сказать и о стилистической маркированности (неполной освоенности в литературном языке) некоторых сентенциальных наречий и предикативов, что также ослабляет функционал одного из членов пары, в некотором роде понижая коррелятивность. Наконец, даже при существовании у лексемы и того, и другого модификаторов пропозиции, следует учитывать ограниченность круга конструкций с данными коррелятами, способных вступать в синонимические отношения.

1. При выражении **общих оценок** (лексемы *хорошо*, *плохо* и их экспрессивно-стилистические синонимы: *классно*, *клево*, *волшебнo*, *поганo*) в качестве характеризаторов пропозиции употребляются только предикативы, но не сентенциальные наречия:

(5а) **Плохо**, что врач не сделал укол. – (5б) *Врач **плохо** не сделал укол.

(6а) **Хорошо**, что врач сделал укол. ≠ (6б) Врач **хорошо** сделал укол.

Высказывания (6а) и (6б) не синонимичны: в (6б) наречие характеризует не ситуацию в целом, как в (6а), а глагольное действие, обозначая определенный параметр / аспект ситуации (хорошо то, как сделал: 'как нужно, в соответствии с нормой'), в то же время в (6а) как положительный оценивается факт (важно, что укол был сделан) и не акцентируется, насколько умело и профессионально врач выполнил эту задачу.

2. Наречия, у которых семантика образа действия осложняется **обстоятельными оттенками** 'время', 'причина', 'цель', 'условие', как правило, не употребляются в качестве предикативов. Отсутствует такая функция у лексем *внезапно*, *беспричинно*, *нарочито*, *случайно*, *намеренно*, *преднамеренно*, *непрерывно*, *всепрерывно*¹, *дополнительно*, *напрасно* и др. (некоторые из наречий с такой семантикой не соответствуют структурному критерию стандартных предикативов, описанному выше: *вдруг*, *понапрасну*, *поневоле*, *недаром*, *невзначай*, *зачастую*): Он **неумышленно** разбередил мою рану. – *С его стороны было **неумышленно** разбередить мою рану.

3. При выражении **модальных значений** область пересечения коррелятов мала. Говоря о модальной семантике в сфере предикативов, в грамматических описаниях упоминают прежде всего лексемы *необходимо*, *можно*, *возможно*, *невозможно*, *нельзя*. Однако поскольку это

¹ Лексемы *непрерывно* и *всепрерывно* можно рассматривать и в области модальных значений (= *обязательно*). Однако они имеют и условное значение 'в любом случае, при любых условиях'.

«чистые» предикативы, которые только в данной функции и употребляются, они не входят в корпус исследованных нами единиц. Здесь следует упомянуть и о сентенциальных наречиях типа *действительно, заведомо*, у которых отсутствует соответствующий предикатив: *Ты действительно купил квартиру? – *Действительно, что ты купил квартиру?* Вместе с тем можно говорить по крайней мере о пяти наречных лексемах, способных иметь корреляты: *очевидно, предположительно, явно, точно*, а также *нереально* (1 % от всех исследованных нами наречий с плавающей сферой действия). Ср.:

(7) *Предположительно у него случился инсульт. – Предположительно, что у него случился инсульт.*

(8) *Не факт, что Сафин выиграет все соревнования, но совершенно точно, что он способен поднять теннис на новый уровень.* («Известия», 2001.10.12) – *Он точно способен поднять теннис на новый уровень.*

(9) *Явно, что они [стены монастыря] давно не поновлялись – в некоторых местах осыпалась побелка.* (И. Деспот-Юрасовская. Музей Леопольда. Вена (2012)) – *Стены монастыря явно давно не поновлялись.*

Как видно, особенность данных предикативов состоит в том, что пропозициональный акт у них выражен зависимой клаузой с союзом *что*. Нормативный статус таких употреблений не до конца определен, поскольку в словарях они не зафиксированы у лексем *предположительно, явно* и *точно* (см. [17, с. 960, 1336, 1530; 18, т. 2, с. 516–517, 700]); возможность присоединять подчиненную клаузу кодифицирована у наречия *очевидно* [17, с. 771; 18, т. 1, с. 741]. Между тем не только лексикографический статус, но и «традиция» использования в узусе у каждой из этих лексем специфичны. Например, конструкция *явно, что*, которая даже интуитивно ощущается как вполне освоенная языком, встречается и в текстах XIX в.: *Явно, что он [Грушницкий] влюблен, потому что стал еще доверчивее прежнего* (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)) = *Он [Грушницкий] явно влюблен.*

В то же время комплекс «предикатив *предположительно* + *что*» в Основном подкорпусе находим только в текстах XXI в. (2 фиксации), а в подкорпусе Центральные СМИ представлено уже 24 аналогичных контекста (все начиная с 2000 года), что характеризует данное употребление как относительно молодое.

Отдельно скажем о лексеме *нереально*. Ее сентенциальные и предикативные употребления можно отнести к формально коррелятивным, но не синонимичным (есть оба типа употребления, но высказывания с ними не взаимотрансформируемы). По сути, это *нереально 1* и *нереально 2*. Так,

в случае **Нереально** *расступилось море* реализуется значение ‘фантастически, сказочно’ (***Нереально, что расступилось море**), а в контекстах *Продать такое количество билетов за пару дней нереально, Играть в теннис с больным плечом нереально* – семантика невозможности, неосуществимости (ср.: ***Авиакомпания нереально продала такое количество билетов за пару дней**). М. В. Сандакова фиксирует и еще одно, сленговое, значение у предикатива *нереально* – ‘не следует, не целесообразно, бесполезно’: **Нереально просить его о помощи** (‘это не даст результатов’), **Сейчас нереально класть деньги в банк** (‘это не принесет прибыли’) [20, с. 108]. В данных случаях предикатив также семантически некоррелятивен сентенциальному наречию: **≠ Сестра нереально просит его о помощи** (возможна интерпретация лексемы как интенсификатора ‘очень просит’, сленговое); **?Семья сейчас нереально кладут деньги в банк.**

4. Внутренние (эмоциональные, физические, физиологические) состояния в стандартном случае редко передаются сентенциальными наречиями. Здесь следует различать, с одной стороны, относительно свободное сентенциальное употребление наречий, а с другой – использование адвербиальных лексем в особых контекстуальных условиях, обеспечивающих пропозициональную интерпретацию лексемы. Случаи второго типа требуют множества оговорок.

Так, в высказываниях довольно разнообразных семантических типов, причем без стилистической маркированности / экспрессивной выделенности, как сентенциальные могут использоваться наречия *обидно* и *досадно*: *Ребенку обидно занизили отметку.* = **Обидно, что ребенку занизили отметку**; *Победа обидно ускользнула из наших рук.* = **Обидно, что победа ускользнула из наших рук.** Лексема *неловко* в значении состояния, а не интерпретации встречается в контексте единичных предикатов, ср.: *Все присутствовавшие неловко молчали.* = **Было неловко, что все присутствовавшие молчали, но Неловко, что мы не пригласили родителей.** – ***Мы неловко не пригласили родителей.**

О сентенциальном прочтении наречий *отрадно, приятно, тревожно, тяжело* и под. можно говорить в случаях типа **Отрадно запахло жилищем, печеной картошкой** со специфическим интонированием, без ударения на наречии. Особые возможности для наращивания наречием типов употребления, несвойственных ему в прототипических случаях, возникают в художественном и публицистическом тексте, ср.: *Из-за полуприкрытой двери сладостно блеснул свет настольной лампы.* = **Было / стало сладостно, что / когда из-за полуприкрытой двери блеснул свет настольной лампы.** Или: *Шолохов мерзко притворялся борцом за идеалы* (Е. В. Новицкий).

Мefистofель Forever // «Волга», 2008) = **Мерзко**, что Шолохов притворялся борцом за идеалы. Такие узуральные употребления пока ненормативны, они составляют резерв для расширения набора наречных функций, но еще не являются фактами, обеспечивающими надежную коррелятивность с предикативом, который служит стандартным средством выражения эмоциональных, физических и физиологических реакций на ситуацию:

(10) *Елагину было приятно услышать о товарище такие новости.* – **Елагин приятно услышал о товарище такие новости.*

Отметим также, что отсутствие у предикатива коррелятивного сентенциального наречия не всегда свидетельствует об отсутствии синонимичного высказывания. Например, в сфере наречий эмоционального состояния нередки случаи, когда, наряду с конструкцией, формируемой предикативом, образуются вполне грамматичные структуры с глагольным (а не сентенциальным) модификатором:

(11а) **Весело** *встречать Новый год в компании старых друзей* / (11б) *Встречать Новый год в компании старых друзей весело* ≈ (11в) *Мы весело встречаем Новый год в компании старых друзей.*

В каждом случае одна и та же ситуация / ее аспект, описываемые посредством предикатива или глагольного модификатора, приобретают смысловые нюансы, вызванные различием семантико-синтаксических функций лексемы *весело*. В (11а) на первый план выходит эмоциональное состояние участников ситуации, их ощущения, а в (11в) – скорее общая атмосфера праздника. Собственно, релевантна и позиция предикатива относительно инфинитива: различие (11а) и (11б) в том, что в постпозиции предикатива эмоциональная реакция «повышается» до уровня оценки, точнее, возрастает удельный вес оценочной, квалифицирующей составляющей, при этом, как отмечено в [11], порядок слов в конструкциях с предикативами изучен еще очень мало.

В исследованном нами корпусе адвербиальных лексем мы выделили также наречия не собственно состояния или не только **состояния**, но и его **каузации**: *оскорбительно, унизительно, томительно, трогательно, упоительно, успокоительно, утешительно, утомительно, мучительно, изнурительно* и т. д. Семантически такие лексем примыкают к рассмотренной выше группе: иногда (а некоторые наречия очень редко) они способны употребляться сентенциально (такую способность мы обнаружили у 8 лексем, 1,6 %), однако в роли модификаторов пропозиции встречаются в основном предикативы – с зависимым инфинитивом и / или клаузой. Продемонстрируем функциональные возможности данных лексем на примере однокоренных наречий *успокоительно* и *спокойно*, учитывая, однако, что такая парность является скорее исключением.

(12) *Фома **успокоительно** поднял руки, показывая, что в них ничего, кроме хлеба, нет.* (Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга первая. Изгой (1998)) – каузация состояния: то, что Фома поднял руки, должно было успокоить другого участника ситуации;

(13) *Что это значило, истекающий кровью не понимал, но **успокоительно** ощутил, что лежит на спине, в полный рост.* (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней) – обозначение собственно состояния: экспериенцер (тот, кто стал спокоен) и субъект перцептивного глагола *ощутить* – одно и то же лицо.

При замене *успокоительно* → *спокойно* последнее в тех же высказываниях выступает глагольным распространителем, обозначая конкретный параметр предиката, а не оценивая всю пропозицию; при этом *спокойно* всегда передает состояние субъекта основного предиката (*Фома **успокоительно** поднял руки* ≠ *Фома **спокойно** поднял руки*).

В целом группа наречий с семантикой каузации состояния интересна тем, что входящие в нее единицы неоднородны по способности употребляться в кореферентной и некорреферентной функции, т. е. учитывается, совпадают или нет экспериенцер (тот, кто оскорблен, успокоен, утешен, утомлен) и субъект пропозиции, выражающей стимул состояния. Одни лексемы способны маркировать и одно-, и разносубъектность (ср. [12; 13] и [14; 15]), а другие – выполняют лишь одну функцию (16).

(14) *Девочка **унизительно** встала на колени и **стояла**, пока не вошел монах* – кореферентность: состояние унижения и действия *встать на колени*, *стоять* отнесены к одному и тому же лицу – девочке.

(15) *...я чувствовала себя <...> чуть ли не Мцыри, который **унизительно приговорен** к месту, где он жить не может.* (Марина Палей. Поминовение (1987)) – некорреферентность: кто-то приговорил Мцыри – Мцыри чувствует унижение.

(16) *Он [Ватло] **трогательно** носит с каждым инструментом.* (Сати Спивакова. Не всё (2002)) – некорреферентность: Ватло носит с каждым инструментом, и это трогает внешнего наблюдателя.

От (не)корреферентности сентенциального наречия зависит тип коррелятивной конструкции с предикативом. Так, в отличие от структуры «предикатив + подчиненная клауза», условием сочетания предикатива с зависимым инфинитивом является совпадение в одном лице экспериенцера и субъекта определяемой пропозиции: *Для девочки было **унизительно встать** на колени и **стоять***, но некорректно **(Для) Ватло было **трогательно** носить с каждым инструментом; ²Было **успокоительно** поднять руки, показывая, что в них ничего, кроме хлеба, нет* – такой контекст,

вероятно, и допустим, но это высказывание не синонимично (12). В то же время возможно *Было унижительно, что я вынуждена встать на колени / что меня поставили на колени; Трогательно, что Ватло так носится с каждым инструментом* (конструкция сохраняет разговорный оттенок).

5. В области выражения **ментальных** оценок можно выделить 6 лексем (1,2 %): *забавно, уморительно, подозрительно, поразительно, смешно, странно*, которые способны выступать и как предикативы, и как сентенциальные наречия, но сентенциальная функция у многих, опять же, нестандартна, не соответствует строгой литературной норме, и ее реализация весьма «чувствительна» к типу предиката основной пропозиции. Так, в предыдущих работах мы уже писали о «поведении» лексем *забавно* и более частотного *странно*, отмечая, что в узусе очень редко встречаются примеры типа *Политик странно отмалчивался*, т. е. в сочетании наречия с предикатами контролируемых действий; такие сентенциальные наречия шире употребляются с предикатами состояния лица, отношения или с неличными субъектами: *Ноги странно мерзли. У мертвых могут мерзнуть ноги? Маруся пошевелила руками, удостоверившись, что они у нее есть.* (Татьяна Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003)) = *Было странно, что ноги (еще) мерзнут; 'Марусе казалось, что она уже умерла'*. Ср. также контекст (17) с реляционным глаголом сопоставительного значения *напоминать*.

(17) ...*черты лица этой скульптуры-в-скульптуре подозрительно напоминают* <...> мэра Казани, в правление которого и был установлен монумент. (Л. А. Данилкин. На следующей войне (2016)) = **Подозрительно**, что черты лица этой скульптуры-в-скульптуре напоминают мэра Казани.

Итак, среди наречий с плавающей сферой действия выделяются: а) лексем, у которых имеются оба типа употребления: и сентенциальный, и предикативный (около 23 % от общего числа проанализированных единиц – 500), и б) лексем, в набор употреблений которых входит только один из модификаторов пропозиции (около 77 %). В данной статье мы рассмотрели семантические группы наречий, у которых не реализован или функционально слабо реализован один из типов модификации пропозиции. К таким адвербиальным единицам относятся наречия общей оценки и лексем с различными обстоятельственными оттенками значения (нет сентенциального и предикативного модификаторов соответственно); крайне ограниченно выступают в сентенциальной функции наречия состояния (эмоционального, физического, физиологического). Ментальные оценки также более свободно и стилистически нейтрально выражаются предикативами; узостью зоны корреляции отмечена и сфера выражения модальных значений.

При отсутствии коррелятивного предикатива образуется неграмматичное высказывание (**Действительно, что ты купил квартиру?*). В случае же, если в языке нет соответствующего предикативу сентенциального наречия, при трансформации «предикатив → сентенциальное наречие» а) также возникают некорректные конструкции (**Врач плохо не сделал укол*), б) наречие выполняет функцию глагольного, а не сентенциального модификатора (*Врач хорошо сделал укол*). При таких преобразованиях разные семантические типы наречий в роли глагольных распространителей обеспечивают либо смысловую дифференциацию, либо синонимию исходной (с предикативом) и полученной структур.

Более активное функциональное взаимодействие сентенциальных наречий и предикативов происходит в области выражения социально-этических и рационалистических оценок. Однако и данная семантическая зона не лишена лакун, причем их распределение специфично. Это станет предметом нашего рассмотрения в следующей работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шведова, Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения / Н. Ю. Шведова // *Вопр. языкознания*. – 1964. – № 6. – С. 77–93.
2. Greenbaum, S. *Studies in English adverbial usage* / S. Greenbaum. – London : University of Miami Press, 1969. – 262 p.
3. Thomason, R. A semantic theory of adverbs / R. Thomason, R. Stalnaker // *Linguistic Inquiry*. – 1973. – Vol. 4. – № 2. – P. 195–220.
4. Heny, F. W. *Sentence and Predicate Modifiers in English* / F. W. Heny // *Syntax and Semantics* / ed. by J. P. Kimball. – Vol. 2. – New York : Seminar Press, 1973. – P. 217–245.
5. Филипенко, М. В. Семантика наречий и адвербиальных выражений / М. В. Филипенко. – М. : Азбуковник, 2003. – 304 с.
6. Филипенко, М. В. Логико-семантическое представление наречий образа действия : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. В. Филипенко. – М., 1994. – 168 с.
7. Рудницкая, Е. Л. Словарная статья наречия *легкомысленно* / Е. Л. Рудницкая // *Семиотика и информатика*. – Вып. 32. – М., 1991. – С. 156–159.
8. Рудницкая, Е. Л. Сентенциальные наречия в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Л. Рудницкая. – М., 1993. – 199 с.
9. Рудницкая, Е. Л. Некоторые классы сентенциальных наречий в русском языке. Семантика. Синтаксис. Лексикография / Е. Л. Рудницкая // *Вопр. языкознания*. – 1994. – № 1. – С. 114–125.

10. *Кустова, Г. И.* Типы инфинитивных конструкций с предикативами (по данным Национального корпуса русского языка) / Г. И. Кустова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2021). – М. : Изд-во РГГУ, 2021. – С. 456–463.
11. *Летучий, А. Б.* Предикатив. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики / А. Б. Летучий – URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 29.05.2024).
12. *Циммерлинг, А. В.* Русские предикативы в зеркале статистики / А. В. Циммерлинг // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2023). – Т. 2. – М. : Изд-во РГГУ, 2023. – С. 579–589.
13. *Say, S.* On the nature of dative arguments in Russian constructions with «predicatives» / S. Say // Current Studies in Slavic Linguistics [Studies in Language Companion Series, 146] / ed. by Irina Kor Chahine. – Amsterdam : John Benjamins, 2013. – P. 225–245.
14. *Сердобольская, Н. В.* Конструкции с оценочными предикативами в русском языке: Участники ситуации оценки и семантика оценочного предиката / Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. – Т. X. – СПб. : Наука, 2014. – Ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. – С. 443–477.
15. *Кобозева, И. М.* Наречия оценки: корреляция семантических различий с синтаксическими (на примере наречий общей и гедонистической оценки) / И. М. Кобозева // Критика и семиотика. – 2022. – № 1. – С. 90–109.
16. *Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой.* – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
17. *Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов.* – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
18. *Морковкин, В. В.* Большой универсальный словарь русского языка : в 2 т. / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева. – М. : АСТ-Пресс, 2022.
19. *Национальный корпус русского языка.* – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.06.2024).
20. *Сандакова, М. В.* Семантическая оппозиция реального и нереального в современной речи / М. В. Сандакова // Вестн. Вят. гос. ун-та. – 2009. – № 3. – С. 106–110.

Поступила в редакцию 02.10.2024

Дашкевич Юлия Васильевна

аспирант кафедры фонетики
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Yuliya Dashkevich

PhD student
of English Phonetics Department
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
yuliya.das@gmail.com

Яскевич Виталий Валерьевич

кандидат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
фонетики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Vitali Yaskevich

PhD in Philology, Associate Professor
Head of English Phonetics Department
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
vitvalyas@gmail.com

ФОНОЛОГИЯ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

ENGLISH LOANWORDS PHONOLOGY IN THE KOREAN LANGUAGE
THROUGH INTERFERENCE

Статья посвящена рассмотрению особенностей фонетико-фонологических контактов неродственных языков. Исследование выявляет сходства и различия между адаптацией и интерференцией, которая возникает из-за влияния системы второго языка на звуковой облик слова. Приводятся примеры фонемных замен и изменений в слоговой структуре, демонстрирующие влияние родного языка на восприятие иноязычной речи. Эксперимент с участием носителей корейского языка показал, что результаты интерференции отражают возможности принимающей фонологической системы. Это позволяет объяснить исключения среди англицизмов, кодифицированных в корейских словарях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фонетическая адаптация; интерференция; заимствования; правила фонотактики; фонологическая система.

The article is devoted to the examination of the peculiarities of phonetic and phonological contacts of unrelated languages. The study reveals similarities and differences between adaptation and interference, which occurs due to the influence of the second language system on the word. Examples of phonemic substitutions and changes in the syllabic structure are given, demonstrating the influence of the native language on the perception of foreign language speech. An experiment involving native Korean speakers showed that the interference results reflect the capabilities of the recipient phonological system. This explains the exceptions among English loanwords codified in Korean dictionaries.

Key words: phonetic adaptation; interference; loanwords; phonotactic rules; phonological system.

Английская лексика, которая заимствуется в корейский язык, обязательно проходит через процесс адаптации к фонологической системе принимающего языка. Заимствования пропускаются через так называемый фонологический фильтр, в результате чего возникают изменения на фонемном, слоговом и акцентно-ритмическом уровнях. Аналогичный процесс происходит вследствие действия интерференции при слуховом восприятии и продуцировании речи на неродном языке. Можно предположить, что поскольку фонетическая адаптация и интерференция в своей основе имеют изменения фонетического облика слова под влиянием системы второго языка, результат обоих процессов должен обнаруживать значительное сходство [1, с. 584]. Таким образом, варьирование, вызванное интерференцией при восприятии речи на слух, может служить надежным источником данных для объяснения природы изменений, которые происходят в процессе фонетической адаптации английских заимствований в корейском языке.

Сопоставляя понятия адаптации и интерференции, отметим, что под *интерференцией* понимаются случаи отклонения от норм любого языка, возникающего в речи билингов в результате владения двумя и более языками, то есть вследствие языкового контакта [2, с. 22]. Интерференция – это «вторжение норм языковой системы в пределы другой» [2, с. 27], при этом одна из систем, взаимодействующих в речи человека, является первичной по отношению к другой и рассматривается как источник интерференции, а вторичная система – как объект интерференции. Из этих определений следует, что интерференция рассматривается только как негативная сторона переноса.

Основоположник фонологии Н. С. Трубецкой утверждал, что звуки чужого языка получают у нас неверную фонологическую интерпретацию, так как они пропускаются через «фонологическое сито» нашего родного языка. Каждый приучается с детства анализировать речь на трех уровнях. Первый служит для вычленения самых существенных для индивидуальности данной фонемы звуковых признаков. Все прочее «отсеивается» на второй уровень, где остаются черты звука, существенные для апеллятивной функции языка. Последний уровень обеспечивает выделение признаков, характерных для экспрессивной функции языка. Такой анализ осуществляется автоматически и бессознательно, однако обеспечивающая его система «сит» в каждом языке строится по-разному. Поскольку владение фонологической системой родного языка оказывается неприменимым для анализа иностранного языка, «постольку возникают многочисленные ошибки и недоразумения» [3, с. 59]. Аналогично иностранный акцент

зависит совсем не от того, что человек не в состоянии произнести тот или иной звук, а скорее от того, что он неверно судит об этом звуке. И такое неверное суждение о звуке иностранного языка обусловлено различием между фонологическими структурами иностранного и родного языков [3, с. 62].

Рассматривая явления интерференции во вторичной фонетической системе, У. Вайнрайх выделил 4 основных типа [2, с. 45–46]:

1. Недодифференциация фонем заключается в неразличении во вторичной системе таких звуков, соответствия которым являются отдельными фонемами в первичной системе. Например, неразличение английских /b/ и /v/, /з:/ и /р/ носителями корейского языка.

2. Сверхдифференциация фонем проявляется в присвоении звукам вторичной системы фонологических различий из первичной системы. Например, восприятие носителями русского языка мягкости и твердости английских согласных перед гласными переднего и заднего ряда.

3. Реинтерпретация различий возникает в случаях, когда билингв различает фонемы иностранного языка по признакам, которые являются дифференциальными в его родном языке, но интегральными во вторичной системе. Например, частичная палатализация немецких согласных /k/, /g/, /ŋ/ рядом с гласными переднего ряда, различаемая носителями русского языка, но не имеющая фонологической значимости в немецком [4, с. 46].

4. Субституция звуков речи – это неразличение интегральных признаков фонем. Происходит с теми фонемами, которые в обоих языках определяются одинаково, но в их нормальном произношении существуют различия. Например, замена носителями английского языка признака корейских согласных «придыхательный – непридыхательный» признаком «глухой – звонкий», что ведет к приравниванию непридыхательных к звонким, хотя они являются глухими в корейском языке.

Приводя данную классификацию, У. Вайнрайх подчеркивает, что сверхдифференциацию фонем и реинтерпретацию различий, по существу, не следует считать интерференцией: даже если некоторые интегральные признаки фонем рассматриваются говорящим как релевантные, они по-прежнему остаются «в диапазоне реализации фонем вторичного языка» [2, с. 47]. Отсюда следует вывод, что только недодифференциация фонем, даже если она незначительна и компенсируется контекстом, способна вызвать неправильное понимание [4, с. 47].

Очевидно, что двуязычный носитель подставляет «наиболее близкие звуки» своего родного языка на место звуков иностранного языка. Однако открытым остается вопрос о том, какие же звуки являются «наиболее

близкими». Э. Хауген приводит следующий пример: носитель английского языка не видит особой близости между /θ/ в слове *thin* 'тонкий' и фонемами /t/ в *tin* 'олово' и /s/ в *sin* 'грех', однако именно они подставляются вместо /θ/ многими иностранцами.

Сравнительные типологические исследования должны позволять нам предсказывать, какие звуки разных языков двуязычный носитель будет считать тождественными друг с другом при идеальных условиях восприятия и усвоения языков. Отношения между фонемами разных языков, которые отождествляются под действием интерференции, Э. Хауген предложил называть *диафоническими*, так как они выходят за пределы одной языковой системы. *Диафоны* в таком случае определяются как двуязычные аллофоны, то есть «иностранные» элементы фонологической системы. Диафоническое отождествление может быть конвергентным (несколько фонем воспроизводятся в другом языке с помощью одной вследствие недодифференциации), дивергентным (одна фонема отождествляется в другом языке с несколькими при сверхдифференциации) либо простым (имеется однозначное соотношение при реинтерпретации или субституции) [5, с. 72–74].

Соответствия между английскими словами и их заимствованными корейскими эквивалентами неоднократно становились предметом исследования в области фонетики и фонологии. Были установлены группы английских и корейских диафонов [6; 7; 8]; определены закономерности модификаций слов, возникающих на акцентном уровне [8; 9], а также на слоговом уровне под влиянием фонотактических ограничений корейского языка [10; 11]. Подобные исследования основаны на сопоставительном анализе, а также учитывают данные продукции английской речи носителями корейского языка. Однако в них не рассматриваются аспекты интерференции, возникающей в процессе слухового восприятия английской речи. Таким образом, целью нашего исследования является выявление сходств и различий между результатами процессов фонетической адаптации заимствований и интерференции при восприятии речи на слух.

Для того чтобы выявить, каким образом интерференция проявляется при восприятии иноязычной речи на слух, был проведен эксперимент с участием носителей корейского и английского языков. Носителем британского нормативного произношения была создана аудиозапись материала исследования, которая в дальнейшем предъявлялась для прослушивания десяти наивным носителям нормативного южнокорейского языка. В эксперименте приняли участие 5 мужчин и 5 женщин в возрасте 21–30 лет.

Материалом исследования послужила аудиозапись 90 изолированных английских слов, сгруппированных по 3 категориям:

1) 30 слов, которые были заимствованы и освоены корейским языком: *cheese* 'сыр', *wife* 'жена', *fashion* 'мода', *video* 'видео', *tomato* 'помидор' и др.; слова для этой категории были отобраны из Базового словаря корейского языка Национального института корейского языка [12];

2) 30 слов, не имеющих заимствованного эквивалента в корейском языке: *vase* 'ваза', *height* 'высота', *earthquake* 'землетрясение', *language* 'язык', *tourism* 'туризм' и др.;

3) 30 квазислов, которые полностью соответствуют фонотактическим требованиям фонологической системы английского языка: *mabe*, *hangle*, *turnish*, *frabjeous*, *plokensy* и др. Данная категория слов была включена в исследовательский материал с целью повышения достоверности результатов. Это обусловлено тем, что при восприятии таких слов аудиторы опираются исключительно на их звуковой состав, поскольку отсутствует возможность их семантизации.

Далее выборки организованы таким образом, чтобы в каждой из них было одинаковое количество слов, состоящих из 1, 2 и 3 слогов (по 10 соответственно), а также чтобы они были сбалансированы по степени сложности для слухового восприятия. Относительно легкая идентификация фонем (1) достигается в силу их близкого сходства, которое мы определяем как совпадение всех признаков, которые считаются дифференциальными в английском языке, и минимум одного интегрального. Например, английская и корейская /η/ идентичны по всем параметрам. Затрудненная идентификация (2) подразумевает совпадение дифференциальных признаков при несовпадении интегральных. Так, английские /p/, /t/, /k/ реализуются с помощью идентичных корейских фонем, однако, в позиции на конце слов произносятся их безвзрывные аллофоны. Наконец, дистантная идентификация (3) ожидается, если у аналогов фонемы в английском и корейском языках отличается хотя бы один дифференциальный признак: например, традиционно аналогом английской альвеолярной щелевой фонемы /z/ служит корейская палатально-альвеолярная аффриката /t͡s/.

В материале исследования также соблюдено примерно пропорциональное распределение открытых (44,4 %) и закрытых слогов (55,6 %). Следует пояснить, что расхождение обусловлено преобладанием закрытого типа слогов в английском языке, однако мы стремились уравновесить это соотношение, так как в корейском языке, наоборот, чаще встречаются открытые слоги.

В ходе эксперимента носителям корейского языка, владеющим английским языком как иностранным, было предложено прослушать аудиозапись слов и записать их корейскими буквами. Обратим внимание на то, что слова не нужно было переводить на корейский язык или записывать их заимствованные корейские эквиваленты (если такие имеются). Результаты прослушивания первой выборки слов сопоставлялись с их заимствованными эквивалентами в корейском, а результаты по второй и третьей выборкам – с формами, которые были бы приняты в корейском языке в соответствии с правилами фонетической адаптации заимствований.

В результате сравнения ожидаемых результатов с теми, что были получены от участников эксперимента, нами были выявлены следующие закономерности. В каждой из 3 групп выборки (английские слова, существующие в корейском, английские слова, не имеющие заимствованных эквивалентов, и квазислова) обнаружены одни и те же фонемные замены, которые не свойственны англицизмам в корейском языке (табл. 1).

Таблица 1

Фонемные замены

№	Английские фонемы		Нормативные корейские эквиваленты		Альтернативные варианты	
	Фонема	Пример	Буква и фонема	Пример	Буква и фонема	Пример
(1)	/e/	<i>health</i> 'здоровье'	e /e/	<i>hel-seu</i>	ae /ɛ/	<i>hael-seu</i>
(2)	/æ/	<i>manicure</i> 'маникюр'	ae /ɛ/	<i>mae-ni-kyu-eo</i>	a /a/	<i>ma-ni-kyu-eo</i>
(3)	/ə/ в конце слов	<i>bother</i> 'беспокоить'	eo /ʌ/	<i>beo-deo</i>	a /a/	<i>beo-da</i>
(4)	/f/, /θ/	<i>fashion</i> 'мода' <i>mouth</i> 'рот'	p /p ^h /, s /s/	<i>paе-syeon</i> <i>ma-u-seu</i>	pp /p̚/, ss /s̚/	<i>ppae-syeon</i> <i>ma-u-sseu</i>
(5)	/p/, /t/, /k/ /b/, /d/, /g/ в конце слов после кратких гласных	<i>gap</i> 'щель' <i>web</i> 'сеть' <i>truck</i> 'грузовик'	p [p̚], t [t̚], k [k̚]	<i>gaep</i> <i>web</i> <i>teu-reok</i>	p /p ^h /, t /t ^h /, k /k ^h / и b [p], d [t], g [k̚] + eu /ɯ/	<i>gae-peu</i> <i>we-beu</i> <i>teu-reo-keu</i>

Следует отметить, что в первой группе выборки перечисленные выше замены встречались значительно реже, то есть носители корейского языка фиксировали не столько аналоги звуков, которые непосредственно слышали, сколько цельное корейское слово (табл. 2).

Таблица 2

Частотность фонемных замен

№	Английские фонемы	Варианты замен: а) нормативный, б) альтернативный	По группам выборки, %			Всего
			1	2	3	%
(1)	/e/	а) e /e/	21,25	25,0	20,0	66,25
		б) ae /ɛ/	3,75	12,5	17,5	33,75
(2)	/æ/	а) ae /ɛ/	22,2	22,2	12,2	56,6
		б) a /a/	11,1	11,1	21,2	43,4
(3)	/ə/	а) eo /ʌ/	19,3	26,1	17,3	62,7
		б) a /a/	7,3	7,3	22,7	37,3
(4)	/f/, /θ/	а) не напряженные согласные	20,0	26,7	18,9	65,6
		б) напряженные согласные	7,8	12,2	14,4	34,4
(5)	/p/, /t/, /k/ /b/, /d/, /g/	а) безвзрывные аллофоны простых согласных	2,0	4,0	16,0	22,0
		б) отдельный слог (парагога)	18,0	16,0	44,0	78,0

Далее, поскольку фонемные замены во всех 3 категориях оказались идентичными, примеры будут представлены без деления на категории. Первыми будут даны варианты записи слов, соответствующие правилам адаптации заимствований, а вторыми – альтернативные варианты.

(1)

Англ. /e/ – кор. e /e/ или ae /ɛ/:

headquarters – *he-deu-kweo-teo-seu* или *hae-deu-kweo-teo-seu*

**delery* – *del-leo-ra-i* или *dael-leo-ra-i*

Вариативность при передаче этой фонемы была ожидаема, так как в современном корейском языке практически исчезло различие между гласными /e/ и /ɛ/. Кроме того, в иноязычных словах невозможно поддерживать корейскую гармонию гласных, что позволяет использовать любую из этих фонем [13, с. 4].

(2)

Англ. /æ/ – кор. ae /ɛ/ или a /a/:

language – *laeng-gwi-ji* или *lang-gwi-ji*

**frabjeous* – *peu-raeb-jeo-seu* или *peu-rab-jeo-seu*

В англицизмах, зафиксированных в словаре, на месте фонемы /æ/ чаще используется гласная *ae* /ɛ/. Такой выбор объясняется тем, что с целью унификации произношения и записи заимствованной лексики Национальный институт корейского языка установил свод правил «Написание заимствований» [14], в котором указаны предпочтительные формы записи слов при наличии конкурирующих вариантов. Таким образом, для передачи английских /e/ и /æ/ были приняты корейские /e/ и /ɛ/ соответственно. Интересен тот факт, что *a* /a/ также встречается как аналог /æ/ в словах, кодифицированных в словарях: *piano* – *pi-a-no*, *camera* – *ka-me-ra*, *caramel* – *ka-ra-mel* и т. п., так как их произношение и написание устоялись до того, как был принят вышеупомянутый свод правил.

(3)

Англ. /ə/ в конце слов – кор. *eo* /ʌ/ или *a* /a/:

**jure* – *ja-i-eo* или *ja-i-a*

**vorper* – *bo-peo* или *bo-ra*

Аналогичные варианты использовались для передачи скольжения дифтонгов /eə/, /ʊə/, /ɪə/:

chair – *che-eo* или *che-a*

**vure* – *byu-eo* или *byu-a*

Английский нейтральный гласный может быть реализован как более открытый звук в абсолютном начале или конце слова и как более закрытый в остальных позициях. Корейская фонема *eo* /ʌ/ является наиболее близким аналогом нейтральной гласной, однако не передает особенности ее позиционных вариантов, тогда как корейская *a* /a/ акустически соответствует более открытому варианту /ə/.

(4)

Англ. /f/, /θ/ – кор. *p* /p^h/, *s* /s/ или *pp* /p̚/, *ss* /s̚/ соответственно:

function – *peong-syeon* или *ppeong-syeon*

thriller – *seu-ril-leo* или *sseu-ril-leo*

Несоответствия можно объяснить тем, что для некоторых английских согласных в корейском языке можно подобрать по два варианта, которые в равной степени отличаются от оригинала, т. е. формируют эквиполентные оппозиции. Например, для английских /p/ и /f/ равнозначными заменами могут выступать глухой придыхательный *p* /p^h/ или глухой напряженный *pp* /p̚/. Для английского согласного /p/ наличие придыхания и напряженность являются интегральными, однако эти же признаки различают /p^h/ и /p̚/ в корейском языке [15, с. 41]. Вследствие реинтерпретации различий носитель корейского языка может выбрать любой из

вариантов в зависимости от того, который из признаков он воспринимает как более важный, несмотря на то, что корейские напряженные согласные в английских заимствованиях не используются [16, с. 91].

(5)

Англ. /p/, /t/, /k/ и /b/, /d/, /g/ в конце слов после кратких гласных – кор. *p* [p̄], *t* [t̄], *k* [k̄] или *peu* /p^hш/, *teu* /t^hш/, *keu* /k^hш/ и *beu* [pш], *deu* [tш], *geu* [kш]:

**gimbat* – *gim-baet* или *gim-bae-teu*

**yok* – *yeok* или *yeo-keu*

Стоит обратить внимание на то, что выбор в пользу отдельно стоящих согласных иногда делался не только в случаях, соответствующих правилам фонотактики корейского языка, но и в ситуациях, когда это было нарушением этих правил. Если в конце английского слова находятся две смычно-взрывные согласные, то в его корейском варианте первая согласная становится финалью слога, а вторая образует отдельный слог вместе с дополнительной гласной, которая возникает в результате парагоги [13, с. 385]. Вторая согласная не может быть передана вне нового слога, но, тем не менее, в 36,7 % случаев участники эксперимента записывали ее отдельно, подчеркивая, что именно так они воспринимают слово, например:

point – *po-in-t* вместо *po-in-teu*

underground – *eon-deo-geu-ra-un-d* вместо *eon-deo-geu-ra-un-deu*

Такие варианты не только нарушают правила фонотактики, но и не могут быть правильно записаны на корейском языке, так как все буквы должны группироваться в слоги, а отдельная согласная не может сформировать слог: *po-in-t* 포인ㅌ, *eon-deo-geu-ra-un-d* 어더그라운드. Таким образом, система письменности корейского языка препятствует наиболее точной передаче иноязычных слов, однако служит сохранению стабильности принимающей фонологической системы.

В качестве вывода отметим следующее. Во-первых, фонемные замены в консонантной и вокалической системах, а также изменения в слоговой структуре слов, записанных участниками эксперимента, демонстрировали сильное влияние интерференции родного языка, но при этом в подавляющем большинстве случаев были такими же, как и изменения в адаптированных заимствованиях. Этим подтверждается предположение о сходстве механизмов фонетической адаптации и интерференции.

Во-вторых, ключевое отличие интерферентных вариантов от адаптированных состоит в том, что только в интерферентных вариантах зафиксированы нарушения корейской фонотактики и правописания. Это сви-

детельствует о том, что при восприятии речевых сигналов неизвестного языка человек все же обладает способностью выходить за пределы перцептивной базы родного языка, слышать и воспроизводить сегменты, не пропускаемые родным фонологическим фильтром.

В-третьих, в результате интерференции возможно появление нескольких вариантов восприятия иноязычных слов. Это разнообразие демонстрирует возможности принимающей фонологической системы в большей мере, чем результаты адаптации заимствований, поскольку в процессе лексикографического нормирования из конкурирующих вариантов сохраняется лишь один. Варианты фонемных замен, выявленные в ходе эксперимента, объясняют исключения среди англицизмов, кодифицированных в корейских словарях: такие замены равноправны с общепринятыми, однако они устоялись до того, как были сформулированы единые правила записи англицизмов, и сохранились в качестве исключений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Zavyalova, V. L.* Tracing the roots of phonetic variation in East Asian Englishes through loan phonology / V. L. Zavyalova // *Russian Journal of Linguistics*. – Vladivostok : 2020. – № 24 (3). – P. 569–588.
2. *Вайнрайх, У.* Языковые контакты / У. Вайнрайх. – Киев : Высш. шк., 1979. – 264 с.
3. *Трубецкой, Н. С.* Основы фонологии / Н. С. Трубецкой. – Изд. 3-е, испр. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 336 с.
4. *Ильнер, А. О.* Развитие иноязычного речевого слуха в условиях учебного многоязычия / А. О. Ильнер. – Екатеринбург : УрФУ, 2016. – 136 с.
5. *Хауген, Э.* Языковой контакт / Э. Хауген // *Новое в лингвистике*. – М. : 1972. – Вып. 6. – С. 61–80.
6. *Завьялова, В. Л.* Звуковой строй английского языка Восточной Азии: концепция регионального фонетического варьирования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Завьялова Виктория Львовна ; Дальневост. федер. ун-т. – М., 2018. – 44 с.
7. *Kang, Y.J.* The emergence of phonological adaptation from phonetic adaptation: English loanwords in Korean / Y.J. Kang // *Phonology*. – 2010. – № 27. – P. 225–253.
8. *Tranter, N.* The phonology of English loan-words in Korean / N. Tranter // *Word*. – 2000. – № 51:3. – P. 377–404.

9. *Kang, Y. S.* Stress Processing Sensitivity in Reading Korean and English Words / Y. S. Kang, S. H. Baek, M. R. Yim // Language, Information and Computation : Proceedings of the 22nd Pacific Asia Conference, Cebu, Nov. 2008 / The University of the Philippines Visayas Cebu College ; ed.: R. E. O. Roxas [et al.]. – Manila, 2008. – P. 225–234.
10. *Уютова, Е. В.* Слово-ритмическая структура английской речи носителей корейского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Уютова Евгения Викторовна ; Дальневост. гос. ун-т. – Владивосток, 2004. – 25 с.
11. *Kim, J. M.* Syllable dependent loanword adaptation from English to Korean and Chinese / J. M. Kim // The Journal of Linguistic Science. – 2024. – № 109. – P. 49–78.
12. *한국어 기초 사전* : [Базовый словарь корейского языка]. – URL: <https://krdict.korean.go.kr/kor/> (дата обращения: 07.08.2024).
13. *The Handbook of Korean Linguistics* / ed.: L. Brown, J. H. Yeon. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2015. – 522 p.
14. *외래어 표기법* : 문화체육관광부 28.03.17. – 서울, 2017. – 55 장. [Правила написания заимствований : утв. М-вом культуры, спорта и туризма Респ. Корея 28.03.17. – Сеул, 2017. – 55 с.]
15. *Капарушкина, Д. И.* Особенности консонантной системы корейского языка (обзор корейской научной литературы) / Д. И. Капарушкина // Вестн. РУДН. – 2014. – № 2. – С. 35–41.
16. *Ко, Е. Ч.* Написание заимствований в корейском языке / Е. Ч. Ко, Д. Р. Ким // Корееведение в России: направление и развитие. – 2021. – Т. 2. – № 1. – С. 87–96.

Поступила в редакцию 11.09.2024

УДК 821.161.3

Круглова Вольга Валянцінаўна

кандыдат філалагічных навук,
дацэнт кафедры рамана-германскіх моў
міжнароднай прафесійнай дзейнасці
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь

Olga Kruglova

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Romano-Germanic
Languages of International Professional
Activities
Belarusian State University
Minsk, Belarus
kruglova_olga92@mail.ru

ЛЕКСІКА-ГРАМАТЫЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ПОЛЬСКАМОЎНАЙ ЛІРЫКІ ЯНКІ ЛУЧЫНЫ

LEXICON-GRAMMATICAL FEATURES OF THE POLISH LYRICS BY YANKA LUCHYNA

У артыкуле ўпершыню даследуюцца моўныя асаблівасці польскамоўнай лірыкі Янкі Лучыны. Вызначаецца адметнасць лексічнай і граматычнай пабудовы верша. Характарызуюцца спосабы дасягнення паэтычнай выразнасці. Аналізуецца месца і роля лексічных і граматычных канструкцый. Падкрэсліваецца ўвага Янкі Лучыны да выбару моўных сродкаў.

Ключавыя словы: клічны склон; загадны лад дзеяслова; умоўны лад дзеяслова; ступені параўнання прыметніка; ступені параўнання прыслоўя; памяншальна-ласкальная форма назоўніка; паралелізм; прыметнікі колеру.

The article examines for the first time the linguistic features of the Polish lyrics by Yanka Luchyna. The distinctiveness of the lexical and grammatical structure of the poem is determined. Methods of achieving poetic clarity are described. The place and role of lexical and grammatical constructions is analyzed. Yanka Luchyna's attention to the choice of linguistic means is emphasized.

Key words: vocative case; imperative form of the verb; conditional form of the verb; degree of comparison of adjective; degree of comparison of adverb; diminutive form of noun; parallelism, adjectives of color.

Мова літаратурнага твора адрозніваецца ад агульнанацыянальнай. Мастацкая мова мае шэраг асаблівасцей, неўласцівых агульналітаратурнай мове. Ю. М. Лотман адзначае: «... уваходзячы ў склад адзінай цэласнай структуры верша, значныя элементы мовы аказваюцца звязанымі складанай сістэмай адносін, супастаўленняў і супрацьпастаўленняў, немагчымых у звычайнай моўнай канструкцыі. Гэта надае і кожнаму элементу асобна, і ўсёй канструкцыі ў цэлым асаблівую семантычную нагрузку. Словы, сказы і выказванні, якія ў граматычнай структуры знаходзяцца ў розных,

без рыс падабенства, і несупастаўляльных пазіцыях, у мастацкай структуры аказваюцца супастаўляльнымі і супрацьпастаўляльнымі, у пазіцыях тоеснасці і антытэзы, і гэта раскрывае нечаканы, немагчымы па-за вершам, новы семантычны змест. <...> семантычную нагрузку атрымліваюць элементы, якія не маюць яе ў звычайнай моўнай структуры» [1, с. 49].

У вершаванай мове ўжываюцца лексічныя адзінкі, значэнне якіх часта адрозніваецца ад агульнавядомага. Ю. М. Лотман падкрэслівае: «Слова ў вершы – гэта слова з натуральнай мовы, лексічная адзінка, якую можна знайсці ў слоўніку. І тым не менш яно аказваецца не роўным самому сабе. Менавіта падабенства, яго супадзенне са “слоўнікавым словам” дадзенай мовы стварае адрозненне паміж то разыходзячыміся, то збліжаючыміся, але адзеленымі і супастаўленымі адзінкамі: агульнамоўным словам і словам у вершы» [1, с. 91].

У мастацкім творы паэт надае слову асаблівае значэнне, якое можа быць зразумелым толькі ў кантэксце. Ю. М. Лотман сцвярджае: «... верш – гэта адначасова і паслядоўнасць слоў, і слова, значэнне якога не раўняецца суме значэнняў яго кампанентаў...» [1, с. 97].

Моўныя адзінкі ў паэтычны творы могуць мець больш / менш шырокае / вузкае значэнне. Паводле Ю. М. Лотмана, у паэзіі выяўляюцца наступныя рысы [1, с. 47]:

1. Любыя элементы моўнага ўзроўню могуць узводзіцца ў ранг значных.

2. Любыя элементы, якія з'яўляюцца ў мове фармальнымі, могуць набываць у паэзіі семантычны характар, атрымліваючы дадатковыя значэнні.

У вершаваным творы назіраецца асабліва граматычная пабудова для дасягнення пэўнага сэнсу. Ю. М. Лотман заўважае: «... граматычныя значэнні, дзякуючы таму, што стыхійнае несвядомае іх выкарыстанне ў мове замяняецца значымай пабудовай тэксту мастаком, могуць набываць незвычайную для іх сэнсавую выразнасць, уключаючыся ў незвычайныя апазіцыі» [1, с. 91]

Адной з характэрных рыс мастацкай мовы з'яўляецца наданне слову абсалютна новага значэння. Б. В. Тамашэўскі адзначае: «Звычайны спосаб стварэння мастацкай мовы – выкарыстанне слова ў незвычайнай асацыяцыі. Мастацкая мова стварае ўражанне некаторай навізны ў абыходжанні са словамі, з'яўляецца своеасаблівым новаўтварэннем. Слова як бы набывае новае значэнне» [2, с. 33]

Мэтай кожнага літаратурнага твора з'яўляецца перадача пэўнай думкі: «Маўленне, у якім прысутнічае ўстаноўка на выражэнне, называецца мастацкім» [2, с. 28].

У творы «Lirnik wioskowy» Янка Лучына называе паэта лірнікам, як у даўнія часы называлі асобу, якая пісала вершы, і надзяляе яго атрыбутам – лірай – сімвалам мастацтва. Зваротак (назоўнік у форме клічнага склону) пачынае верш і некалькі разоў паўтараецца: «Liro ty moja śpiewna!» [3, s. 72–73], што звяртае ўвагу на цэнтральнага адрасата твора – ліру.

Лірычны герой заклапочаны знікненнем цікавасці да творчасці і імкнення знайсці прычыну. Менавіта да ліры адрасуюцца шматлікія пытанні.

Адным з адказаў з’яўляюцца складаныя жыццёвыя ўмовы, якія не даюць часу і магчымасці на чытанне. Янка Лучына супрацьпастаўляе сучаснае мінуламу пры дапамозе дзеясловаў у цяперашнім часе і адмоўных часціц *не*, *ні* і прыназоўніка *без*, што стварае вобраз мінулага, больш спрыяльнага для папулярнасці паэзіі:

Ludzie dbają *nie* wiele i o hymny w kościele

I o piosnki w gospodzie.

Nie pytają spótcześni *ni* o modły, *ni* pieśni...

.....

Cisza... zmiłkli śpiewacy, gdy *bez* chleba i pracy

Snują tłumy płaczące,

Gdy w zadumie o jutro też zwątpienia *nie* utra... [3, s. 72–73].

Паэт ужывае дзеясловы са значэннем ‘закончыць дзеянне’: «dawny zasób *znikł* zwolna», «*wyczerpano* kapitał», «*zmiłkli* śpiewacy», каб больш дакладна паказаць наяўнасць пэўных дзеянняў у мінулым і адсутнасць у сучасным.

Наступная прычына крыецца ў перавазе замежнай культуры над айчыннай. Янка Лучына пры дапамозе прыметнікаў і прыслоўяў у вышэйшай ступені параўнання супрацьпастаўляе замежную і айчынную паэзію:

Gdzieś ty piosnko *dawniejsza*?!.Czyż pieśń obca *piękniejsza*?..

Czy nam *lepiej* przypada? [3, s. 72–73].

Спраба лірычнага героя ажывіць творчасць выражаецца дзеясловамі ў форме загаднага ладу і формамі клічнага склону:

Zbudź się, zbudź się z zadumy, *uderz* pieśnią; na tłumy

Liro przodków *świetlana*!

Zagrzmij w struny nam *wieszczce*, *ukaz* cuda, ach jeszcze

Sławna Liro Bojana.

Hej! *lirniku*, hej *młody*! – *idź* z twą bracią w zawody

Wieści braciom *daj* chyże!

Kiedyś wioski *śpiewakiem*, nad polami *mknij* ptakiem.

Skonaj, grając na lirze!

.....

Piosnko!., piosnko ludowa! zolbrzymieją tve słowa...

.....

*Liro! słowem ojczystem, pieniem dla nas graj czystem
Głośniej, niż dzwonów spiże!*

*A ty, komu Bóg we śnie czarodziejskie szle pieśni,
Skonaj, grając na lirze! [3, s. 72–73].*

Верш «Dwie zorze» паказвае душэўны стан лірычнага героя да і пасля сустрэчы з каханай. 6 строф займае маляўнічае апісанне прыгажосці наваколля перад сустрэчай, а падчас сустрэчы ўсе прыродныя аб'екты Янка Лучына называе адмоўным займеннікам «*Jam nic nie widział*» [3, s. 74–75], бо ў дадзены момант для лірычнага героя нічога не мела значэння, акрамя каханай.

У творы «*Na przewozie*» паказ неадукаванасці сялян узмацняюць адмоўныя часціцы:

*Ni skoczyć rażno w ochoczy taniec,
Ni piosnki usnuć nie umie [3, s. 76–78].*

Янка Лучына выражае ўпэўненасць у магчымасці сялян здабыць ураджай, дзякуючы працавітасці, і ўжывае дзеясловы ў форме 2-й асобы множнага ліку, тым самым ствараючы зборны вобраз супольнасці, у якой дабрабыт вышэйшых слаёў залежны ад працы ніжэйшых слаёў:

*Mamy chleb żytni – tośmy bogaci!
Mamy dość lasu i paszy [3, s. 76–78].*

Пры дапамозе форм меснага склону ў вершы «*Pyszny widok*» перадаецца бязмежнасць горнага пейзажу:

*Tam na skałach skał gromada,
Z wiecznych śniegów wód kaskada
Z rykiem pędzi po opoce...*

.....

*Że się gubi człek w przestrzeni.
Tam z wierzchołka oko sięga
W nieskończonej dali szlaki,
W górze końca nie ma światom... [3, s. 79–81].*

Лірычны герой, знаходзячыся на чужыне, увесь час успамінае радзіму, пра што сведчыць ужыванне прыслоўяў са значэннем 'пастаянна':

*I tak ciągle, i tak zawsze!
Gdy co piękne – schylam czoło <...>
Lecz – nie oddam duszy za nie! [3, s. 79–81].*

У творы «Ja umierać nie chcę...» выкарыстанне дзеепрыслоўяў паказвае бессэнсоўнасць дзеянняў (вырубка дрэва, пазбяганне смерці, прадбачанне ранняй смерці):

Kędzierzawą brzoźkę rankiem dla swawoli
Chłopak, *idąc* drogą, przerażał toporem.
Pod słoneczną spieką *wiedniejąc* powoli,
Zamarła brzezina jeszcze przed wieczorem.
Postrzelony jeleń rankiem padł na wrzosa,
Padł, *uchodząc* śmierci, ciemnym *pędząc* borem...

.....

Nie czas świat porzucić, starców *idąc* wzorem... [3, s. 84–85].

Граматычны паралелізм у першай частцы наводзіць лірычнага героя на думку наканаванасці і немагчымасці супрацьстаяць лёсу:

Zamarła brzezina jeszcze przed wieczorem. <...>

I zakończył życie jeszcze przed wieczorem [3, s. 84–85].

У другой частцы дзякуючы выкарыстанню граматычнага пералелізму паказана вера лірычнага героя ў лепшую будучыню:

Ja umierać muszę jeszcze przed wieczorem. <...>

Lecz *ja umrzeć nie chcę* jeszcze przed wieczorem. <...>

Ja umierać nie chcę jeszcze przed wieczorem [3, s. 84–85]

У элегіі «Na cmentarzu» пры дапамозе прыслоўяў і займеннікаў са значэннем ‘бліжэйшае месца’ і ‘далейшы аб’ект’ супрацьпастаўляецца свет жывых і мёртвых:

Jak *tu* zacisznie! – gwar nie dolata
Miastowych zgiełków. Mową bez słów
Przemawia wieczność z *tamtego* świata

Grobowem echem w *tem* państwie snów [3, s. 86–87]

У творы «Gdzieś ty moja piosenka?» працяглая адсутнасць натхнення перададзена пры дапамозе назоўнікаў са значэннем ‘часавы перыяд’. Пералічэнне адбываецца ад найбольш кароткага да найбольш доўгага перыяду, што паказвае паступовы адыход ад творчасці:

Tak przemija *dzień* po *dniu*

I miesiące i *lata*... [3, s. 88–89].

Лірычны герой і песня паўстаюць як адзінае цэлае, пра што сведчыць выкарыстанне дзеясловаў у форме другой асобы множнага ліку:

Roztlim dumań iskierki

Łzą ożywczą *zapłaczem!* [3, s. 88–89].

Верш «Kurs literatury powszechnej końca XIX wieku» – міні-гісторыя беларусаў канца XIX стагоддзя. Кожнаму этапу жыцця адпавядае літаратурны жанр: «piosenka» – маладосць, «roemat» – утварэнне сям’і, «powieść» – выхаванне дзяцей, «dramat» – старасць [3, s. 93–94].

Твор «Na jubileusz Orzeszkowej» уяўляе сабой падзяку Элізе Ажэшцы ад прадстаўнікоў розных слаёў насельніцтва, што паказана пералічэннем тыпаў будынкаў, адпавядаючых асобным сацыяльным сляям: «Pałac i chata, dworki i warsztaty» [3, s. 95].

Верш «Z dziejów życia i pieśni» – міні-біяграфія Янкі Лучыны. Сціпласць, уласцівая лірычнаму герою ў маладосці, перадаецца дзеясловамі са значэннем ‘непакоіцца, не мець адвагі’: «Kryłem się», «Bo przy niej wzroku // Podnieść nie śmiałem // <...> Błędłem i drżałem» [3, s. 96–102].

У творы «W pogoni za szczęściem» супастаўляюцца розныя погляды на шчасце. Пры дапамозе прыметніка і прыслоўя ў вышэйшай ступені параўнання паэт падказвае, калі дасягненне мэты найбольш відавочнае: «Tem blask jest *piękniejszym*, im *mniej* jest nadziei, // Że pątnik już celu doścignie» [3, s. 103–104].

У вершы «Co lubię?» Янка Лучына паказвае свае любімыя заняткі, ужываючы дзеясловы руху, дзякуючы чаму ствараецца ўражанне імкліваасці: «wyskoczyć i pędzić», «leć / lecę», «przesadził», «puścić się», «drzeć się», «nieś» [3, s. 105–106].

Твор «Plus quam perfectum» – узнаўленне вядомай паэту гісторыі. Янка Лучына ўжывае дзеяслоў са значэннем няўпэўненасці: «*Nie wiem, ile prawdy mieści...*» [3, s. 107–111].

Верш «Piosnka o racza» нагадвае песню-вяснянку. Араты, працуючы ў полі, дакладна ўяўляе будучы ўраджай, што перадаецца формамі дзеясловаў у будучым часе:

Matka ziemia czarna,
Kiedy ją *poorzę*,
Chętnie *przyjmie* ziarna –
I *wyrośnie* zboże.
Ciepły wietrzyk *wionie*
Chmura łzę *wyleje*,
Zboże na *zagonie*
Wnet *pozielenieje*.
Piękne *będą* runie
Wzrosną wyżej *jeszcze*,
Kłós *się* z nich *wysunie*,

Z wiatrem *zaszeleszczę*.
W kłosie *będzie* ziarno,
To bogactwo nasze [3, s. 112–113].

Значнае месца ў вершы займаюць назоўнікі памяншальна-ласкальнай формы, што набліжае яго да фальклору: «woliki», «jaskółeczka», «grzeszotka», «muszki», «piosenka», «wietrzyk» [3, s. 112–113].

Твор «Przedwiośnie» перадае настрой, выкліканы надыходам вясны. Пры дапамозе часціц са значэннем 'пачатак дзеяння' і 'працягванне дзеяння' паэт супастаўляе гатоўнасць і негатоўнасць прыроды да сустрэчы вясны:

*Już mętnie zagrały ruczaje,
Lecz jeszcze pod śniegiem śpi ziemia spowita,
Śpią jeszcze i pola i gaje.*

.....

Śpią jeszcze i lasy i łąny.

.....

Że jeszcze nam wiosny nie będzie [3, s. 114–115].

У вершы «Na powodzian», каб узмацніць уражанне ад бяды затапельцаў і сцвердзіць, што патоп адбіўся на ўсіх жыхарах краю, Янка Лучына выкарыстоўвае займеннікі са значэннем 'адносіцца да асобнага аб'екта групы': «Biednych kmiotków *całe* mienie», «Zrujnowany *każdy* kątek». Паказваючы моц селяніна, паэт ужывае прыметнікі ў найвышэйшай ступені параўнання:

*Tyś najcichszy, najskromniejszy,
Tyś wyorał wiek dzisiejszy.*

Tyś go kupił praca, potem... [3, s. 116–118].

У творы «O zmroku» пры дапамозе ўступальнага злучніка паэт дэманструе безвыніковыя намаганні героя пазбавіцца ад негатыўных перажыванняў нягледзячы на прыгажосць наваколля, якой ён любуецца.

*Zawsze ze mną czarna jędra,
Choć się śmieję, – ona we mnie,
Chcę uciekać – lecz dopędza,
Chcę się ukryć, – lecz daremnie* [3, s. 119–120].

Янка Лучына выражае пажаданні лірычнага героя дзеясловамі ў форме ўмоўнага і загаднага ладу:

*Chciałbym rybką w wód kryształe
Płynąć, płynąć w zimnej toni!
Niech mię skryją modre fale,
Niech tęsknota nie dogoni.*

Chciałbym ptakiem szybkim lotem
Hej! w powietrznej *mknąc* przestrzeni
I *zapomnieć* nawet o tem,
Na co ludzie przeznaczeni.
Choć sen grobu nie ponętny,
Chciałbym zasnąć i *czuć* we śnie
I na świat ten obojętny...

Słyszec, tworzyć tylko pieśni! [3, s. 119–120].

У вершы «Образек» заканчэнне цяжкага працоўнага дня селяніна перададзена пры дапамозе дзеясловаў са значэннем ‘вяртацца’: «*Ruszył, krocząc szeroko: // Skrzyły wrota, znikł w bramie*»; «*Bydło wraca i staje...*»; «*Powracają wieśniacy...*» [3, s. 121–126].

У творы «Jesień (Chłodny, ostry, przenikliwy...)» паэт выкарыстоўвае прыметнікі са значэннем ‘рэзкі, моцны’, каб паказаць негатыўны ўплыў стихій: «*Chłodny, ostry, przenikliwy / Wiatr przez puste wieje niwy*» [3, s. 132–133].

Просьбу селяніна аб добрым ураджаі пісьменнік перадае пры дапамозе дзеясловаў у форме загаднага і ўмоўнага ладу:

„*Mocny Boże! niech* ku wiosnie,
Na las *patrząc, żyto rośnie!*
Niech je w porę deszczyk *rosi,*
Ciepłe tchnienie wiatr *przynosi,*
Skwar słoneczny *nie dopieka,*
By wyrosła wyżej *człeka!*”

.....

Rośnij krzepka na swem łonie,
Niechaj *cieszą się* ziemianie!

Niech sownice *się optaca* [3, s. 132–133].

У вершы «Do roety» Янка Лучына заахвочвае паэта быць сапраўдным творцам і прапануе дзеянні, неабходныя для гэтага, выражаныя дзеясловамі ў форме загаднага ладу:

Budź dumy, co smucą:
Niech w piersiach *zanucą*
Pieśń *wzniosłą! Niech* *wzlata*
Myśl w piękny kraj *świata.*
Uśmierzaj społeczne
Boleści *odwieczne!*
Niech w łonie *kołata*
Uczucie dla brata.

*Rzuć w duszę i serce
Myśl w drobnej iskiecce,
Rozdmuchaj – niech płonie,
Miłości żar w łonie!
Niech siatki nerwowe
Zadrgają jak struny,
A słowa, miarowe
Ciskają pioruny.
Pokochaj twej ziemi
Piersiami całemi...*

.....

*Pokochaj sny złote
Dziecinnych lat świadki...*

.....

*Poszukaj podniety
W uczuciu kobiety,
Nieś serce jej własne*

I w oczy *patrz* jasne... [3, s. 134–135].

У творы «Ruń» Янка Лучына выкарыстоўвае форму дзеяслова прошлага часу сярэдняга роду, якая адсутнічае ў славянскіх мовах, адухаўляючы збожжа: «*Jam wyrosło z ziemi*». Значнае месца займаюць назоўнікі ў памяншальна-ласкальнай форме: «*trawka*», «*chmurka*», «*łezki*», «*słoneczko*», «*wietrzyk*», «*kwiatki*», «*ziarnka*» [3, s. 136–137], што выражаюць падзяку прыродзе.

Верш «*Kotysanka*» ўяўляе сабой песню маці, звернутую да дзіця. Вобраз маленькага сына дапамагаюць стварыць назоўнікі ў памяншальна-ласкальнай форме: «*grączki*», «*główkę*», «*gwiazdek*», «*włoski*», «*słonko*» [3, s. 138–139].

Твор «*Pożegnanie*» – гэта своеасаблівае падсумаванне жыццёвага шляху. Перыяды жыцця лірычнага героя акрэсліваюцца пры дапамозе розных часавых форм дзеясловаў. Лірычны герой разважае пра цяперашні час, паказваючы падзеі, што звычайна адбываюцца ў знаёмых яму мясцінах (дзеясловы цяперашняга часу), задумваецца пра тое, што чакае яго ў будучым (дзеясловы будучага часу), і ўспамінае мінулае як найлепшую пару ў жыцці (дзеясловы прошлага часу):

*Zmuszony was pożegnać, pola, łąki, knieje,
Gdzie wiatr znany z nad Niemna aromatem wieje,
Gdzie tęskne dumki gwarzy sośnina przy jodle,
Ja się o jedną łaskę do Ciebie, Boże, modłę:*

Żeby, gdy duch *opuści* skołatane ciało,
Gdy *zastygnie* to serce, co Litwę *kochało*,
Żeby – zwłoki me *przyjął* cichy na wsi cmentarz,
Gdzie każdy wzgórek *mówi*: „czy ty mnie *pamiętasz*,
Gdy młody, pełen siły, z strzelbą na ramieniu,
Przebiegałeś ochoczo z dziesięć mil w promieniu” [3, s. 142–143].

У вершы «Гłos тлуму» Янка Лучына раіць паэту адмовіцца ад творчасці або спалучыць паэзію з жыццём народа, або звярнуцца да прозы. Парады выражаны дзеясловамі ў форме загаднага ладу:

Zamilknij lirniku, nie trzeba nam pieśni!
Złóż na bok śpiewacze narzędzie,

.....

Zamilknij, lub z treścią doniosłą a żywą
W twej piosnce na nowe *wejdź* tory,
Pieśń z życiem współczesnem *złącz* w jedno ogniwo,
Wskaż nowe zadania i wzory.
Z rozumu potęgą *wejdź* między olbrzymy,
Co trzęsą świat siłą i grozą;
A mówiąc nawiasem, i pocóż te rymy,
Te miary, średniówki – *pisz* prozą!

.....

Jeżeli nie życzysz być głosem w pustyni,
Nie *szukaj* natchnienia i treści... [3, s. 143–144].

У творы «Czarne myśli» лірычны герой задумваецца над сэнсам свайго існавання. Яго зварот да песні рэалізуецца асабовымі займеннікамі 2-й асобы і прыналежным займеннікам у розных склонавых формах: «Żyję dla ciebie piosnko skrzydłata»; «Jam cię ukochał, ty żyjesz we mnie!»; «Chcę ciebie dźwignąć i chcę daremnie»; «Bez ciebie tęskno na tym Bożym świecie!»; «czemuż wcześniej nie wiedziałem, // Żeś ty, piosenko, dla mnie przeznaczona? // Że twoje tony będzie mym udziałem // Snuć z mego łona!».

Пажаданні героя выражаны дзеясловамі ў форме ўмоўнага ладу:

Chciałbym wziąć rozbrat z walką codzienną,
Chciałbym myśl ludzką *śledzić* w rozwoju,
Zbadać jej każdą zwrotkę odmienną! [3, s. 145–147].

Рух у прыродзе ў вершы «Wiosna» перадаецца пры дапамозе дзеясловаў са значэннем ‘выйсці з пэўнага стану’: «ożyły», «budzą się», «ocknęły się», «powstaje», «pośpiesza», «zerwać» [3, s. 148].

Для перадачы зацішша перад бурай у творы «Urał przed burzą» выкарыстоўваюцца дзеясловы са значэннем ‘панізіць актыўнасць’:

W zieleni drzew *zamilkły* ptaszak gwary,
I rybki gdzieś *ukryły się* na dnie [3, s. 149].

Моц стыхіі ў вершы «Mróz» паэт паказвае, прыводзячы назвы прыродных з’яў, што суправаджаюцца снегам, марозам і ветрам:

I pomknął w sojuszu z przyjaznym *podmuchem*,
Z nim *śnieżne* pobiegły *zamiemie*,
Gdzie stał, tam ziemia pokryła się *puchem*,
Wichura płakała jak dziecię [3, s. 151].

Вершаваныя лісты «Mój Panie Aleksandrze!» і «Towarzyszu i Bracie!» Янка Лучына пачынае са звароткаў, у адным заключана імя: «Mój Panie Aleksandrze!» [4], а ў другім ступень адносін: «Towarzyszu i Bracie!» [4].

Пісьменнік меў сяброўскія і прафесійныя стасункі з Зянонам Пшасмыцкім і Аляксандрам Валіцкім, пра што сведчыць чаргаванне зваротаў на *ty*, *wy* і *pan*:

Czy się przyda na jutro? – *zdecydujcie sami*;
Stoczcie bitwę *stanowczą* z wszelkimi błędami,
A, jeśli *Pan* zobaczysz... [4].

Mogę *Cię* teraz nazwać, choć widziałem krótko,
Wybacz! – że tytułować zaprzestaję *Panem*,
Uczucie jest w tym razie jedyną pobudką.
Szanuję *Cię*, lecz także kochać się ośmiełę,
A, wpisując pomiędzy drogie przyjaciele,
Nie mogę mimowoli poprzestawać na tem,
Że *cię Panem* nazywam, bo już chciałbym bratem!

.....

Tyś, Bracie, pierś nadstawił szlachetną i młodą
Przeciw prądom, co pędzą silne i burzliwe
I zamiast gnuśnie płynąć z falującą modą,
Dać jej odpor wysiłki *robisz* rozpaczliwe! [5].

Твор «Май» пабудаваны на граматычным і сінтаксічным паралелізме. Янка Лучына паўтарае ключавыя канструкцыі, дадаючы новае значэнне, каб паказаць, як паступова змяняецца настрой лірычнага героя:

Wśród *jasnych* dni, *majowych* dni
Jak cudnie w lesie!
Ubiegłych chwil dziś szczęście śni
I śpiewać chce się.

Z gęstwiny gwar, *radosny* gwar
Miłością strzela.
I leci myśl do przeszłych mar
K ułudom wesela.
Znajomy wiatr z żałobnych pól
Gra hymn żałości.
Zamilkł ból, *dotkliwy* ból,
Co w sercu gości.
Wśród *jasnych* dni, *majowych* dni
Jak cudnie w lesie!
Ubiegłych chwil dziś szczęście śni
I śpiewać chce się [6].

Сумны і тужлівы настрой у творы «Jesień (Puste w koło legły niwy...)» перадаюць назоўнік са значэннем 'пачуццё жалю' і прыметнік са значэннем 'напоўнены жалем':

Jakieś głosi *smutki*, *troski*,
Mówi: zima prędko będzie,
Wtórzą jemu *placzem* brzożki...

.....

Nuci jakiś *tęskny* śpiewek... [6].

Верш «I szumią i z wiatrem falują jak morze» ўяўляе сабой роздум лірычнага героя, успомніць лепшыя часы яму дапамагае зварот да родных мясцін: «O łany ojczyste! rodzime wy niwy!» [6].

Пажаданні героя выражаны дзеясловамі ў форме загаднага ладу:

Wsiądźmy na kamień! *niech skryje* nas zboże,
Co gwarzy tak słodko i kwitnie.
Niech niwa ojczysta swą pieśnią *ukoi*,
Niech szmerem znajomym *zagłuszy*... [6].

У вершы «*Nie dla wszystkich uroczysta...*» паэт пералічвае прадстаўнікоў некаторых прафесій, якія не адзначаюць Каляды разам з сям'ёй:

Żołnierz, *strażak*, *maszynista*
Przy nim *palacz* u ogniska [7].

У творы «Serenada» паказаны пачуцці лірычнага героя падчас чакання каханай. Для перадачы яго жадання як мага хутчэй яе ўбачыць выкарыстоўваюцца дзеясловы ў форме загаднага ладу:

Wyjrzyj, *luba*, *przez okienko*!
Odpędź, *odpędź* resztki snu!

.....

*Spójrz, jak mruga ta gwiazdeczka,
Ile blasku, piękna w niej!
Zejdź! [8].*

У санеце «Winiary», каб стварыць яскравы пейзаж, ужыты прыметнікі і назоўнік, якія абазначаюць колер, і дзеяслоў са значэннем ‘набываць колер’:

Błysnął wśród zieleni poziom wody siny...

.....

*Jak tu pięknie!.. Pode mną Wisły płowa wstęga,
Przed nami przystrojone w szmaragdowe szaty
Legły brzegi Galicyi. Z końca widnokregu
Jak gdyby mgły poranne sinieją Karpaty.*

.....

*Lecę, niesiony dumą, w przezrocze błękity
Aż tam, gdzie dymią jakby w świątyni ołtarze
Niebotyczne wierzchołki, siwych Tatrów szczyty [5].*

У песні «Wisła» хуткі рытм ствараецца пры дапамозе прыслоўяў і прыметніка са значэннем ‘адбывацца ў больш моцным тэмпе’:

Nasza Wisła chyżo mknie...

.....

*Jaskółeczka po łazurze
Pędzi szybko, jakby grot.*

.....

*Od Galicyi w szybkim biegu
Wietrzyk moją muska twarz [5].*

Янка Лучына ў сваіх вершах уважліва падыходзіў да выбару моўных сродкаў. Лексіка-граматычныя асаблівасці польскамоўнай лірыкі паэта абумоўлены мэтай твора і з’яўляюцца своеасаблівым спосабам дасягнення паэтычнай выразнасці. Цэнтральныя месца ў творчасці паэта займае выкарыстанне разнастайных форм дзеясловаў. Янка Лучына часцей за ўсё ўжывае дзеясловы ў форме загаднага і ўмоўнага ладу. Пры дапамозе форм загаднага ладу аўтар дае парады лірніку / паэту, звяртаецца з просьбай да песні, шляхты, каханай. З дапамогай форм умоўнага ладу паэт выражае свае пажаданні і спадзяванні. Істотная роля адводзіцца прыметнікам і прыслоўям у формах ступеняў параўнання. Янка Лучына параўноўвае цяперашняе з мінулым і будучым, супастаўляе селяніна са шляхтай.

Паэт паўстае як творчая асоба з высокай эстэтычнай меркай і прыхільнік высокіх эталонаў, стандартаў у мастацтве. Янка Лучына праявіў свой талент як надзвычай патрабавальны аўтар да ўзроўню, зместу і формы творчасці, які клапаціцца пра мастацкую адметнасць і вартасць паэтычнага твора.

Гласарый (паводле Вялікага слоўніка польскай мовы)

- zniknąć* – przestać być widocznym lub w ogóle przestać istnieć [9, s. 978]
- wyczerpać* – czerpiąc płyn lub coś sypkiego z jakiegoś zbiornika, spowodować całkowite usunięcie tego [9, s. 127]
- milknąć* – przestawać mówić lub wydawać inne dźwięki [9, s. 458]
- ciągle* – bez przerwy [9, s. 110]
- zawsze* – za każdym razem, cały czas [9, s. 961]
- tu* – we wskazywanym właśnie przez mówiącego, nie charakteryzowanym dokładniej miejscu, które jest tym miejscem, w którym znajduje się mówiący lub postrzeganym jako bliskie mówiącemu [9]
- tamten* – konkretny, mający określoną cechę, ale postrzegany przez mówiącego jako znajdujący się dalej niż inne podobne obiekty, o których mowa [9, s. 821]
- dzień* – okres od wschodu do zachodu słońca [9, s. 184]
- miesiąc* – jeden z dwunastu okresów, na które według kalendarza dzielimy rok [9, s. 455]
- rok* – jeden z wielu następujących po sobie okresów w kalendarzu rozpoczynających się 1 stycznia, a kończących się 31 grudnia, którym są przyznawane kolejne rosnące numery [9, s. 712]
- kryć się* – robić tak, żeby nie być widocznym lub nastawionym na określone działanie w jakimś miejscu, przemieszczając się lub znajdując się tam [9, s. 379]
- śmieć* – mieć odwagę zachować się w określony, ryzykowny, niewłaściwy lub negatywnie oceniany w danej sytuacji sposób [9, s. 810]
- blednąć* – stawać się bladym wskutek silnego przeżycia lub jakiejś dolegliwości [9, s. 68]
- drżeć* – pod wpływem jakichś uczuć lub czynników zewnętrznych wykonywać krótkie i szybkie ruchy [9, s. 171]
- wiedzieć* – móc powiedzieć coś zgodnie z prawdą o tym, czego dotyczy dalsza część zdania [9, s. 894]
- już* – mało brakowało, by stało się to, o czym mowa [9, s. 309]
- jeszcze* – o tym, o czym mowa, można było to orzec prawdziwie wcześniej i można teraz [9, s. 298]
- ruszyć* – zacząć się przemieszczać w jakimś kierunku we właściwy dla siebie sposób [9, s. 729]
- wracać* – przybywać ponownie do miejsca, w którym się już było wcześniej [9, s. 913]
- ostry* – przenikliwy i bardzo dokuczliwy [9, s. 580]
- przenikliwy* – taki, który jest w stanie przedostać się przez coś [9, s. 676]
- ożyć* – odzyskać pełnię sił fizycznych lub psychicznych [9, s. 586]
- budzić się* – uaktywniać się po okresie utajenia, spoczynku lub zastoju [9, s. 83]
- ocknąć się* – obudzić się nagle [9, s. 540]
- powstać* – zacząć istnieć realnie bądź w czyjejś świadomości [9, s. 654]
- pospieszać* – podejmować szybko określone działanie [9, s. 649]
- zerwać* – spowodować nagłe ustanie jakichś relacji lub działań z nimi związanych [9]
- milknąć* – przestawać mówić lub wydawać inne dźwięki [9, s. 458]
- kryć się* – robić tak, żeby nie być widocznym lub nastawionym na określone działanie w jakimś miejscu, przemieszczając się lub znajdując się tam [9, s. 379]
- smutek* – stan psychiczny wywołany czymś, co dana osoba uznaje za złe, niekorzystne

lub nieprzyjemne dla siebie, charakteryzujący się obniżeniem nastroju, brakiem uśmiechu, a czasem nawet płaczem [9, s. 765]

troska – stan psychiczny wywołany jakąś trudną sytuacją lub myśleniem o tym, że może się nam lub komuś stać coś złego [9, s. 841]

płacz – reakcja organizmu wywołana bólem lub silnymi emocjami, objawiająca się wydzielaniem łez i wydawaniem cichych lub głośniejszych dźwięków [9, s. 620]

tęskny – charakteryzujący się obecnością elementów, które oddziałują na uczucia odbiorcy i wprawiają go w nastrój smutku, żalu, tęsknoty [9, s. 830]

zieleni – kolor zielony – mający kolor świeżej trawy, wiosennych liści, ogórka [9, s. 969]

siny – mający kolor niebieskoszary z fioletowym odcieniem [9, s. 753]

płowy – mający barwę bladożółtą z szarawym odcieniem [9, s. 622]

szmaragd – kolor zielony, taki jak kolor szmaragdu – kamienia [9, s. 800]

przezrocze – coś, co jest przejrzyste [9]

błękit – kolor błękitny – mający kolor jasnoniebieski, taki jak kolor nieba w pogodny, słoneczny dzień [9, s. 71]

siwy – mający kolor jasnoszary [9, s. 754]

chyżo – pokonując daną odległość w krótszym czasie niż zwykle [9, s. 109]

szybko – pokonując daną odległość w krótszym czasie niż zwykle [9, s. 804]

szybki – przebiegający w większym niż zwykle tempie [9, s. 804]

ЛИТАРАТУРА

1. *Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 1996. – 848 с.*
2. *Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие / Б. В. Томашевский ; вступ. ст. Н. Д. Тмарченко; коммент. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тмарченко. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 334 с.*
3. *Niestuchowski, J. Poezje / J. Niestuchowski. – Warszawa : Gebethner i Wolff, 1898. – 155 s.*
4. *Korespondencja do Aleksandra Walickiego // Biblioteka Narodowa (Warszawa). – Rękopis 2975. – Zakład Rękopisów.*
5. *Korespondencja do Zenona Przesmyckiego // Biblioteka Narodowa (Warszawa). – Rękopis 2856. – Zakład Rękopisów.*
6. *Korespondencja do Aleksandra Walickiego // Biblioteka Narodowa (Warszawa). – Rękopis 2981. – Zakład Rękopisów.*
7. *Akwarelki myśliwskie // Biblioteka Narodowa (Warszawa) – Rękopis 5370. – Zakład Rękopisów.*
8. *Niestuchowski, J. Serenada / J. Niestuchowski // Kalendarz powszechny na rok 1889. – Warszawa, 1888. – S. 46–47.*
9. *Wielki słownik języka polskiego : [ponad 100000 haseł] / Ewa Dereń, Edward Polański. – Kraków : Krakowskie Wyd. Naukowe, 2008. – 993 s.*

Поступила в редакцию 31.05.2024

Мацнева Марина Александровна

аспирант кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Marina Matsneva

PhD Student of the Department
of Speech Studies and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ms.mayskaya@gmail.com

СРЕДСТВА МЕТАКОММУНИКАЦИИ В ДИСКУРСЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ВИДЕОБЛОГОВ

MEANS OF METACOMMUNICATION IN THE DISCOURSE OF PROFESSIONAL VIDEBLOGS

Статья посвящена обоснованию подхода, разработанного автором данного исследования, к классификации средств метакоммуникации на основе материала видеоблогов, посвященных тематике здоровья и здорового образа жизни. Метакоммуникативная функция в исследовании рассматривается как неотъемлемая часть прагматической функции речи. На конкретных примерах автор показывает, как средствами метакоммуникации усиливается манипулятивное воздействие в дискурсе блогов. Приведены примеры реализации средств метакоммуникации на основе транскрибированного речевого материала.

К л ю ч е в ы е с л о в а: метакоммуникация; средства метакоммуникации; металингвистические средства; речевые средства; речевые ситуации.

This article is devoted to the development of an original approach to the classification of metacommunication strategies, based on the analysis of professional videoblogs about physical health and healthy lifestyle. In this study, the metacommunicative function is regarded as an integral aspect of the pragmatic function of language. Through detailed examples, the author illustrates how metacommunicative elements are employed to intensify manipulative influence within the discourse of videoblogs. The classification and specification of metacommunication strategies are substantiated through a detailed analysis of transcribed speech material.

Key words: metacommunication; means of metacommunication; metalinguistic strategies; speech means; speech situations

Исследовательский интерес к реализации средств метакоммуникации в дискурсе авторских видеоблогов обусловлен, с одной стороны, новизной данной области исследования и ее сравнительно малой изученностью. С другой стороны – возможностями лексико-семантических и синтаксических средств метакоммуникации. На наш взгляд, также требует уточнения и более подробной детализации подход к классификации

средств метакоммуникации в достаточно узко специализированном дискурсе авторских видеоблогов, посвященных тематике здоровья и здорового образа жизни.

Материалом для анализа средств метакоммуникации послужили 200 транскриптов (расшифрованных текстов) из популярных источников русскоязычного блогинга, посвященных тематике здоровья и здорового образа жизни. Выборка видеороликов для лингвистического анализа формировалась случайным образом, путем сплошного отбора контента видеоматериала блогов Doctorpetric (автор – врач общей медицины и функциональной диагностики М. В. Петрик), Dr. Elena (автор – врач-терапевт, ревматолог Е. Ф. Ковченко), Ivan Krasavin (фитнес-тренер, спортивный консультант И. А. Красавин), Антон Алексеев (врач-мануальный терапевт, невролог и кинезиолог А. А. Алексеев), Антон Епифанов (доктор-невролог, спортивный врач А. В. Епифанов), Бубновский (врач-кинезитерапевт С. М. Бубновский), Геннадий Лянго (биотехнолог фармацевтической промышленности, тренер Г. Лянго), Гимнастика Макеева. Йога бытовых движений (врач, мануальный терапевт С. А. Макеев), доктор Демченко (спортивный врач, мануальный терапевт В. С. Демченко), доктор Евдокименко (врач-ревматолог, невролог П. В. Евдокименко), доктор Лисенкова (врач-невролог О. А. Лисенкова), доктор Мамонтов (врач-травматолог-ортопед В. Д. Мамонтов), Исцеляйся сам! (военный врач, невролог Е. Н. Божьев), Ксения Чёрная (Глинкина) PRO Здоровье (нутрициолог, диетолог К. Г. Чёрная), Максим Бондарь (врач-физиотерапевт М. Бондарь), Огулов TV (профессор народной медицины А. Т. Огулов), Ольга Павлова (эндокринолог, спортивный диетолог О. М. Павлова), Тимофей Кармацкий (врач-невролог Т. Ю. Кармацкий), Videоблог доктора Шишонина (врач ЛФК, мануальный терапевт А. Ю. Шишонин), школа векторного массажа и соматики (кинезиолог, мастер массажа С. В. Черноног). Всего из 20 каналов отобрано 200 единиц видеоматериала, подлежащего последующему транскрибированию. Таким образом, профессиональные блоги объединены тематической направленностью и единством профессиональной принадлежности.

Всю совокупность единиц выборки из видеоблогов можно разделить на группы: рассказ (монолог) на заданную тему – 86 единиц (43 %), описание несюжетного изображения – 26 единиц (13 %), описание с сюжетной демонстрацией – 88 единиц (44 %). Исходный аудиовизуальный материал и соответствующие ему транскрибированные единицы рассматривались с помощью традиционных методов слухового и дескриптивного анализа. Далее был сформирован пользовательский корпус материалов исследования, образованный метакоммуникативными единицами, подлежащими дальнейшему анализу и интерпретации полученных данных.

Особенностью монологической речи в видеоблогах является их обращенность к другому. В работе Д. Шиффрин (D. Schiffrin) употребляется термин *метаразговор*: в нем коммуникаторы не только передают информацию, но и реализуют экспрессивный подтекст дискурса [1]. Одной из наиболее распространенных классификаций метакоммуникативных единиц в диалогической речи, используемых в отечественных научных исследованиях, является их деление на контактоустанавливающие, контактоподдерживающие и контактозавершающие (в диссертационном исследовании А. Н. Сеницыной упоминаются еще контакторазмыкающие метакоммуникативные единицы [2]). К. Д. Зайдес также склонна классифицировать метакоммуникативные единицы старта, финала и направляющие метакоммуникативные единицы, в которых говорящий осуществляет планирование и продвижение монолога. Внутри этих единиц автор определяет метакоммуникативные маркеры – вставки, помогающие говорящему в структурировании высказывания [3].

Более сложную структурированную типологию средств метакоммуникации обосновывает Е. Л. Макарова, ее основой являются два уровня: 1-й уровень – речеорганизующие и управляющие средства: к ним относятся средства смены роли, средства привлечения внимания, средства контроля за пониманием; 2-й уровень – тематизирующие средства: средства оформления тезисного звена, средства оформления эксплицитного звена и средства оформления резюмирующего звена [4].

Наконец, М. А. Бабушкина обосновывает в качестве основания для классификации средств метакоммуникации прагматические признаки, выделяя таким образом категоричные, нейтральные и смягченные директивы метакоммуникации [5].

В целом, вся совокупность метакоммуникативных единиц в речи блогеров образует добавочные интенции, конструкции, обращенные либо к самому себе, либо к обобщенному собирательному образу собеседника – слушателя / зрителя, из состава целевой аудитории данного блогера. В основу разработанной и представленной нами ниже классификации средств метакоммуникации положены виды и формы смыслотехнических воздействий в психологии, обеспечивающие саморегуляторное влияние на смыслообразование в поведенческом акте и фасилитирующее воздействие в нем [6]. В частности, опираясь на авторитетное мнение Ю. Джендлин, обратим внимание на то, как функционируют непосредственно ощущаемые невербализованные смыслы в речи, где решающим является отношение между вербально символизированным смыслом (коммуникативным уровнем) и ощущением, из которого рождается смысл (метакоммуникативным

уровнем). Джендлин выделяет функциональные отношения, не сопровождающиеся смысловой перестройкой, и отношения, порождающие новые смыслы [7]. К первым мы отнесем средства добавления, продвижения и обоснования последовательности действий, иллюстрирования и причинно-следственных связей. Ко вторым – уточняющие, контрастирующие, подчеркивающие и средства сравнения.

Средства добавления (Adding). Метакоммуникация является сама по себе особым видом общения, имеющим по отношению к коммуникации добавочный характер. Металингвистические средства добавления помещаются говорящим внутрь основного текста монолога, не нарушая его лексико-семантических связей. Средства добавления, реализуемые в монологах авторов профессиональных видеоблогов, позволяют создавать дополнительный контекст, считываемый адресатом коммуникации:

Нутрициолог не только МОЖЕТ, он ОБЯЗАН смотреть ваши анализы <...> Работа нутрициолога не заключается в том, чтобы посчитать вам калораж, количество макронутриентов, и на этом все (Ксения Чёрная. Как выбрать нутрициолога?)

В приведенном примере автор видео нутрициолог Ксения Чёрная, во-первых, подчеркивает в своих словах маркеры долженствования и обязанностей врача-нутрициолога (*подсчитать калораж, обозначить норму макронутриентов, изучить анализы*), усиливая их голосовой модуляцией на словах *может* и *обязан*. Во-вторых, дополнением к информативной составляющей речи о профессиональных компетенциях нутрициолога служит добавочный смысловой контекст того, что автор является априори высококвалифицированным нутрициологом, который выполняет значительно больший объем профессиональных задач. Из этого же видео приведем еще один достаточно красочный пример средств добавления:

*Базовое образование, дипломы, скрины – все это должно быть **выложено в открытом доступе**, и у меня всю жизнь, всегда мои дипломы, сертификаты **были выложены на моих сайтах**. Сейчас все это есть **на сайте академии** (Ксения Чёрная. Как выбрать нутрициолога?).*

Таким образом, автор усиливает категоричность высказывания. Метакоммуникативный комментарий-вставка *...и у меня всю жизнь, всегда...* усиливает безапелляционность и априорность точки зрения коммуникатора.

Средства продвижения и обоснования последовательности действий (Sequencing) обеспечивают логичность и последовательность высказывания, позволяют блогеру-автору монолога повышать связность фразы. Приведем пример:

Сегодня мы с главным врачом клиники на Киевской <...> Антоном Сергеевичем обсуждаем тему синдрома хронической тазовой боли. **Постараемся говорить для вас понятным языком, поднимать ваши проблемы как пациентов, то есть не столько для коллег. Не будем страдать канцеляритом, «птичьим языком». Попробуем донести вот эту проблему – откуда берется синдром хронической боли: как его обследовать, как поставить себе диагноз»** (Антон Епифанов. Боль в области таза: болит во время сидения, от нагрузок. Причины, лечение).

В приведенном фрагменте речи автора используются лексемы и специфические синтаксические конструкции, которые формируют разговорную структуру, передавая намерение информантов в дальнейшем развитии разговора. Сам говорящий осмысливает речь, подчеркивая потенциально проблемные области изложения (*будем говорить понятным языком, не пользуясь птичьим языком, поднимать проблемы как пациентов и др.*).

Рассмотрим еще один пример:

*... и вот для того, чтобы разобраться, а где все-таки правда, как влияет витамин D на вот все эти заболевания, делаются сейчас рандомизированные клинические исследования. То есть это уже **золотой стандарт** доказательной медицины, где отбираются в случайном порядке группы людей. **Некоторым дается плацебо, некоторым дается действительно витамин D**, и уже там следят в течение определенного времени* (Доктор Петрик. Витамин D и старение. Когда есть польза, а когда он бесполезен).

Использование метакоммуникатива *и вот для того, чтобы... разобраться, где правда...* связано с речевыми привычками, и в целом характерно для видеоконтента блогосферы. Для медицины как области научного знания основным средством эмпирических исследований служит проведение эксперимента с контрольной и экспериментальной группами, одной из которых дается лекарственный препарат, а второй – плацебо. В связи с этим использование фразеологической единицы *золотой стандарт* усиливает обоснование последовательности развития темы блогером.

Иллюстрирующие средства (Illustrating), используемые профессиональными блогерами в создании аудиовизуального контента, в анализируемой выборке характеризуются сравнительно низкой встречаемостью. Это обусловлено собственно прагматикой дискурса профессиональных видеоблогов, поскольку современные средства информационно-коммуникационных технологий позволяют иллюстрировать и создавать

аудиовизуальные образы с использованием множества параграфемных элементов, инфографики и метадиизайна (например, частичная замена вербальных символов графическими, варьирование звукописи, вставка схем, графиков, диаграмм и пр.). Поэтому иллюстрирующие средства выглядят сравнительно более обедненными на фоне богатства и разнообразия аудиовизуального контента. Тем не менее приведем примеры:

*Все жидкости проходят в организме через почки. Это **фильтр нашего организма**, который необходим для очищения нашей внутренней структуры вредных инструментов, и поэтому почки необходимо беречь, за ними ухаживать. Здесь главное – это то, что почки находятся **в мышечном ложе брюшного пресса**, то есть наши почки **спрятаны внутри живота, внутри брюшного пресса** (Бубновский. Мифы о недержании мочи. Упражнения для лечения и профилактики заболеваний мочевыделительной системы).*

В приведенном примере иллюстративный эффект достигается посредством риторической фигуры параллелизма в сочетании с синтаксическим повторением *внутри (мышечного ложа) / внутри живота / внутри брюшного пресса*. При этом формулировки, выбранные автором монолога, как бы акцептируют к реципиентам с разным уровнем восприятия научного материала: для кого-то достаточным объяснением будет на уровне *внутри живота*, а для подчеркивания собственной компетенции и значимости автор употребляет более наукоемкий оборот *мышечное ложе брюшного пресса*. Метафорический перенос *фильтр* является достаточно общеупотребительным иллюстративным средством для облегчения восприятия и понимания функции внутреннего органа массовой целевой аудиторией.

Средства причинно-следственных связей (Cause and Effect). Причинно-следственные связи в метакоммуникации соответствуют законам логики и риторики: в них одни события, факты или явления выступают причинами, посылками других, проистекающих из них событий, фактов и явлений [8]. Метакоммуникативные акты, поддерживающие причинно-следственные связи, весьма тяготеют к средствам продвижения и обоснования, поскольку они также развивают мысль говорящего, поддерживая тему разговора и вовлекая в нее реципиента:

*Так вот ощущение жажды и ощущение голода воспринимается нашим организмом практически одинаково, и чаще всего вы не хотите есть, а организм просит воды. Мне очень нравится ещё итальянское такое правило **захотел поесть – два стакана воды. Если захотел через полчаса опять поесть – выпей ещё два стакана воды. Ну если уже только после***

этой воды ты уже захотел есть, то это точно настоящий голод и ты можешь садиться (Ivan Krasavin. Правило 2-х стаканов! Или КАК ПОХУДЕТЬ быстро и НАВСЕГДА).

В профессиональных видеоблогах, авторы которых в совершенстве, на высоком уровне мастерства владеют искусством манипулятивного воздействия на свою аудиторию, организация причинно-следственных связей может быть оформлена весьма банально – это показано на примере ниже, путем постоянного рефрена *из-за того / из-за этого*:

Дряблость на ногах возникает не только из-за того, что мышцы ног не работают как следует, но из-за того, что у нас на ногах большое количество вен не работают должным образом. То есть у женщин особенно пожилого возраста очень часто появляется варикоз, из-за чего? из-за того, что в венах клапаны не состоятельные; из-за того, что здесь на ногах появляется отечность, застойные явления. Из-за этого тоже появляется дряблость. Но, как вы знаете, у нас есть второе сердце. Я не сошел с ума. Второе сердце – это именно наши мышцы голени (Геннадий Лянго Как убрать дряблость бедер на пенсии даже не вставая со стула).

Обратим внимание, как в примере, приведенном выше, автор [Геннадий Лянго] создает эффект когнитивного диссонанса, когда после убеждающей априорной установки *...как вы знаете...*, после парадоксального утверждения *...у нас есть второе сердце...* говорит: *Я не сошел с ума*. Таким образом, его логическая причинно-следственная связь приводит к тавтологии, создавая таким образом эффект когнитивного искажения.

Средства сравнения (Comparing). Включения сравнения как оценочных маркеров метакоммуникации позволяют коммуникатору подготовить реципиента к более глубокому пониманию смыслов, выявлению проблем, то есть фокусируют информанта на том, на чем необходимо сосредоточить внимание, а также позволяют расставить логические акценты в тексте и создать «ловушки». На примере продемонстрируем реализацию данного средства и очевидную стратегию манипулятивного воздействия:

Вот сейчас наша модель находится в такой... самом разгаре роста этой структуры. Пройдёт каких-то пару лет, и вот здесь формируется вторая складочка <...> здесь такая вот складочка <...> и это выглядит очень плохо, как вторая попа под первой попой снизу. И женщинам она катастрофически не нравится, они прямо платят за это хорошие очень деньги... (Школа векторного массажа и соматики. Бананообразная складка не нужна НИКОМУ! Убираем валик ЖИРА под ягодичей).

Столь же очевидно, что метакоммуникативное сравнение уподобляется сравнению в коммуникативном аспекте: в нем используются

такие же лексико-синтаксические конструкции, чтобы сопоставить один объект с другим. Переключение блогера (С. В. Черноног) с предложения со сравнительным компонентом на отличающуюся по смысловому содержанию информацию, что женщины *платят за это хорошие очень деньги* усиливает манипулятивное воздействие и создает маркетинговую «ловушку», повышающую ценность компетенций автора. Средства сравнения, формирующие оценочные маркеры, сигнализируют реципиенту об отношении автора по излагаемой им информации, то есть можно утверждать, что данные средства поддерживают аргументативную функцию метакоммуникации.

Средства уточнения (Qualifying) используются с целью формирования эмотивного эффекта. Реплики, обнаруженные в примерах речевых единиц контента видеоблогов, демонстрируют, как речевое воздействие адресанта характеризуется как непонятное, его можно расценивать как косвенное побуждение к углублению или повторному изложению темы:

*Надеюсь, никто со мной не будет спорить, что ходить не полезно, вредно и даже опасно. Конечно же, нет. Эволюционный человек, **грубо скажу**, заточен на ходьбу. **И я сейчас вовсе не о том**, что нужно ходить десятки километров в день...* (Dr. Elena. Ходьба для здоровья человека. 10 000 шагов в день: вред или польза).

Приведенные примеры вводных конструкций *грубо скажу, и я сейчас вовсе не о том...* демонстрируют примеры точечного метакоммуникативного воздействия, не развиваемого далее, а эксплицитно подразумеваемого из контекста (автор ролика Е. Ф. Ковченко не поясняет смысл, почему же человек *заточен на ходьбу*, но *угрожающий смысл* ее фразы *грубо скажу* заставляет зрителя не задавать лишних вопросов, а воспринять эту мысль как априори точную и верную).

Контрастирующие средства (Contrasting) метакоммуникации в отобранном речевом материале контента профессиональных видеоблогов весьма разнообразны по своим функциям и формам реализации. В некоторых случаях они обеспечивают имплицитное «запугивание» или убеждение реципиента:

*Татуировка, к сожалению, наносится на всю жизнь. **Послушайте**, вы ее не сможете изменить и не сможете убрать: она с вами будет всю жизнь. Так вот, даже если сейчас, в данный момент эта татуировка попадает с вами в **резонанс** и делает вам хорошо, когда-то рано или поздно **обязательно наступит ситуация**, когда татуировка будет попадать с вами в **диссонанс**, и будет гасить вашу энергетику. А на энергии*

построено все, и, **если у вас не будет энергии, вы помрете** (Исцеляйся сам! НИКОГДА НЕ ДЕЛАЙ ТАТУ! ШОКИРУЮЩИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ, или ПОЧЕМУ НАБИВАТЬ ТАТУИРОВКИ ВРЕДНО).

В приведенном выше примере контрастность реализуется через коммуникативный сценарий обвинения, в который включены контактные глаголы (*гасить, послушайте* и прочие с ослабленной или измененной семантикой) и казуативные глаголы и лексические сочетания (*не будет энергии, вы помрете* и другие, подразумевающие воздействие на волю другого лица).

Примеры контрастирующих метасредств реализуются и через имплицитное противопоставление:

*10 % браков примерно остаются бесплодными. И много лет я занимаюсь **другой медициной восстановления**, натуральной. Полностью организм нужно почистить, дать противопаразитарную программу, питание нужным тканям и органам, и он заработает. Очень часто это заканчивается беременностью и рождением здорового ребёнка, поэтому **вы можете обследоваться в официальной медицине, но, я вас заклинаю, сделайте доброе дело** для своего организма. Обратитесь к тому человеку, который дал вам это видео, либо ко мне. Мы вместе распишем программу, и я уверен – уже через несколько месяцев у вас будет шанс получить здорового ребёнка (Гимнастика Макеева. Йога бытовых движений. Бесплодный брак. Четыре шага помогут справиться с бесплодием).*

Допущение *вы можете обследоваться в официальной медицине* имплицитно противопоставляется автором (С. А. Макеевым) с идиомой *доброе дело*, и усиливается побудительным вводным метаэлементом *я вас заклинаю*, усиливающим контрастность официальной и альтернативной медицины, приверженцем последней из которых и является автор.

Подчеркивающие средства (Emphasising) обнаружены в авторских видеоблогах в примерах превентивного убеждающего воздействия, усиливающих эффект воздействия на речевую аудиторию:

***Ну вы видите**, последнее время у нас **пошла мода**, все направо и налево начали наносить какие-то рисунки, какие-то узоры на свои тела. К великому моему сожалению, не только **безголовая молодёжь**, но и люди пожилого возраста видимо тоже ээ-э-э-э..., которые **не включает свою бестолковку**, видимо тоже не соображая ничего, начинают наносить на свое тело всевозможные рисунки (Исцеляйся сам! НИКОГДА НЕ ДЕЛАЙ ТАТУ! ШОКИРУЮЩИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ, или ПОЧЕМУ НАБИВАТЬ ТАТУИРОВКИ ВРЕДНО).*

Авторы путем использования подчеркивающих средств усиливают возможности управления в метакоммуникации – организацию, регулирование и корректирование процесса протекания коммуникативного акта:

Мне начали люди писать: как же так, Тимофей! Вы же все время пропагандируете натуральный подход. Вы же не рекомендуете употреблять какие-то медикаменты, таблетки. Сами прописываете Лизин, типа там пофиг на ваши конфликты, на стрессы, на разрешение, на уход от треков. <...> Мы состоим из Лизина. Лизин есть везде. Лизин придумала природа. Лизин создал создатель. Прошу прощения за тавтологию. Да. Лизин – это часть природы. Лизин есть везде (Тимофей Кармацкий. Секретный компонент, и КОЖА как новая).

В последнем из примеров подчеркивающее средство метакоммуникации обеспечивается риторическими повторами, побудительными предложениями, тавтологией. Подчеркивание усиливается сокращением речевых актов до простых предложений с параллелизмом – расположением тематически схожих элементов в рядом идущих частях текста.

Таким образом, анализ речевого материала средств метакоммуникации в профессиональных авторских русскоязычных видеоблогах позволяет заключить, что средства метакоммуникации являются специфическими для разговорного жанра дискурса видеоблогов, представленного преимущественно монологами, обращенными к другому (к зрителю). Их включение в живую разговорную речь обеспечивает выражение авторской позиции на метауровне, вовлечение зрителя / слушателя в текст, оказание манипулятивного воздействия, обращение внимания на ту или иную проблему, повышение собственной профессиональной компетенции в глазах зрителя / слушателя. Включение средств добавления, продвижения, иллюстрирования, причинно-следственных связей, сравнения, уточнения, контрастирования и подчеркивающих средств служит средством продвижения, развития бренда и маркетинга авторов, нежели обучают, просвещают и повышают уровень грамотности целевой аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schiffrin, D.* Metatalk: organisational and evaluative brackets in discourse / *D. Schiffrin // Sociological Inquiry: Language and Social Interaction.* – 1980. – Vol. 50. – P. 199–236.
2. *Синицына, А. Н.* Метакоммуникативные единицы и их роль в организации и регуляции англоязычного диалогического общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. Н. Синицына ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2005. – 19 с.

3. *Зайдес, К. Д.* Типология метакоммуникативных единиц русской спонтанной монологической речи / К. Д. Зайдес // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. – 2017. – № 1. – URL: <https://ojs.itmo.ru/index.php/CLCO/article/view/841> (дата обращения: 25.08.2024).
4. *Макарова, Е. Л.* Обучение средства метакоммуникации в аргументирующем дискурсе (немецкий язык) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Е. Л. Макарова ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 1994. – 25 с.
5. *Бабушкина, М. А.* Метакоммуникативная функция как разновидность прагматической функции языка / М. А. Бабушкина // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2016. – №12-3 (66). – С. 83–87.
6. *Леонтьев, Д. А.* Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2003. – 486 с.
7. *Gendlin, E. T.* Experiencing and the creation of meaning: a philosophical and psychological approach to the subjective. – New York : The Free Press of Glencoe, 1962. – XVIII. – 302 p.
8. *Начерная, С. В.* Лингво-риторическая специфика топик причины и следствия в культурно значимых текстах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. В. Начерная. – Тамбов, 2003. – 187 л.

Поступила в редакцию 11.09.2024

Самусевич Дарья Евгеньевна

аспирант кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Darya Samusevich

PhD Student of the Department of Speech
Science and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
daria.samusevich@gmail.com

СТРУКТУРА ПРЕДСОБЫТИЙНОГО ДИСКУРСА РАЗВЛЕЧЕНИЙ

THE STRUCTURE OF THE PRE-EVENT ENTERTAINMENT DISCOURSE

В статье рассматривается предсобытийный компонент дискурса развлечений, который реализуется посредством информационных жанров. В результате анализа онлайн-текстов, содержащих информацию о брендовом белорусском празднике «Вишневы фестываль», представленных в средствах массовой информации, определяются наиболее частотные информационные жанры и поджанры предсобытийного дискурса развлечений. Дается характеристика этих жанров и их структурных элементов.

Ключевые слова: дискурс развлечений; предсобытийный дискурс; структура предсобытийного дискурса; жанры; информационные жанры.

In the article the pre-event component of the entertainment discourse that is realized by means of informative genres is viewed. In the result of the analysis of online texts that contain information about the brand Belarusian holiday “Vishnevyi festival” presented in mass media, the most frequent informative genres and subgenres of the pre-event entertainment discourse are identified. The characteristics of these genres and their structural components are given.

Key words: entertainment discourse; pre-event entertainment discourse; structure of the pre-event entertainment discourse; genres; informational genres.

На сегодня в сфере дискурс-анализа выделяется большое количество исследований, и особое внимание уделяется изучению новых видов дискурса. Одним из таких сравнительно новых видов является дискурс развлечений. Данный вид дискурса становится объектом пристального внимания исследователей, т. к. тематика развлечений является неотъемлемой частью жизни современного общества. В той или иной степени тематика развлечений характерна для всех сфер деятельности, поскольку люди все более склонны к редукции академичности в различных видах деятельности и привнесению в них развлекательного элемента. Это и делает сферу развлечений актуальной для более детального изучения.

Дискурс развлечений набирает все большую популярность, но вместе с этим при детальном изучении данного понятия определяется ряд не исследованных прежде аспектов, которые нуждаются в более глубоком анализе и описании. Одним из таких аспектов является структура дискурса развлечений.

«Дискурс развлечений делится на предсобытийный компонент – то, что предшествует событию, событийный – непосредственное сопровождение самого события и постсобытийный – то, что освещается после окончания мероприятия» [1, с. 50]. События, в которых находит свою реализацию дискурс развлечений, различны. В этом случае «событие» равно «развлечение» [Там же]. Типов развлечений насчитывается большое множество, но мы остановили свой исследовательский интерес на таком развлечении, как праздник.

Задача предсобытийного компонента заключается в том, чтобы предоставить информацию о событии, описать его, привлечь внимание массовой аудитории как к дополнительному материалу о мероприятии, так и к самому мероприятию, а также побудить читателей посетить праздник. Таким образом, предсобытийный компонент дискурса развлечения реализуется посредством информационных жанров.

Информационным жанрам отводится наибольшая часть газетной площади, т. к. именно эти жанры предоставляют аудитории все последние новости.

Выделяются различные классификации информационных жанров. Например, А. А. Тертычный выделяет заметку, информационную корреспонденцию, информационный отчет, информационное интервью, блиц-опрос, вопрос-ответ, репортаж, некролог [2, с. 3].

Исследователь М. Н. Ким к информационным жанрам относит заметку, отчет, интервью и репортаж [3, с. 261], в то время как Е. В. Черникова разграничивает заметку, корреспонденцию, репортаж, информационное интервью [4, с. 227].

Ученые Г. В. Лазутина и С. С. Распопова считают информационными жанрами заметку (краткая новостная, расширенная новостная), критическую заметку и репортаж [5, с. 28].

Филолог А. А. Грабельников пишет о заметке, отчете и интервью [6, с. 171–173].

Рассмотрев упомянутые классификации, отметим, что все исследователи выделяют такие виды, как заметка, репортаж и интервью. Таким образом, мы их относим к базовым жанрам, а остальные жанры – к второстепенным или поджанрам.

Пресса снабжает читателей большим количеством информации каждый день, и чтобы новость дошла до читателя как можно быстрее, а читатель, в свою очередь, прочел сообщение, а не пролистал его, предпочтение отдается кратким формам, которые отличаются оперативностью и сжатостью информации. Такой формой является заметка.

Заметка – один из наиболее распространенных и древних жанров, который является основным носителем информации во всех видах СМИ. Заметка – «это короткое оперативное сообщение о социально-значимом событии» [7, с. 6]. «Материал в заметке располагается по принципу, предложенному Марком Фабием Квинтилианом, который заключается в ответах на пять вопросов: Кто / Что? Где? Когда? Как? Почему?» [Там же].

При рассмотрении видов заметки было отмечено, что исследователи выделяют разные ее варианты. Одна из классификаций включает хроникальную заметку, собственно заметку и расширенную заметку [7, с. 7]. Г. В. Лазутина и С. С. Распопова предлагают краткую новостную заметку, расширенную новостную заметку и критическую заметку. А. А. Грабельников выделяет хроникальное сообщение, краткую информацию и расширенную заметку [6, с. 171]. А. А. Тертычный в своей классификации пишет о событийной заметке, анонсе, аннотации, мини-рецензии, блиц-портрете, мини-обзоре, мини-истории, мини-совете [2, с. 35–44]. Принято считать, что классификация А. А. Тертычного описывает поджанры заметки, тем самым выделяя три основных вида: хроникальную заметку, собственно заметку и расширенную заметку.

Хроникальная заметка представляет собой очень короткое сообщение о каком-либо событии, состоит из одной или нескольких фраз и обычно не имеет заголовка [6, с. 171].

Собственно заметка, или можем дать ей название краткая заметка, противопоставляется расширенной заметке, в ней сообщаются факты или сведения о каком-либо событии с некоторыми подробностями [Там же].

В расширенной заметке более широко освещается событие, предоставляется дополнительная информация и многочисленные подробности [Там же]. Для расширенной заметки характерен большой объем материала, в котором содержится подробное описание события с дополнительными деталями. В качестве деталей могут выступать мнения экспертов, которым доверяют читатели, могут вводиться ссылки на источник информации, цитаты, статистические данные, интересные факты и подробности и т. д. [7, с. 7–8].

На этом делении мы и остановимся, выделяя три основных жанра: хроникальную заметку, краткую заметку и расширенную заметку.

Для детального рассмотрения функционирования заметки нами были отобраны 100 текстов предсобытийного дискурса (материал взят со следующих сайтов: glmkk.by, travel.by, glubmk.by, vg-gazeta.by, belgiproles.by, lakes.by, lesovod.by, omcnt.by, postawy.by, glubokoe.fpb.1prof.by, gorod212.by, belarus.by, sputnik.by, sb.by), посвященного такому брендовому празднику Республики Беларусь, как «Вишневый фестиваль».

На основе проведенного анализа отметим, что преобладающая часть текстов относится к жанру заметки-анонса (50 %), затем идет расширенный анонс (22 %), информационная заметка (16 %) и расширенная заметка (12 %). Чтобы не путать термины *жанр* и *поджанр*, поджанру расширенной заметки дадим название «новостная заметка».

Наиболее часто используемым жанром предсобытийного дискурса развлечений, как видно из статистических данных, является анонс – это разновидность заметки, представляющая собой сообщение «о будущих всевозможных культурных мероприятиях, выставках, концертах и пр.» [2, с. 36]. Основная цель анонса – дать краткую, но объективную информацию о времени и главных сторонах запланированного события, о наиболее важных его предпосылках и этапах [Там же, с. 37].

Анонс включает в себя ответы на вопросы Что? Где? и Когда?, в то время как вопросы Как? и Почему? не являются важными при изложении материала. Кроме предоставления актуальной информации, «анонс за короткий промежуток времени должен привлечь внимание читателя, заинтересовать его и побудить к чтению полного текста сообщения» [8, с. 56].

В расширенном анонсе, кроме ядра, присутствуют еще детали и бэкграунд. С помощью деталей рассказывается о событии и обстоятельствах вокруг него [9, с. 17–18], а в части бэкграунда содержится дополнительная информация, сообщающая статистические данные, факты, касающиеся истории события или его участников, и характеризующая другие события, которые изменяют значение новости [10, с. 39–40].

Ядро всегда располагается в начале, а детали и бэкграунд могут меняться местами и располагаться в любом месте, кроме начала, и в любом порядке.

Структура анонса в основном представляет собой заголовок, лид и основную часть повествования, но иногда встречаются и такие элементы, как подзаголовок и завершение.

Каждый день читатели сталкиваются с обилием новостей, и зачастую изучать этот объем материала нет возможности, таким образом, читатели, просматривая лишь заголовки, также могут ознакомиться и с лидом.

Поэтому, чтобы зацепить читателя, в заголовок или начало статьи выносятся наиболее выгодная для автора информация. Читатель, в свою очередь, воспринимает эту информацию как самую актуальную. Таким образом, заголовок и лид являются самыми важными частями текста.

Заголовок заметок-анонсов «Вишневого фестиваля» состоит из трех–двенадцати слов. Основная информация, которая подается в заголовке отвечает на вопросы Что? Где? Когда? («*Вишневый фестиваль*» г. Глубокое 21–22 июля 2023 г.). Ответы на поставленные вопросы могут меняться местами и сопровождаться дополнительными сведениями. Также есть менее информативные заголовки, которые отвечают на вопросы Что? (*Международный праздник «Вишневый фестиваль»*) и Что? Где? (*ВИШНЕВЫЙ ФЕСТИВАЛЬ 2023 В ГЛУБОКОМ*). В этих случаях на первом месте стоит название праздника для передачи самой важной информации и привлечения внимания, но встречаются и случаи, когда на первом месте стоит не упоминание о празднике, а его программа (*ПРОГРАММА проведения Международного праздника «Вишневый фестиваль» в г. Глубокое*). Отметим заголовки, которые имеют отличную от других структуру («*Вишневый фестиваль*» *встречает гостей!*), они содержат в себе глаголы, и мы относим их к заголовкам, привлекающим внимание. Как раз эти заголовки имеют восклицательные знаки препинания в конце, в остальных случаях в конце знаки препинания отсутствуют. Есть и другие случаи употребления знаков препинания, когда заголовок состоит из двух предложений: первое предложение отделяется точкой от второго (*С 22 по 24 июля в Глубоком пройдет «Вишневый фестиваль». Узнайте программу*). Кроме этого, используются кавычки, в кавычки берется название праздника, двоеточием отделяется основная информация от дополнительной, дефисис используется для выделения дат. Заглавные буквы употребляются в следующих случаях: весь заголовок, два слова, название праздника, слово *программа*, и в этом случае дополнительный акцент делается именно на выделенных словах, чтобы придать им дополнительную важность и вес (*ПРОГРАММА проведения Международного праздника «Вишневый фестиваль» в г. Глубокое; ВИШНЕВЫЙ ФЕСТИВАЛЬ 2023 В ГЛУБОКОМ*).

В большинстве случаев заголовки заметок-анонсов имеют полужирное начертание и отличаются от основного текста размером шрифта. Однако встречается и другой вариант оформления, при котором размер шрифта заголовка и основного текста совпадают. В таком случае заголовок выделяется другим цветом, зачастую синим. Перед заголовком часто размещается фотография как средство привлечения внимания.

В расширенном анонсе, как нами было отмечено, заголовок состоит из четырех–двенадцати слов, содержит информацию, которая отвечает на вопросы Что? Где? Когда? (*Вишневый фестиваль 2023 в Глубоком*), иногда сопровождается дополнительной информацией, но упор делается на ответ на вопрос Что? и, соответственно, на праздник (*«Вишневый фестиваль» в 10-й раз пройдет в Глубоком 22–23 июля (+ программа)*).

В заголовках расширенного анонса, так же, как и в заголовках краткого анонса, не используются знаки препинания. Однако в самом заголовке встречаются кавычки, в которые берется название праздника, двоеточие и знак «+», они вводят дополнительные сведения, дефис используется при передаче дат (*«Вишневый фестиваль» в 10-й раз пройдет в Глубоком 22–23 июля (+ программа); «Вишневый фестиваль» в Глубоком пройдет 22–24 июля: обнародована программа мероприятий*). В заголовках по большей части не встречаются глаголы, однако бывают глагольные конструкции (*«Вишневый фестиваль» в Глубоком пройдет 22–24 июля: обнародована программа мероприятий*). При написании заголовков используется шрифт большего размера, чем шрифт основного текста, предпочтение отдается полужирному начертанию.

Наличие подзаголовка зависит от манеры подачи информации в издании. В кратком анонсе встречаются случаи употребления подзаголовка или сразу двух подзаголовков (*XI Международный праздник; Программа фестиваля в 2023 году*). В таких случаях шрифт подзаголовка совпадает со шрифтом основного текста, но отличия просматриваются в начертании и цвете, предпочтение отдается полужирному шрифту и синему цвету (не полужирному). Также встречаются подзаголовки в тексте, они вводят даты и выделены полужирным шрифтом, в фото афиши подзаголовками являются дни и название дней (*22 июля; Вишневая жемчужина*), они напечатаны полужирным шрифтом и выделены цветом, в нашем случае красным или зеленым, так как эти цвета – официальные цвета фестиваля, и в этих тонах оформляется печатная продукция, онлайн-продукция и др.

В расширенных анонсах сразу после заголовка подзаголовки нами не были обнаружены, но встретились подзаголовки в самом тексте, они разделяли его на части и вводили новую порцию информации постепенно (*О празднике «Вишневый фестиваль 2022» в Глубоком; Программа «Вишневого фестиваля» в Глубоком на 22 июля 22 года*).

Лид предназначен для более торопливых читателей, чтобы привлечь их внимание и поспособствовать прочтению анонса до конца, поэтому обычно он состоит из нескольких фраз, соразмерных основному тексту и теме. Таким образом, лид краткого анонса отвечает на вопросы Что?

Где? и Когда?, которые могут стоять в разной последовательности. Лид выделен в отдельный абзац, при этом между абзацами зачастую есть отступы. В большинстве случаев лид оформлен тем же размером шрифта, что и основной текст, но бывают вариации, когда лид имеет другой размер шрифта или начертание, чаще всего употребляется полужирный шрифт, также лид может отличаться форматом расположения на странице. Однако если лид не выделен размером шрифта или начертанием, то от основного текста он отделяется графической полосой. Кроме этого, обратим внимание на то, что, имея один формат написания, некоторые слова лида могут быть выделены курсивом, для придания большего веса этим словам. Лид может идти с фотографией. Бывают случаи, когда лид отсутствует, тогда главную информацию (Что? Где? Когда?) несет в себе заголовок и подзаголовок. Некоторые из упомянутых характеристик могут компоноваться, тем самым оказывая нужный эффект на читателя.

В расширенном анонсе лид состоит из одной–двух фраз и отвечает на вопросы Что? Где? Когда?, которые могут стоять в разной последовательности, в дополнение эта информация может дублироваться схематично в виде таблицы, которая выделена серым цветом, основные фразы (Когда? Где? Сколько?, дополнительная информация) выделяются полужирным шрифтом и, кроме основных данных, тут есть и детали (сколько стоит вход, количество километров от Минска). Размер шрифта соответствует размеру основного текста, но он выделен полужирным начертанием. Лид может сопровождаться фотографией. Также как и в кратком анонсе, в расширенном может и не быть лида, а его функцию – подачу самой главной информации – выполняет заглавие.

В основной части краткого анонса содержится более подробная информация о событии, в отличии от лида. В нашем случае в основной текст включены сведения о мероприятиях в рамках праздника: дате, времени, названии мероприятия и месте проведения. Это информация представлена текстом, фотографией афиши или и тем, и другим одновременно. Также иногда в основной части, кроме программы, дается минимальная информация об истории праздника и других фоновых знаниях (*Ежегодно глубокский край буквально утопает в вишневом цвете, а все это благодаря агроному Болеславу Лопырю. Именно ему во второй половине 20 века удалось вывести устойчивые к холодам сорта вишен, которыми он щедро делился с жителями округи*), в таком случае мы выделяем расширенный анонс.

В основной части расширенного анонса идет расшифровка полученной информации из лида, эта информация обрастает деталями,

такими как информация о празднике, исторические сведения, имена гостей и факты о них; программа по дням, где даны время, название мероприятия и место проведения.

Как было отмечено ранее, в структуре анонса редко встречается завершение, но если и встречается, то в кратких анонсах оно представлено справочной информацией: телефонами для справок, сайтами и т. д., а в расширенных анонсах – информацией, дающей представление о бэкграунде.

Кроме анонсов, журналисты используют такой вид заметки, как информационная. В ней излагаются факты и сведения о событии. Данная заметка отвечает на вопросы Что? Где? и Когда? и дает краткую, но объективную информацию о предстоящем мероприятии. Это может быть как общая информация о празднике, так и определенные нюансы проведения или другие интересные детали. В указанном сообщении упор делается на предоставление фоновых знаний и, в дополнение, сообщается факт о том, что планируются некоторые развлекательные мероприятия.

Структура информационных заметок состоит из стандартных элементов: заголовка, лида, основной части и, хотя для заметки это не очень характерно, завершения.

Так как информационная заметка представляет собой небольшой по объему текст, то ее заголовки не отличаются длиной. Они в среднем состоят из двух слов, отвечают на вопрос Что? (*Вишневый фестиваль*), таким образом очерчивая тему, о которой пойдет речь в тексте, и употребляются без знаков препинания в конце. Но встречаются и более длинные заголовки (*Приглашаем на 10-й юбилейный Вишневый фестиваль!*).

Лид заметок зачастую вводит информацию касательно времени и места проведения мероприятия, отвечая на вопросы Когда? и Где? (*Дата начала: 22 июля, 2023; Дата окончания: 23 июля, 2023; Место проведения: Витебская область, Глубокский район, г. Глубокое*). Также встречается лид-описание, который не содержит в себе ответов на основные вопросы Где? и Когда?, а подводит к основной теме (*Июль – самый ягодный месяц! Почувствовать все краски лета поможет сочная вишня – именно в её честь проводится 10-й юбилейный Вишнёвый фестиваль!*). Говоря о графических особенностях оформления лида, отметим, что он отделен от заголовка и вынесен в отдельный столбик, выделен графически, текст расположен на странице непривычным образом: не сверху вниз, а слева направо столбиками.

Основная часть информационной заметки содержит в себе описание города, его вишневых деревьев, предоставляется информация о селекцио-

нере, который внес большой вклад в развитие вишневого края, а также подаются факты о том, что гостей праздника ждут с нетерпением, происходит побуждение к посещению праздника, вводится краткое описание того, что ожидает гостей, и скрытая реклама своего производства: упоминание завода и приглашение попробовать «Вишневую сгущенку».

Как было отмечено ранее, завершение не является частым элементом структуры заметки, но оно встречается и содержит в себе призыв (*Ждем Вас*), тем самым приглашая на праздник и сообщая точные детали: Когда? и Где?; в конце текста мы видим яркие фотографии, что также привлекает внимание читателей.

Расширенная новостная заметка, так же, как и расширенный анонс, состоит из ядра, деталей и бэкграунда. Ядро находится в начале заметки и содержит главную информацию о событии. Это ответы на стандартные пять вопросов (как все, так и с различным варьированием): Кто / Что? Где? Когда? Как? Добавляется ответ еще на один вопрос: «Ну и что?», которым представлена значимость этой новости для читателя. Далее идут детали, например, если в ядре сообщается о празднике, то деталями является информация о том, как будет проходить мероприятие, что для этого организовано, какие развлечения ждут гостей и многое другое, и бэкграунд [9, с. 17–18].

Заголовки новостных заметок содержат в себе больше слов, чем анонсы либо информационные заметки. Это можно объяснить объемом самого текста, который превосходит предыдущие поджанры, а также количеством деталей. Таким образом, заглавие состоит из семи–десяти слов. В конце знаки препинания отсутствуют, но они есть в середине, такие как запятая, двоеточие, в кавычки взято название праздника. Заголовки отвечают на вопросы Где? Что? (*На «Вишневом фестивале» в Глубоком представят технологии для умных городов*). Заголовок имеет полужирное начертание и шрифт больше шрифта основного текста, также шрифт может быть того же размера, что и текст, но выбирается другой стиль и цвет.

Лид вводится фотографией, не выделяется шрифтом и цветом, дается отдельным абзацем и предоставляет информацию: Что? Где? Когда? и Кто об этом сообщил?

В основном тексте предоставляются сведения о мероприятиях, которые пройдут во время праздника, и сообщаются дополнительные детали (*В программе – семинар «Умные города Беларуси – пути к развитию, презентация выставочного проекта «Легенда мировой авиации»*).

Завершение включает в себя бэкграунд о празднике: сколько лет он проводится, говорится о скульптуре вишни и о том, что он не проводился

во время пандемии (*В 2013 году в городе появилась скульптура вишни, в 2018-м на берегу озера Кагальное в центре Глубокого – резиденция «Вишневой королевы».*).

Таким образом, для текстов предсобытийного дискурса характерны такие жанры, как краткая и расширенная заметка. Поджанрами краткой заметки являются анонс и информационная заметка, а поджанрами расширенной заметки – расширенный анонс и расширенная заметка, или новостная заметка. Идентичными структурными элементами кратких и расширенных анонсов, информационной и новостной заметок выступают заголовок, лид и основная часть. Различия наблюдаются в наличии или отсутствии таких структурных элементов, как подзаголовки и завершение. В кратких анонсах, в отличие от расширенных, есть подзаголовки после заголовка, тогда как подзаголовки в тексте присутствуют в обоих видах анонсов. В новостных же заметках подзаголовки отсутствуют как после заголовка, так и в тексте. Для информационной заметки подзаголовки не характерны. Также ей не свойственно завершение, наличие которого рассматривается как редкий и не типичный случай. Для всех остальных поджанров предсобытийного дискурса развлечений завершение является стандартным элементом структуры.

Проанализированные жанры предсобытийного дискурса характеризуются также различиями в порядке подачи информации. Краткий анонс и информационная заметка имеют структуру «перевернутой пирамиды», под которой понимается метод написания текста, при котором автор располагает информацию по мере ее приоритетности, начиная рассказ с предоставления наиболее важной информации, а затем вводя менее важные детали. Для расширенного анонса и новостной заметки, в отличие от краткого анонса и информационной заметки, характерна структура «устойчивой пирамиды» и «песочных часов». Структура «устойчивой пирамиды» предполагает подробный рассказ о произошедшем событии, где факты располагаются в хронологическом порядке. Структура «песочных часов» подразумевает под собой предоставление главной информации и цели публикации в начале текста, а именно в заголовке и в лиде, затем осуществляется переход к самой новости и ее детальному описанию, а в завершении представлены выводы и возможные поводы для дальнейшего размышления читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самусевич, Д. Е. Дискурс развлечений: терминологическая вариативность и неоднозначность толкования / Д. Е. Самусевич // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2023. – № 3 (124). – С. 44–52.

2. *Тертычный, А. А.* Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 310 с.
3. *Ким, М. Н.* Основы творческой деятельности журналиста : учебник для вузов / М. Н. Ким. – СПб. : Питер, 2011. – 400 с.
4. *Черникова, Е. В.* Основы творческой деятельности журналиста : учеб. пособие / Е. В. Черникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Школа издательского и медиабизнеса, 2012. – 414 с.
5. *Лазутина, Г. В.* Жанры журналистского творчества : учеб. пособие / Г. В. Лазутина, С. С. Распопова. – М. : Аспект Пресс, 2011. – 320 с.
6. *Грабельников, А. А.* Работа журналиста в прессе : учеб. пособие / А. А. Грабельников. – 6-е изд., испр. и доп. – М. : РИП-Холдинг, 2007. – 366 с.
7. *Сердобинцева, Е. Н.* Информационные жанры в журналистских текстах : учеб. пособие / Е. Н. Сердобинцева. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2019. – 64 с.
8. *Ковальчукова, М. А.* Анонс как речевой жанр (на материале Интернет-дискурса) / М. А. Ковальчукова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 26. – С. 54–58.
9. *Колесниченко, А. В.* Практическая журналистика : учеб. пособие / А. В. Колесниченко. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. – 192 с.
10. *Колесниченко, А. В.* Настольная книга журналиста : учеб. пособие / А. В. Колесниченко. – М. : Аспект Пресс, 2013. – 334 с.

Поступила в редакцию 11.09.2024

Соловей Алексей Анатольевич
кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой теории
и практики английской речи
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Aliaksei Salavei
PhD in Philology,
Head of Department of Theory
and Practice of English Speech
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
alexey-solovey@mail.ru

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЯ, ВЕРЫ И МНЕНИЯ
В РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ

MEANS OF REPRESENTATION OF KNOWLEDGE, BELIEF AND OPINION
IN RUSSIAN AND ENGLISH RELIGIOUS DISCOURSE

Статья посвящена раскрытию общих и специфических характеристик в вербализации знания, веры и мнения в русско- и англоязычном религиозном дискурсе. Выявлено, что знание, вера и мнение эксплицируются на грамматическом, лексическом, лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях. Установлено процентное соотношение показателей знания, веры и мнения в проповедях на двух языках: в русских текстах преобладают маркеры веры, в английских – маркеры знания. Раскрыт прагматический потенциал маркеров знания, веры и мнения в религиозном дискурсе.

Ключевые слова: *достоверность; знание; вера; мнение; проповедь; религиозный дискурс.*

The article aims to reveal common and specific features in verbalization of knowledge, belief and opinion in Russian and English religious discourse. It is found that knowledge, belief and opinion are explicated at the grammatical, lexical, lexicogrammatical and syntactic levels. The percentage of indicators of knowledge, belief and opinion in sermons is established: markers of belief prevail in Russian texts, while markers of knowledge – in English ones. The pragmatic potential of markers of knowledge, belief and opinion in religious discourse is revealed.

Key words: *credibility; knowledge; belief; opinion; sermon; religious discourse.*

В лингвистической литературе различают широкое и узкое понимание религиозного дискурса. «В узком смысле религиозный дискурс можно рассматривать в качестве совокупности речевых актов, используемых в религиозной сфере. В широком смысле под религиозным дискурсом имеется в виду набор определенных действий, ориентированных на приобщение человека к вере, а также совокупность речеактовых

комплексов, сопровождающих процесс взаимодействия коммуникантов, включая определенные текстовые фрагменты» [1, с. 224]. Ядерным жанром религиозного дискурса выступает проповедь. Она представляет собой сложный акт коммуникации, с помощью которого проповедник стремится передать знания, утвердиться в вере и повлиять на мнение аудитории.

Категориальными признаками триады знание-вера-мнение выступают потенциальность / реальность, неуверенность / уверенность, альтернативность / безальтернативность. Знание основывается на признаках имплицитной уверенности, немаркированной безальтернативности. Вера содержит признаки подчеркнутой уверенности, маркированной безальтернативности. Мнение включает признаки неуверенности, альтернативности [2].

Цель исследования – выявить общие и специфические черты в вербализации знания, веры и мнения как компонентов достоверности в русско- и англоязычном религиозном дискурсе.

Материалом исследования выступили 100 русско- и англоязычных проповедей (по 50 на каждом языке). Корпус русскоязычных текстов составили проповеди предстоятеля Русской Православной Церкви, Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, размещенные на официальном сайте <http://www.patriarchia.ru/>; корпус англоязычных текстов включает проповеди предстоятеля Американской Православной Церкви, Архиепископа Вашингтонского, Митрополита всей Америки и Канады Тихона, размещенные на официальном сайте <https://www.oca.org/>.

Знание в русско- и англоязычных текстах эксплицируется грамматическими, лексическими и синтаксическими средствами.

К грамматическим средствам относится изъявительное наклонение глагола: *Сегодняшний день на языке церковного Устава именуется Богоявлением* [1–А]. *He **became** a man like us, and **was crucified, suffered, and was buried** for us* ‘Он стал человеком, подобным нам, и был распят, страдал и погребен за нас’ [2–А]. Высказывания с глаголами в изъявительном наклонении манифестируют знания проповедника, его личную убежденность в достоверности сообщаемой информации. Проповедь предполагает учительскую тональность, которая реализуется с помощью средств уверенной констатации.

На лексическом уровне знание выражается модальными *словами с утвердительным значением, выражающими логическую оценку высказывания – действительно, фактически, естественно, actually* ‘на самом

деле', *indeed* 'действительно', *really* 'действительно', *naturally* 'естественно': **Действительно**, от этого дня и до крестных страданий, во все дни земной жизни Спасителя, Дева Мария несла особое служение Матери Господа нашего Иисуса Христа [3–А]. **Indeed**, it is impossible to imagine a pious heart without thanksgiving to our Lord, God, and Savior Jesus Christ 'Действительно, невозможно представить себе благочестивое сердце без благодарности нашему Господу, Богу и Спасителю Иисусу Христу' [4–А]. Данные маркеры создают иллюзию объективности и несомненности высказываемых утверждений и реализуют прагматическую функцию убеждения адресата через подтверждение.

На синтаксическом уровне знание эксплицируется предикатами *известно, что, it's well-known that* 'хорошо известно, что', *it's true* 'правда', словосочетаниями *на самом деле, in fact* 'в действительности', *in truth* 'по правде': **Известно, что** Бог есть Дух, а всякие другие объяснения понятия «дух» несовершенны – настолько, насколько ограничено человеческое воображение и насколько ограничено человеческое познание [5–А]. *But, as the hymns of the feast teach us, the Most Holy Theotokos is in fact the fulfillment of the shadowy ark and all that it contained* 'Но, как учат нас песнопения праздника, Пресвятая Богородица на самом деле является воплощением таинственного ковчега и всего того, что он содержал' [6–А]. Названные экспликаторы реализуют функцию демонстрации авторитета и знаний адресанта, поскольку проповедник подчеркивает свою осведомленность в религиозном учении и священных текстах.

Употребительность маркеров знания в русско- и англоязычных проповедях представлена в табл. 1.

Таблица 1

Частотность маркеров знания в проповедях на двух языках

Средства реализации знания	Частотность в русскоязычных проповедях, %	Частотность в англоязычных проповедях, %
Грамматические: изъявительное наклонение	65	62
Лексические: модальные слова	32	20
Синтаксические: предикаты, словосочетания	3	18

В двух языках самым частотным средством реализации знания выступает изъявительное наклонение глагола. Употребляя высказывания с глаголами в изъявительном наклонении, адресант стремится представить информацию как абсолютно достоверную, не вызывающую сомнений. В русских проповедях частотность модальных слов выше, чем в английских (32 % и 20 %). В английских проповедях предикаты знания встречаются чаще, чем в русских (18 % и 3 % соответственно).

Вера в русскоязычных текстах эксплицируется на 3 языковых уровнях (грамматическом, лексическом и синтаксическом), в англоязычных – на 4 (грамматическом, лексическом, лексико-грамматическом и синтаксическом).

На грамматическом уровне вера манифестируется глаголами в будущем времени: *И покуда **будет** так, **будет** существовать мир, – потому что **будут** жить праведники, **будут** жить те, кто хочет жить по Божественной правде, как бы ни склоняли людей жить по лжи* [7–А]. *Perceiving the mystery of this feast, difficulties and trials in this life **will become** bearable, as your faith is strengthened, and your hope remains firm* ‘Через восприятие тайны этого праздника, трудности и испытания в этой жизни станут терпимыми, поскольку ваша вера укрепитя, а ваша надежда останется твердой’ [8–А]. Человек в своей жизни не может руководствоваться только знаниями, в данном случае жизнь остановилась бы. Отправляясь в путешествие, мы верим, что вернемся, но не знаем точно, поэтому «в будущем времени всегда существует та или иная мера потенциальности» [3, с. 73].

Глаголы в будущем времени выражают следующие прагматические функции в проповедях на двух языках:

1) Экспликация утешения, поддержки, надежды. Христианство – религия оптимизма, поскольку зиждется на надежде и обещании лучшего будущего: *Господь обязательно **подаст** помощь в том, чтобы готовить себя к встрече со Спасителем! С дерзновением, любовью и надеждой на оправдание для жизни вечной мы **переступим** границу жизни физической и смерти, за которой не уничтожение человека и не конец жизни, но жизнь вечная* [1–А]. *In this way, commending ourselves by the Cross into the hands of God, we **will** then have a sure hope in his mercy and forgiveness and love, which came into the world through that same Cross* ‘Таким образом, предав себя Крестом в руки Божии, мы будем иметь твердую надежду на Его милосердие, прощение и любовь, пришедшую в мир через этот самый Крест’ [9–А].

2) Призыв к действию: Храмы действительно становятся центрами эстетического воспитания, центрами духовного притяжения, и надеемся, что по милости Божией мы и далее **будем строить** храмы там, где они нужны [10–А]. *In so doing, we **will follow** Christ's example, who made sure that the thousands had enough food to eat, and who worked to heal the diseased and the sick* 'Поступая так, мы последуем примеру Христа, который заботился о том, чтобы тысячи людей имели достаточно пищи, и который трудился, чтобы исцелять больных и немощных' [2–А].

На лексическом уровне вера выражается модальными словами с семантикой подчеркнутой уверенности – несомненно, бесспорно, безусловно, конечно, *certainly* 'конечно', *undoubtedly* 'несомненно', *of course* 'конечно', *surely* 'бесспорно': **Несомненно**, враг рода человеческого провоцирует междоусобную брань между братьями, членами одной Церкви, принадлежащими к одной православной вере [3–А]. *At the same time as we behold the icon of the feast, we **surely** see other more terrible images as well* 'В то же время, когда мы видим икону праздника, мы, несомненно, видим и другие, более страшные образы' [11–А]. Использование этих маркеров создает атмосферу уверенности и непоколебимости, что способствует укреплению веры.

На синтаксическом уровне вера эксплицируется предикатами *убежден, уверен, be sure* 'уверен', *no doubt* 'нет сомнений': *Глубоко **убежден** в том, что Господь не оставляет и не оставит благодетелей без Своей милости* [12–А]. *I'm sure that the Feast of the Resurrection will bring joy and love to all of us* 'Я уверен, что праздник Воскресения Христова принесет всем нам радость и любовь' [2–А]. Предикаты веры выполняют прагматическую функцию поддержки и утешения. Проповедник использует их, чтобы напомнить слушателям о Божьей любви и заботе, что может быть особенно важно в моменты сомнений или страха.

К лексико-грамматическим средствам реализации веры в английских проповедях относятся модальные глаголы *must, should, will: God **must be with us*** 'Несомненно, Бог с нами' [9–А]. Модальные глаголы имеют первичное и вторичное (эпистемическое) значение. Долженствование эксплицируется модальными глаголами в первичном значении, достоверность – во вторичном (эпистемическом). Достоверность может накладываться на первичное значение модального глагола.

Употребительность маркеров веры в русско- и англоязычных проповедях представлена в табл. 2.

Частотность маркеров веры в проповедях на двух языках

Средства реализации веры	Частотность в русскоязычных проповедях, %	Частотность в англоязычных проповедях, %
Грамматические: изъявительное наклонение (глаголы в будущем времени)	36	46
Лексические: модальные слова	44	23
Синтаксические: предикаты	20	13
Лексико-грамматические: модальные глаголы	0	18

В русскоязычных проповедях самым частотным средством экспликации веры выступают модальные слова с семантикой подчеркнутой уверенности (44 %), в англоязычных – глаголы в будущем времени (46 %). Проповеди на английском языке характеризуются более разнообразным репертуаром экспликаторов веры, который включает, помимо модальных слов и предикатов, модальные глаголы в эпистемическом значении.

Мнение в русскоязычных текстах манифестируется грамматическими, лексическими и синтаксическими средствами, в англоязычных – грамматическими, лексическими, лексико-грамматическими и синтаксическими.

К грамматическим средствам относится сослагательное наклонение глагола: *Но если **бы** не мужественные люди, которые в те трудные годы пошли путем скорбным с человеческой точки зрения, но прекрасным с точки зрения Церкви и с точки зрения спасения, – то, наверное, сегодня мы с вами **не праздновали бы** этот прекрасный праздник в возрожденном Храме Христа Спасителя [13–А]. Without their efforts, we **would not be blessed** with the many resources that are regularly made available to us* ‘Без их усилий мы не были бы благословлены множеством ресурсов, которые регулярно предоставляются нам’ [6–А]. Высказывания в сослагательном наклонении характеризуются меньшей степенью достоверности [4].

На лексическом уровне мнение выражается модальными словами с семантикой неуверенности – возможно, может, может быть, наверно, видимо, вероятно, *probably* ‘наверно’, *perhaps* ‘возможно’, *maybe* ‘может быть’, *possibly* ‘возможно’, *seemingly* ‘кажется’, *supposedly* ‘предположительно’, *presumably* ‘по-видимому’, *apparently* ‘видимо’: *Нужно оберегать*

себя, своих родных и близких, нужно укреплять свою веру, нужно никогда не забывать о молитве, по возможности причащаться Святых Христовых Тайн и вести, **может быть**, особо напряженный религиозный образ жизни [7–А]. *Perhaps she once sang him a lullaby; today, she addresses him with a lament* ‘Возможно, когда-то она пела ему колыбельную; сегодня она обращается к нему с плачем’ [14–А]. Употребляя данные модальные слова, адресант снижает категоричность своих утверждений, избегая авторитарного тона, что позволяет установить более близкий контакт с аудиторией без чувства принуждения.

На синтаксическом уровне мнение эксплицируется предикатами *казаться, считать, думать, сомневаться, seem* ‘казаться’, *appear* ‘казаться’, *think* ‘думать’, *consider* ‘считать’: *Иногда кажется, что невозможно всему этому сопротивляться – так много факторов работает против того, чтобы хранилась вера в сердце, чтобы человек жил религиозной жизнью* [5–А]. *The tragedies of our time seem to march in steady pace before our eyes: the continuing gun violence in the United States, wars in Ukraine and Ethiopia, the slaughter of Roman Catholic faithful in Nigeria, and the conflict and violence in many parts of the world* ‘Трагедии нашего времени, кажется, шагают у нас перед глазами в размеренном темпе: продолжающееся насилие с применением огнестрельного оружия в Соединённых Штатах, войны на Украине и в Эфиопии, убийства верующих Римско-католической церкви в Нигерии, а также конфликты и насилие во многих частях мира’ [11–А]. Предикаты мнения реализуют функцию побуждения аудитории к размышлениям над предложенными идеями.

Употребительность маркеров мнения в русско- и англоязычных проповедях представлена в табл. 3.

Таблица 3

Частотность маркеров мнения в проповедях на двух языках

Средства реализации мнения	Частотность в русскоязычных проповедях, %	Частотность в англоязычных проповедях, %
Грамматические: сослагательное наклонение	22	16
Лексические: модальные слова	38	25
Синтаксические: предикаты	40	15
Лексико-грамматические: модальные глаголы	0	44

В проповедях на русском языке самым употребительным средством реализации мнения являются предикаты (40 %), в англоязычных проповедях – модальные глаголы (44 %). Эксплицируя мнение в некатегоричной форме, адресант оставляет право выбора слушающим, устанавливает с аудиторией доверительные отношения, а также мотивирует ее к самостоятельным размышлениям над проповедуемыми идеями, поскольку вера предполагает добровольное участие и желание поступать по законам Божиим.

Процентное соотношение маркеров знания, веры и мнения в русско- и англоязычных проповедях представлено в табл. 4.

Т а б л и ц а 4

Процентное соотношение маркеров в проповедях на двух языках

Тип маркера	Частотность в <i>русскоязычных</i> проповедях, %	Частотность в <i>англоязычных</i> проповедях, %
Знание	44	50
Вера	48	39
Мнение	8	11

Русскоязычные проповеди отличаются более высокой частотностью маркеров веры (48 %), что отражает традицию эмоциональности в русской религиозной культуре. Маркеры веры выполняют функции косвенной побудительности, назидательности, мотивирования и стимулирования верующих к определенному поведению во всех сферах жизни для достижения вечного блаженства. Англоязычные проповеди демонстрируют более высокую частотность маркеров знания (50 %), что обусловлено традицией рационализма в английской культуре. Превалирование маркеров знания в проповедях может быть объяснено намерением англоязычных проповедников придать высказываниям объективность и достоверность, поскольку главным отличием веры от знания выступает ее субъективность. Вера превращается в знание при ее наполнении объективностью. При употреблении предиката *знать* информация усваивается быстро и легко, а при использовании глагола *верить* требуется преодоление сомнений посредством сложного внутреннего акта.

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлен репертуар средств реализации знания, веры и мнения в религиозном дискурсе: глаголы в изъявительном и сослагательном наклонении, модаль-

ные слова, предикаты, словосочетания (в проповедях на двух языках), модальные глаголы (в англоязычных проповедях); установлено процентное соотношение показателей знания, веры и мнения в проповедях на двух языках: в русских текстах преобладают маркеры веры (48 %), в английских – маркеры знания (50 %); раскрыт прагматический потенциал маркеров знания, веры и мнения в религиозном дискурсе: экспликативы знания используются для убеждения слушателей в логичности и рациональности религиозных идей; маркеры веры употребляются для утешения, поддержки, вселения надежды; вербализаторы мнения реализуют функцию побуждения аудитории к внутреннему диалогу и размышлениям над услышанным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блуверг, С. В. Религиозный дискурс. Структура и специфические признаки протестантской проповеди как разновидности религиозного дискурса / С. В. Блуверг // Социал. политика и социология. – 2007. – № 2. – С. 223–235.
2. Салавей, А. А. Катэгорыя верагоднасці ў публіцыстычным, навуковым і мастацкім дыскурсах: семантыка-прагматычны аспект (на матэрыяле беларускай і англійскай моў) : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.20 / А. А. Салавей. – Мінск, 2022. – 177 с.
3. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко [и др.] ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – Л. : Наука, 1990. – 262 с.
4. Зеленщиков, А. В. Пропозиция и модальность / А. В. Зеленщиков. – 2-е изд., доп. – М. : URSS : Либроком, 2010. – 213 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1–А. *Патриарх Кирилл*. Патриаршая проповедь в праздник Крещения Господня / Кирилл, патриарх. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5754824.html> (дата обращения: 10.06.2024).

2–А. *Metropolitan Tikhon*. Pascha 2020 / Tikhon, metropolitan. – URL: <https://www.oca.org/holy-synod/statements/his-beatitude-metropolitan-tikhon/the-resurrection-of-christ-2020> (date of access: 15.05.2024).

3–А. *Патриарх Кирилл*. Патриаршая проповедь в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы / Кирилл, патриарх. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5795360.html> (дата обращения: 12.06.2024).

4–А. *Metropolitan Tikhon*. Thanksgiving Day 2021 / Tikhon, metropolitan. – URL: <https://www.oca.org/holy-synod/statements/his-beatitude-metropolitan-tikhon/thanksgiving-day-2021> (date of access: 11.05.2024).

5–А. *Патриарх Кирилл*. Патриаршая проповедь в Неделю 25-ю по Пятидесятнице / Кирилл, патриарх. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5726980.html> (дата обращения: 16.06.2024).

6–А. *Metropolitan Tikhon*. Steward Sunday 2022 / Tikhon, metropolitan. – URL: <https://www.oca.org/holy-synod/statements/his-beatitude-metropolitan-tikhon/steward-sunday-2022> (date of access: 12.05.2024).

7–А. *Патриарх Кирилл*. Патриаршая проповедь в Рождественский сочельник / Кирилл, патриарх. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5746791.html> (дата обращения: 18.06.2024).

8–А. *Metropolitan Tikhon*. Nativity of our Lord 2020 / Tikhon, metropolitan. – URL: <https://www.oca.org/holy-synod/statements/his-beatitude-metropolitan-tikhon/nativity-of-our-lord-2020> (date of access: 19.05.2024).

9–А. *Metropolitan Tikhon*. Sermon at the Divine Liturgy Exaltation of the Cross / Tikhon, metropolitan. – URL: <https://www.oca.org/reflections/metropolitan-tikhon/sermon-at-the-divine-liturgy-exaltation-of-the-cross> (date of access: 17.05.2024).

10–А. *Патриарх Кирилл*. Патриаршее слово после Пасхальной великой вечерни / Кирилл, патриарх. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5920724.html> (дата обращения: 11.07.2024).

11–А. *Metropolitan Tikhon*. Sunday of All Saints – 2022 / Tikhon, metropolitan. – URL: <https://www.oca.org/holy-synod/statements/his-beatitude-metropolitan-tikhon/sunday-of-all-saints-2022> (date of access: 05.05.2024).

12–А. *Патриарх Кирилл*. Патриаршая проповедь в Богоявленском соборе / Кирилл, патриарх. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6062098.html> (дата обращения: 01.07.2024).

13–А. *Патриарх Кирилл*. Патриаршая проповедь в праздник Сретения Господня / Кирилл, патриарх. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5773056.html> (дата обращения: 13.07.2024).

14–А. *Metropolitan Tikhon*. Homily on Great and Holy Friday / Tikhon, metropolitan. – URL: <https://www.oca.org/reflections/metropolitan-tikhon/homily-great-holy-friday> (date of access: 24.05.2024).

Поступила в редакцию 05.09.2024

Устименко Елена Генриховна

аспирант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Aliona Ustsimenka

PhD Student of the Department
of Theoretical and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
evoshhilo@mail.ru

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ НАПРАВЛЕНИЯ
В СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛОВ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ
(на материале русского и немецкого языков)

ACTUALIZATION OF THE MEANING OF DIRECTION
IN THE SEMANTICS OF VERBS OF MOVEMENT
(Based on the Material of Russian and German Languages)

В статье рассматриваются способы образования семы 'направление' в семантике приставочных глаголов, обозначающих перемещение вверх/вниз, вперед/назад, внутрь/наружу, в русском и немецком языках. Установлено, что в сравниваемых языках в качестве производящих баз выступают как глаголы перемещения, так и глаголы других лексико-семантических групп. В обоих языках выявлены отличия относительно количества семантических подполей, а также количества моделей, которые служат для образования глагольных дериватов, обозначающих перемещение в указанных направлениях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: приставочные глаголы перемещения; сема 'направление'; семантическое подполе; производящая база; модель.

The article examines the ways of forming the seme 'direction' in the semantics of prefixed verbs denoting upward/downward, forward/backward, inward/outward movements in Russian and German. It has been established that in the compared languages, both verbs of movement and verbs of other lexical-semantic groups act as productive bases. In both languages, differences are revealed regarding the number of semantic subfields, as well as the number of models used to form verbal derivatives denoting movement in the analyzed directions.

Key words: prefixed verbs of movement; seme 'direction'; semantic subfield; productive base; model.

Изучению структурных, семантических, функциональных и других характеристик глаголов перемещения (ГП) посвящено множество работ по лингвистике [1–6]. В результате данных исследований установлено, что одним из ядерных компонентов в семантике ГП является информация о направлении, т.к. именно она наряду с информацией о способе перемещения «делает глагол движения полноценным» [1, с. 161]. Сема

‘направление’ может являться ингерентной частью семантики производного глагола перемещения (*карабкаться, падать, пятиться, dringen* ‘проникать’, *steigen* ‘подниматься; взбираться’ и др.) либо эксплицироваться с помощью приставки со значением направления в семантике производной глагольной единицы (*вскатиться, слезть, выступить, herabstürzen* ‘низвергаться, (стремительно) падать’, *zurückrennen* ‘мчаться назад’, *hinausfahren* ‘выезжать’ и др.). Анализ языкового материала – непременных глаголов в их первом значении, обозначающих перемещение вверх/вниз, вперед/назад, внутрь/наружу, отобранных методом сплошной выборки из Большого академического словаря русского языка под редакцией К. С. Горбачевича [7], Малого академического словаря русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой [8] и толкового словаря Duden Onlinewörterbuch [9], – показал, что сема ‘направление’ образуется не только с помощью указанных двух способов.

В данной работе выявляются способы репрезентации семы ‘направление’ в семантике приставочных глаголов, обозначающих перемещение по направлениям вверх/вниз, вперед/назад, внутрь/наружу, в русском и немецком языках. Анализу подверглись все приставочные глаголы перемещения рассматриваемых языков, представленные в указанных выше словарях. Общее количество приставочных ГП в русском языке составляет 166 единиц из 207 глаголов (80,2 %), в немецком языке – 481 единица из 512 глаголов (93,9 %). Причина существенной разницы глаголов в сравниваемых между собой языках заключается в особенностях немецкого словообразования, где до сих пор вызывает затруднения вопрос о том, какие глаголы следует считать сложными (например, *teilnehmen, freisprechen*), какие – производными (например, *besprechen, aufstehen*), а также о различных типах производных глаголов [10, с. 275–279]. В немецком словообразовании отсутствует однозначная позиция относительно статуса первого компонента производных глаголов (дискуссий не вызывают неотделяемые приставки, например, *be-, ge-, ent-* и др. [11, S. 708; 12]). В случае с отделяемым первым компонентом его трактуют как отделяемую приставку (*trennbare Präfix*) [13], полупрефикс [12; 14], глагольную частицу (*Verbpartikel*) [11, S. 708; 15], первый компонент в составе сложных глаголов [12], приглагольный компонент-частицу [16, с. 1774]. Учитывая эти трактовки и не ставя перед собой задачу определить статус первого компонента, мы в данной работе называем его приставкой (префиксом)¹.

¹ Слитное написание глагола и первого глагольного компонента, в качестве которого может выступать наречие, предлог, является орфографической традицией, которая сложилась в результате развития немецкого языка [17; 18].

Для установления способов реализации значения направления в семантике производных ГП необходимо «определить категориальную принадлежность производящих баз, семантику присоединяемых формантов, а также отношения, возникающие между компонентами производных слов» [19, с. 281]. Логично предположить, что в качестве производящих (мотивирующих) баз приставочных ГП, обозначающих направление в сравниваемых языках, преимущественно выступают глаголы перемещения. Для подтверждения нашей гипотезы воспользуемся семантической классификацией, предложенной в Толковом словаре русских глаголов под редакцией Л. Г. Бабенко [20]. Несмотря на то, что данная классификация выполнена на материале русского языка, ее можно применить и для немецкого языка, так как в сравниваемых языках имеются сходные семантические классы глаголов. В этой семантической классификации глаголы иерархически распределены по трем семантическим полям (СП), семантическим подполям (СПп), лексико-семантическим группам (ЛСП) [20]. В целях избежания дробности и атомарности мы включили глаголы движения, перемещения объекта и помещения в одно подполе перемещения, так как глаголы этих СПп являются семантически сходными и могут входить в оба подполя (например, глагол *валить* включен в подполе движения и подполе перемещения объекта [20]). Кроме того, при определении производящих баз выделены еще две группы: группа «Непроизводные глаголы» по морфологическому признаку, группа «Неглагольные производящие базы» по частеречному признаку. В группу «Непроизводные глаголы» (всего 18 единиц) отнесены лексемы типа *взобратся, проникнуть* и постфиксальные глаголы типа *подняться, повергнуться, вверзиться*. Производность данных лексем проверялась в Словообразовательном словаре русского языка А. Н. Тихонова [21]. В группу «Неглагольные производящие базы» (всего 3 единицы) вошли глаголы, образованные от существительных (*приводниться, приземлиться, прилуниться*)¹. Результаты семантической классификации глагольных дериватов с семой 'направление' в соответствии со значением производящей базы в сравниваемых языках представлены в табл. 1. В данной таблице отражены только те семантические поля и подполя, которые выявлены в ходе анализа производящих баз у приставочных ГП с семой 'направление'.

¹ В немецком языке среди исследуемых приставочных глаголов не обнаружено неглагольных производящих баз.

Таблица 1

Семантическая классификация глагольных дериватов в соответствии со значением производящей базы в русском и немецком языках

Семантическое поле	Количество глаголов											
	вверх		вниз		вперед		назад		внутри		наружу	
	РЯ	НЯ	РЯ	НЯ	РЯ	НЯ	РЯ	НЯ	РЯ	НЯ	РЯ	НЯ
1. Поле действия и деятельности												
1.1. Глаголы перемещения	24	77	29	130	4	30	4	29	25	72	37	83
1.2. Глаголы физического воздействия на объект	–	2	1	6	–	1	–	2	11	9	4	3
1.3. Глаголы социальной деятельности	–	3	2	–	–	2	–	–	–	1	–	5
1.4. Глаголы физиологического действия	–	1	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–
1.5. Глаголы звучания	–	–	–	11	–	–	1	–	2	3	–	1
2. Поле бытия, качества и состояния												
2.1. Глаголы бытия	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2.2. Глаголы качественного состояния	–	3	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
3. Поле отношения												
3.1. Глаголы владения	–	–	–	1	–	–	–	–	–	3	–	–

Как и предполагалось, в обоих языках большинство ГП с семой 'направление' образованы от производящих баз, в качестве которых выступают глаголы перемещения. В русском языке данное СПп составляет 123 глагола (74,1 %), в немецком – 421 глагол (87,5 %), что подтверждает тезис В. Г. Гака о большей задействованности глаголов перемещения в образовании дериватов. Это происходит в том числе и за счет более широкой сочетаемости с приставками: «глаголы, показывающие “обыденные” способы передвижения, например, *идти, ехать, лететь, бежать* и т. п., сочетаются со всеми локальными префиксами: *прибежать, убежать, вбежать, выбежать* и т.д. “Живописные” же глаголы имеют меньшую сочетаемость: *плестись* – только с префиксами *при-, до-*» [1, с. 161].

Анализ значения производящих баз показывает, что в обоих языках для образования глагольных дериватов с семой 'направление', помимо

СПп «Глаголы перемещения», привлекаются глаголы таких семантических подполей, как СПп «Глаголы физического воздействия на объект» (*рвать* – *вырваться*, *тиснуть* – *втиснуться*, *brechen* ‘(раз)ломать; разбивать’ – *einbrechen* ‘врываться, вламываться’), СПп «Глаголы социальной деятельности» (*пустить* – *спуститься*, *arbeiten* ‘работать’ – *heraufarbeiten* ‘с трудом взбираться вверх’, *wagen* ‘отважиться, осмеливаться’ – *vorwagen* ‘осмелиться продвинуться (выйти) вперед’), СПп «Глаголы звучания» (*плеснуть* – *вплеснуться*, *prasseln* ‘трещать, потрескивать’ – *herunterprasseln* ‘обрушиваться, сыпаться’, *rauschen* ‘шуметь; шелестеть, шуршать; журчать’ – *niederrauschen* ‘с шумом падать’). Остальные СПп представлены только в одном из исследуемых языков. Так, в русском языке выявлены производящие базы СПп «Глаголы бытия» (1 единица: *рушить* – *обрушиться*); в немецком языке – СПп «Глаголы физиологического действия» (3 единицы: *keuchen* ‘задышаться’ – *hinaufkeuchen* ‘с одышкой подниматься’, *saufen* ‘пить (о животных)’ – *absaufen* ‘тонуть’, *trinken* ‘пить’ – *ertrinken* ‘тонуть’), СПп «Глаголы качественного состояния» (4 единицы: *brodeln* ‘кипеть, бурлить’ – *aufbrodeln* ‘подниматься, клубиться’ (о паре, тумане), *dampfen* ‘выпускать пар; дымить(ся)’ – *aufdampfen* ‘подниматься’ (о тумане), *quälen* ‘мучить, терзать’ – *hinaufquälen* ‘с трудом подниматься’, *perlen* ‘искриться, играть, пениться’ – *abperlen* ‘стекать каплями’), СПп «Глаголы владения» (4 единицы: *entern* ‘брать на бордаж’ – *niederentern* ‘спускаться с такелажа’, *stehlen* ‘воровать, красть, похищать’ – *sich einstehlen* ‘прокрадываться’, *hereinsteehlen* ‘вкрасться, прокрасться’, *hineinsteehlen* ‘вкрасться, прокрасться’).

Из полученных данных следует, что в немецком языке количество семантических подполей производящих баз, которые участвуют в образовании производных глаголов, обозначающих перемещение в исследуемых направлениях, больше, чем в русском языке (7 СПп в немецком языке и 5 СПп в русском языке). Количественная разница СПп наблюдается и на уровне изучаемых направлений. Так, направление вверх обозначается с помощью единиц 1 СПп в русском языке и 5 СПп в немецком языке, направление вниз – 4 СПп в русском языке и 6 СПп в немецком языке, направление вперед – 1 СПп в русском языке и 3 СПп в немецком языке, направление назад – 2 СПп в обоих языках, направление внутрь – 3 СПп в русском языке и 5 СПп в немецком языке, направление наружу – 2 СПп в русском языке и 4 СПп в немецком языке.

Выявленная количественная асимметрия СПп и глаголов, обозначающих перемещение в исследуемых направлениях, в сравниваемых языках обусловлена возможностями сочетания производящих баз с префиксами. Так, В. Г. Гак отмечает, что «чем своеобразнее компонент С (способ

передвижения), чем ярче компонент D (стилистико-экспрессивная характеристика действия), тем меньше их сочетаемость с компонентом B (направление движения)» [1, с. 161]. В этом отношении в немецком языке, по сравнению с русским, обнаруживается большее количество «нестандартных» глаголов, задействованных в образовании глагольных дериватов с семой 'направление' (например, *stolpern* 'спотыкаться; идти спотыкаясь' – *hinaufstolpern* 'спотыкаясь, идти вверх', *hinunterstolpern* 'спотыкаясь, идти вниз', *taumeln* 'шататься, нетвердо ступать' – *zurücktaumeln* 'шатаюсь, идти обратно' и др.)

Рассмотрим, за счет чего возникает информация о направлениях вверх/вниз, вперед/назад, внутрь/наружу в семантике производных ГП в русском и немецком языках. Как установлено в наших предыдущих исследованиях, сема 'направление' в значении производных ГП образуется в результате взаимодействия мотивирующих глаголов с двумя типами приставок: 1) обозначающими то же направление, что и производный глагол (например, *вз-* обозначает перемещение по направлению вверх, *ab-* обозначает перемещение по направлению вниз и т.д.); 2) не обозначающими ни одно из шести исследуемых направлений (например, *про-*, *durch-*), либо обозначающими иное направление, чем производный глагол (например, *вы-* может обозначать перемещение не только наружу, но и вперед) (подробнее см. [22, с. 165–167]). Данные типы приставок вступают в структурно-семантические отношения с 4 типами производящих баз: глаголы перемещения, не обозначающие направление (ГП), направительные глаголы перемещения, содержащие сему 'направление' (НГП), глаголы иных лексико-семантических групп (ГИЛСГ), имена существительные (ИС) по 7 моделям, что отражено в табл. 2.

Таблица 2

Типы взаимодействующих с приставками производящих баз у ГП с семой 'направление'

Типы производящих баз	Типы приставок	
	Приставки со значением исследуемых направлений	Приставки с иными значениями
ГП	Модель 1	Модель 2
НГП	Модель 3	Модель 4
ГИЛСГ	Модель 5	Модель 6
ИС	–	Модель 7

Рассмотрим каждую из данных моделей.

Модель 1. «приставка направление + ГП = НГП»¹. В этой модели сема 'направление' в семантике направительного глагола перемещения (НГП) возникает в результате взаимодействия производящей (мотивирующей) базы, в качестве которой выступает глагол перемещения, с приставкой со значением направления, например, *vzлететь, сползти, вкатиться, выехать, heraufkommen* 'подниматься вверх', *abfließen* 'стекать', *vorlaufen* 'забегать вперед; бежать впереди', *zurückfliegen* 'лететь обратно', *eintreten* 'входить', *herausfahren* 'выезжать'. В таком случае данная сема наследуется производным глаголом из значения приставки. Кроме того, выявлен ряд глаголов, в которых префикс вступает в семантический конфликт с производящей базой, так как обозначает иное направление, чем производный глагол, например, приставка *вы-* описывает направление наружу, префикс *auf-* – вверх, а производные глаголы с соответствующими приставками *вышагнуть, aufrücken* 'подвигаться; придвигаться' содержат информацию о перемещении вперед.

Модель 2. «приставка другое направление + ГП = НГП». Значение направления в семантике НГП возникает за счет взаимодействия глагола перемещения с приставкой, не обозначающей ни одно из 6 исследуемых направлений, например, *продвинуться, затечь, погрузиться*. Данная модель выявлена только в русском языке.

Модель 3. «приставка направление + НГП = НГП2». Производящей базой является направительный глагол перемещения с ингерентной семой 'направление'. При сочетании НГП с приставкой со значением направления могут возникать 3 типа взаимодействия между компонентами производного деривата. Первый тип наблюдается в случае совпадения значения направления приставки и производящей базы, в результате чего происходит интенсификация номинативного значения производящего (мотивирующего) глагола, например, префиксы *auf-, empor-, herauf-, hinauf-, hoch-* со значением вверх комбинируются с глаголом *steigen* 'подниматься; взбираться', префиксы *herab-, herunter-, hinunter-* со значением вниз взаимодействуют с глаголом *fallen* 'падать', приставки *ein-, herein-* со значением внутрь – с глаголом *dringen* 'проникать'. В русском языке данный тип взаимодействия представлен небольшим количеством глаголов, например, приставка *с-*, обозначающая перемещение вниз, вступает в словообразовательные отношения с глаголами *падать, сыпаться* и др.

¹ В данную модель включены 2 глагола (*подвсплыть, снизойти*), содержащие в своем составе 2 приставки.

При втором типе приставка и производящая база содержат информацию о разных направлениях, в результате их взаимодействия значение направления в семантике мотивирующего глагола нейтрализуется, например, *hinunter-* (вниз) + *steigen* 'подниматься; взбираться' – *hinuntersteigen* 'спускаться, слезать', *zurück-* (назад) + *fallen* 'падать' – *zurückfallen* 'падать назад', *auf-* (вверх) + *tauchen* 'нырять' – *auftauchen* 'всплывать, выныривать', *herein-* (внутри) + *klettern* 'лезть, взбираться, карабкаться' – *hereinklettern* 'влезать', *heraus-* (наружу) + *dringen* 'проникать' – *herausdringen* 'пробиваться; просачиваться' и др. В русском языке также выявлен ряд таких производных дериватов, например, *выкарабкаться*, *вынырнуть* и др. Таким образом, семантика приставки задает значение производного направительного глагола перемещения.

Третий тип взаимодействия обнаруживается при сочетании приставки со значением одного из изучаемых направлений и НГП, при этом префикс может привносить дополнительный семантический признак, например, информацию о нарушении целостности объекта (*einstürzen* 'обрушиваться; обваливаться'), особой характеристике перемещения (*vornüberfallen* 'упасть ничком') и т.д.

Модель 4. «приставка другое направление + НГП = НГП2». Сема 'направление' образуется в семантике глагольного деривата при взаимодействии направительного глагола перемещения с приставкой, не обозначающей исследуемое направление, в результате чего в значении производного глагола возникает дополнительный семантический признак, например, в семантике глаголов *провалиться*, *durchfallen* 'проваливаться, падать' актуализируется информация о перемещении сквозь что-л., в значении лексемы *опасть* – о множественности объекта перемещения и др.

Модель 5. «приставка направление + ГИЛСГ = НГП». В этой модели производящей базой выступает глагол, не обозначающий перемещение, т.е. иной лексико-семантической группы (ГИЛСГ). В результате взаимодействия такого глагола с приставкой со значением направления образуется направительный глагол перемещения, например, *вплеснуться*, *вырыться*, *vorschießen* 'устремляться вперед; ринуться вперед' (*schießen* 'стрелять'), *niederdonnern* 'с грохотом падать вниз' (*donnern* 'греметь') и др.

Модель 6. «приставка другое направление + ГИЛСГ = НГП». Сема 'направление' в значении производного глагола возникает при сочетании приставки, не обозначающей изучаемое направление, и глагола иной ЛСГ, например, *обрушиться*, *зарыться*, *sich vergraben* 'закапываться, зарываться', *zusammenbrechen* 'обрушиваться, рушиться'.

Модель 7. «приставка + сущ. + суфф. + -ся = НГП». По данной модели образуются глаголы с семой 'направление', производящей базой которых является существительное. Эта модель представлена только 3 единицами (*приземлиться, приводниться, прилуниться*) в русском языке.

Выявленная количественная представленность моделей, по которым образуется значение направления в семантике глаголов перемещения в русском и немецком языках, приведена в обобщенном виде в табл. 3.

Таблица 3

Количественная представленность моделей образования значения направления в семантике глаголов перемещения в сравниваемых языках

Направление перемещения	Модели образования направления													
	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4		Модель 5		Модель 6		Модель 7	
	РЯ	НЯ	РЯ	НЯ	РЯ	НЯ	РЯ	НЯ	РЯ	НЯ	РЯ	НЯ	РЯ	НЯ
вверх	20	51	-	-	2	26	1	11	-	9	-	-	-	-
вниз	17	70	2	-	4	49	7	-	3	19	1	2	3	-
вперед	3	29	1	-	-	1	-	-	-	3	-	-	-	-
назад	-	24	3	-	-	4	1	1	-	2	1	-	-	-
внутри	21	53	1	-	2	19	1	-	9	15	4	1	-	-
наружу	28	60	-	-	9	23	-	-	4	9	-	-	-	-
Всего, ед.	89	287	7	-	17	122	10	12	16	57	6	3	3	-

Из таблицы следует, что в русском языке для образования семы 'направление' в значении ГП задействовано больше моделей, чем в немецком языке (7 vs. 5). В русском языке наибольшее количество моделей участвуют при образовании глаголов, описывающих перемещение по направлениям вниз (7 моделей) и внутрь (6 моделей). В немецком языке наблюдается несколько иная картина: для образования глаголов, обозначающих перемещение по направлениям вверх, вниз, назад, внутрь, задействуются 4 модели, по направлениям вперед, наружу – 3 модели.

Наиболее продуктивной в обоих языках является модель 1, по которой образуются 89 глаголов (60,1 %) в русском языке и 287 глаголов (59,7 %) в немецком языке. Что касается остальных моделей, то в немец-

ком языке важной оказывается модель 3, на долю которой приходится 25,4 % ГП. В обоих языках меньше всего (4,1 % в русском языке и 0,6 % в немецком языке) лексем модели 6.

Таким образом, несмотря на то, что в сравниваемых языках в качестве производящих баз у глагольных дериватов с семой 'направление' выступают преимущественно глаголы перемещения (74,1 % в русском языке и 87,5 % в немецком языке), их сочетания с приставками, количество семантических подполей, модели, по которым образуются производные глаголы, обнаруживают существенную разницу. В немецком языке, по сравнению с русским, выявлено больше семантических подполей и глаголов, служащих для образования приставочных ГП с семой 'направление' (7 СПп vs. 5 СПп), что связано с возможностью сочетания производящих баз с префиксами. В русском языке, в отличие от немецкого языка, обнаружено больше моделей, по которым образуются исследуемые производные ГП. Данные особенности свидетельствуют о существенной специфике в языковом членении с помощью глаголов такого фрагмента внеязыковой действительности, как перемещение по направлениям вверх/вниз, вперед/назад, внутрь/наружу в русском и немецком языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков / В. Г. Гак. – М. : Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
2. Talmy, L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms / L. Talmy // Language typology and syntactic description ; ed. T. Shopen. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1985. – P. 57–149.
3. Maienborn, C. Bewegungs- und Positionsverben: Zur Fakultativität des lokalen Arguments / C. Maienborn // Betriebslinguistik und Linguistikbetrieb ; Hrsg. E. Klein, D. Pouradier, K. H. Wagner. Band. 2. – Tübingen : Niemeyer, 1991. – S. 95–106.
4. Шамне, Н. Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении / Н. Л. Шамне. – Волгоград : Волгогр. гос. ун-т, 2000. – 392 с.
5. Ярема, Е. В. Функционально-семантические особенности глаголов движения: на материале разносистемных языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ярема Елена Владимировна ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2008. – 23 с.
6. Набати, Ш. Персидско-русские корреляты в системе базовых глаголов перемещения / Ш. Набати, Л. А. Тарасевич, З. А. Харитончик. – Минск : Мин. гос. лингвистич. ун-т, 2016. – 156 с.

7. Большой академический словарь русского языка : в 21 т. / РАН, Ин-т лингв. исследов. ; под ред. К. С. Горбачевича. – СПб. : Наука, 2004–2021.
8. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Русский язык, 1985–1988.
9. Duden Onlinewörterbuch. – URL: <http://www.duden.de> (дата обращения: 05.06.2024).
10. *Степанова, М. Д.* Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова ; под ред. Т. В. Строевой. – 2-е изд., испр. – М. : КомКнига, 2007. – 376 с. (Из лингвистического наследия М. Д. Степановой).
11. *Duden, Die Grammatik : unentbehrlich für richtiges Deutsch* / hrsg. von der Dudenredaktion [Red. Bearb.: K.Kunkel-Razum ; Fr. Münzberg. Autoren: Peter Eisenberg ...] // Der Duden in 12 Bänden. Bd. 4. – 8., überarb. Aufl. – Mannheim ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 2009. – 1343 S.
12. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А. Н. Зуев, И. Д. Молчанова, Р. З. Мурясов и др. ; под рук. М. Д. Степановой. – 2-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2000. – 536 с.
13. *Fleischer, W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer. – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1969. – 326 S.
14. *Скоробогатая, Т. И.* Полупрефиксальные глаголы в немецком языке с компонентом ап- и их неоднословные соответствия / Т. И. Скоробогатая // Вест. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки. – 2022. – № 9 (65). – С. 149–151.
15. *Eichinger, L. M.* Zum Ausdruck lokaler und temporaler Relationen in der verbalen Wortbildung / L. M. Eichinger // Tendenzen verbaler Wortbildung in der deutschen Gegenwartssprache. – Hamburg : Buske, 1982. – S. 51–79.
16. *Ахметова, Л. А.* Структурно-семантическая характеристика производных глаголов движения в немецком языке / Л. А. Ахметова, М. Р. Шаймарданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – № 6. – С. 1773–1780.
17. *Adelung, J. Ch.* Umständliches Lehrgebäude der Deutschen Sprache : zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen / J. Ch. Adelung. – Erster Band. – Leipzig : Breitkopf, 1782. – 884 S.
18. *Drach, E.* Grundgedanken der Satzlehre / E. Drach. – 3. Aufl. – Fotomechanischer Nachdruck : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, 1963. – 99 S.
19. *Харитончик, З. А.* Очерки о языке / З. А. Харитончик. – Минск : МГЛУ, 2004. – 367 с.

20. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
21. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. : более 145 000 слов / А. Н. Тихонов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель, АСТ, 2003.
22. Устименко, Е. Г. О глаголах перемещения с семой 'направление' (на материале русского и немецкого языков) / Е. Г. Устименко // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. Сер. Филологія. – 2023. – № 1 (61). – С. 161–168.

Поступила в редакцию 10.09.2024

Чжан Сьюй

аспирант кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Zhang Siyu

PhD Student of the Department
of Speecheology and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
siyuzhang53@gmail.com

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ДОМИНАНТА
ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

TOLERANCE AS A DOMINANT OF DIPLOMATIC DISCOURSE

В статье осуществлен научный анализ лингвистического знания о толерантности как концепте, коммуникативной категории и коммуникативной макростратегии в контексте дипломатического дискурса. Выявлены специфические характеристики макростратегии толерантности, определены и обоснованы образующие ее коммуникативные стратегии и тактики. По результатам контрастивного анализа установлен идентичный характер реализации макростратегии толерантности в дипломатической переписке Российской Федерации и Китая (на примере жанра вербальной ноты).

Ключевые слова: дипломатический дискурс; толерантность; концепт; коммуникативная категория; коммуникативная макростратегия; коммуникативные стратегии и тактики; вербальные ноты Российской Федерации и Китая.

The article provides a scientific analysis of linguistic knowledge about tolerance as a concept, communicative category and communicative macrostrategy in the context of diplomatic discourse. The specific characteristics of the macrostrategy of tolerance have been identified, the communicative strategies and tactics included in it have been identified and justified. Based on the results of a contrastive analysis, the identical nature of the implementation of the macrostrategy of tolerance in the diplomatic correspondence of the Russian Federation and China was established (using the example of the note verbale genre).

Key words: diplomatic discourse; tolerance; concept; communicative category; communicative macrostrategy; communicative strategies and tactics; notes verbales of the Russian Federation and China.

Актуальность темы исследования обусловлена возросшим интересом современной лингвистики к проблемам коммуникативного взаимодействия, изучению языка в тесной связи с практической деятельностью человека. Внешнюю политику в современном мире характеризуют амбивалентные тенденции: с одной стороны, создаются условия для успешной международной интеграции, с другой стороны, в последние годы на

мировой арене имеют место процессы антиглобализма и поляризации. Важную роль в данной связи приобретает дипломатия, которая призвана обеспечивать международное взаимодействие с позиций мира, взаимопонимания и сотрудничества. Этим объясняется внимание ученых-лингвистов к проблеме дипломатической коммуникации как важнейшей области, определяющей ключевые стороны международных отношений. Особый интерес в данном контексте представляет имманентно присущая данному дискурсу категория *толерантности*, которая может рассматриваться не только как доминантная сущностная характеристика, но и как коммуникативная макростратегия дипломатической коммуникации.

Концептуальным и категориальным аспектам толерантности посвящены исследования Т. В. Романовой, Же Ли, И. А. Стернина, К. М. Шилихиной и др. Вопросы ее реализации в дипломатическом дискурсе представлены в работах М. В. Белякова, А. С. Кожетевой, Л. Н. Синельниковой, Т. А. Шаповаловой, Ху Кайбао, Ду Сянтао, Чжоу Лиин, Сюн Юнхун, Ли Чан и др.

Толерантность представляет собой сложноорганизованный неоднозначный для русского языкового сознания лингвистический феномен. Это связано с тем, что, будучи заимствованной, лексема *толерантность* заполнила в русском языке мотивированную лауну, однако, по свидетельству И. А. Стернина, К. М. Шилихиной, не стала установкой национального сознания, а концепт «толерантность» не был заложен в русском сознании как ментальная единица [1].

В русском языковом сознании концепт «толерантность» начал очерчивать свою структуру только с конца XX в. В общем виде в толковых словарях толерантность определяется как *терпимость к чужому мнению*. Данный концепт был включен в русскую языковую картину мира через соотношение с опорной лексемой *терпимость*, которая определяется в словаре В. И. Даля как «способность что-либо терпеть только по милосердию или снисхождению» [2]. Такое понимание данного термина обусловлено его первоначальной принадлежностью к христианской традиции, отражающей пассивную жертвенную позицию субъекта, который демонстрирует смирение, покорность, безграничное принятие. С течением времени христианская терпимость стала основой гражданской толерантности, которая связана со светской и политической жизнью общества. Она предполагает усиление рациональной компоненты и нивелирование эмоциональной.

Теоретический анализ показывает, что до настоящего времени лингвистическая наука не выработала единого определения толерантности. С позиций когнитивной лингвистики под толерантностью понимается

«положительное нравственное качество человека, заключающееся в ценностной ментальной установке на терпимость к мнениям, убеждениям и формам поведения другого человека» [1, с. 16]. В качестве базового когнитивного слоя концепта «толерантность» И. А. Стернин определяет «чувственный образ спокойного, вежливого, невозмутимого человека», который «фиксирует в своем сознании собственное негативное отношение к идеям или поступкам других, но он не высказывает этого несогласия в резкой или агрессивной форме» [1, с. 17]. Такой образ кодирует данный концепт для мыслительных операций.

В китайском языке толерантность также понимается через категорию терпимости (к чужому, к другому). В качестве коннотативных значений толерантности в китайских словарях указаны: снисходительное отношение, умение прощать; великодушное принятие; переносимость; мягкость, великодушие, доброта, учтивость.

Же Ли и Чжоу Лиин подчеркивают, что в китайском языке важной чертой толерантности является сочувствие и сострадание как требование к себе вне зависимости от того, как поступают другие. Главное – наблюдать за собой и «быть компромиссным к конфликтным ситуациям и уметь решать их», что подтверждается китайским афоризмом: «Злу никогда не наступит конец, если мы будем использовать его, чтобы наказать чужое зло» [3; 4]. Фундаментальной основой такого миропонимания выступает конфуцианство, согласно которому только свободный выбор человека определяет суть гуманных отношений в обществе.

Исследователи М. В. Беляков [5], И. А. Стернин, К. М. Шелихина [1], Т. А. Шаповалова [6] рассматривают толерантность как *коммуникативную категорию*. Указанный лингвистический статус обусловлен соответствием таким заданным критериям, как наличие коммуникативного содержания, включающего прескрипционную и информационно-содержательную составляющие; языковые и речевые способы его реализации; возможность выделения дихотомической категории; способность градуального выражения [6].

Содержание толерантности как коммуникативной категории представлено совокупностью сущностных характеристик ряда прескрипций: предписывающих (необходимость проявлять уважение и такт по отношению к личности и убеждениям оппонента); запретительных (недопустимость навязывания собственной позиции, подавления личности собеседника, проявления любой дискриминации); интерпретирующих (предоставление возможности коммуникантам адекватно воспринимать процесс коммуникации, понимать смыслы).

Толерантность реализуется при помощи различных речевых и языковых приемов гармонизации общения, среди которых следует выделить снижение категоричности высказывания, размытость, расширение его семантики, смещение акцента, возражение под видом согласия, косвенную критику, речевые поддержки и др. Репрезентация толерантности в дипломатическом дискурсе обусловлена его спецификой, которая раскрывается через описание участников, целей, ценностей, стратегий и тактик речевого поведения.

Дипломатическая толерантность приобретает особую специфику, обусловленную прагматическими целями внешней политики и связанную с отражением ее противоречивого характера в отношении содержания (философии, ценностей) и формы реализации с помощью языковых средств в сфере дипломатической коммуникации. Т. А. Шаповалова указывает на «неоднозначный характер и парадоксальность данной категории», в связи с чем предлагает рассматривать два аспекта понимания толерантности – социальную и коммуникативную [6].

Проблема толерантности в китайском дипломатическом дискурсе исследуется в работах Чжоу Лиин, Сюн Юнхун, Ху Кайбао, Ли Чан, Чэнь Чаоцин и др. Ученые единодушно признают в идее толерантной дипломатии противоречие сущего и должного. В частности, Чжоу Лиин отмечает, что сам призыв к толерантности в дипломатической коммуникации свидетельствует о фактической нетерпимости в социуме. Дилемма толерантности в политике заключается в амбивалентности теоретических моральных установок и реального содержания прагматической коммуникации [4]. Сюн Юнхун считает, что только единство идей и реальности, стратегий и принципов может быть истинной основой реализации толерантности в межкультурном взаимодействии [7].

Как отмечают Нью Мэнди [8], Ху Кайбао, Ли Чан [9], спецификой китайской дипломатической коммуникации как «мягкой силы» является ведущий национальный идеологический компонент, подкрепленный идейно-философскими воззрениями, ориентированность на интеграцию в мировом пространстве китайских прагматических ценностей.

В китайской прагмалингвистике уделяется значительное внимание стратегиям и тактикам толерантности в дипломатическом дискурсе как инструментам «мягкой силы», обеспечивающим, по словам Нью Мэнди, «прочную основу для мирного подъема страны, формирования имиджа ответственной державы на международной арене» [8].

В рамках настоящего исследования толерантность рассматривается как *коммуникативная макростратегия* дипломатической коммуникации,

способствующая достижению внешнеполитических целей коммуникантов при сохранении принципов гармоничного общения. Под коммуникативной стратегией в лингвистике понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [10, с. 54]. Глобальность исследуемой стратегии обусловлена ее доминантным системообразующим характером, предполагающим взаимодействие стратегий-составляющих как единого целого. Способами осуществления стратегии выступают коммуникативные тактики как приемы эффективного воздействия.

Макростратегия толерантности в дипломатическом дискурсе отличается наличием ряда специфических характеристик: *некатегоричность, вежливость, корректность, уклончивость, смысловая размытость*. Все они характеризуют толерантность через воплощение идей социального равенства и справедливости.

Вежливость предполагает принятие равноправных позиций агентов дипломатической коммуникации, их взаимное уважение, использование ритуализированных речевых формул. Речевые действия вежливости в дипломатическом общении обеспечивают поддержание приемлемого этикетного тона общения, помогают гармонизировать эмоциональный фон, избежать острого конфликта между оппозиционными сторонами.

Некатегоричность направлена на бесконфликтное «сбалансированное» дипломатическое общение, поддержание его неконфликтной тональности с применением стратегии коммуникативного смягчения. Установка дипломатов на минимизацию коммуникативных рисков обеспечивает снижение агрессивности оценочного высказывания и позволяет использовать неоднозначные или умеренные формулировки, оставляя адресату пространство для интерпретации.

Корректность в дипломатической коммуникации предполагает строгое следование нормам официально-делового стиля, требующим взвешенности, обдуманности и сдержанности в формулировках, недопустимости необоснованных категоричных суждений и субъективных пристрастных оценок оппонента. Корректный диалог подразумевает использование языковых средств, которые способствуют «сохранению лица» дипломатов как представителей государства.

Категории уклончивости и смысловой размытости носят в дипломатическом дискурсе несколько манипулятивный характер. Уклончивость представляет собой имплицитное уклонение от прямого ответа и содержит скрытый, стратегический смысл. Она реализуется как отра-

жение агентами собственной уязвимой позиции в определенных обстоятельствах, переживания ими статусной неуверенности при наличии субординативных отношений. Смысловая размытость предполагает создание в дипломатических речевых актах преднамеренной неопределенности с целью завуалировать реальное положение дел. М. В. Беляков называет такую коммуникацию двусмысленным языком «полулжи-полуправды» [5], который используется для избежания конфликта, возможных обвинений во лжи и необоснованности высказываний, для спасения репутации.

Вышеизложенное позволяет понимать дипломатическую толерантность как ведущую макростратегию дипломатического дискурса, направленную на взаимное эксплицитное признание точек зрения оппонентов, сохранение представительского статуса, готовность к выработке консенсуса и характеризующуюся некатегоричностью, вежливостью, корректностью, уклончивостью, смысловой размытостью.

Теоретический анализ показывает, что макростратегия дипломатической толерантности в соответствующем дискурсе не обладает единой системой средств выражения. В лингвистических источниках представлены различные классификации коммуникативных стратегий и тактик, используемых в политической и внешнеполитической коммуникации. В частности, Т. А. Шаповалова указывает, что толерантность реализуется стратегиями благожелательности; непредвзятости; недосказанности [6]. М. В. Беляков считает ключевыми следующие стратегии: создания двусмысленности; создания намеренной неопределенности; эвфемизации; смены коммуникативного фокуса [5]. В связи с тем, что дипломатический дискурс характеризуется клишированностью и ритуальностью дипломатического языка, стратегии и тактики реализации толерантности также носят достаточно жесткий стереотипный характер.

Предметом нашего исследования стала реализация коммуникативной макростратегии толерантности в дипломатической переписке Российской Федерации и Китая на примере жанра вербальной ноты. Материалом для исследования послужили тексты вербальных нот, размещенные в цифровом формате в библиотеке ООН (<https://digitallibrary.un.org>).

Анализ фактического материала переписки позволил констатировать, что коммуникативная макростратегия дипломатической толерантности реализуется совокупностью следующих стратегий: 1) *благожелательности*; 2) *информирования и интерпретации*; 3) *оценочного смягчения*; 4) *аргументации*. Охарактеризуем их и приведем примеры некоторых тактик, реализующих данные стратегии.

Стратегия благожелательности основана на принципах речевого этикета в дипломатической переписке и направлена на установление, поддержание и сохранение коммуникативного контакта с использованием ритуализированных клише, которые являются единственными в дипломатическом языке Российской Федерации и Китая.

- Тактика комплимента

*Министерство иностранных дел Российской Федерации **свидетельствует свое уважение** Посольству Китайской Народной Республики и **имеет честь сообщить** ему.*

*我很荣幸地请求将这封信分发为大会第五十七届会议关于专案50的文件初步议程 (**Имею честь** просить о распространении настоящего письма в качестве документа пятьдесят седьмой сессии Генеральной Ассамблеи по пункту 50 предварительной повестки дня).*

- Тактика смягчения сообщения о намерениях коммуниканта

*Я **хотел бы довести до Вашего сведения** вербальную ноту Постоянного представительства Российской Федерации.*

*中国对安理会委员会主席的通报表示感谢 (**Китай хотел бы выразить признательность** Председателю Комитета Совета Безопасности за проведенный им брифинг).*

- Тактика благодарности

***Буду признателен Вам за содействие** в распространении настоящего письма.*

*请将本照会及其附件作为安全理事会文件分发为荷 (**Буду весьма признателен** за распространение настоящей ноты и приложения к ней в качестве документа Совета Безопасности).*

- Тактика отождествления

***Россия твердо следует** своим международным обязательствам...*

*中国关注阿富汗难民困境 (**Китай** обеспокоен бедственным положением афганских беженцев).*

Стратегия информирования и интерпретации реализует речевое воздействие на оппонента посредством специально отобранного и выстроенного нарратива, интерпретированного в соответствии с коммуникативными целями.

- Тактика акцентирования положительной информации

*В целом Суд не нашел недостатков в удовлетворении Россией 98 процентов украинских просьб об оказании правовой помощи в контексте предполагаемого финансирования терроризма, **что свидетельствует о чрезвычайно высоком уровне сотрудничества со стороны России.***

近年来, 新疆经济持续发展, 社会和谐稳定 (В последние годы в Синьцзяне отмечаются **устойчивое экономическое развитие, социальная гармония и стабильность ...**).

- Тактика мягкого предупреждения

Если грузинское руководство не сможет создать зону безопасности в районе грузино-российской границы..., **мы оставляем за собой право действовать** в соответствии со статьей 51 Устава ООН, закрепляющей за каждым государством членом ООН неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону.

任何人、任何势力都不应低估中国人民保卫国家和领土完整的决心、坚定和能力 (Никаким лицам и никаким силам не следует недооценивать решительный настрой, твердую волю и мощную способность китайского народа защищать наш национальный суверенитет и территориальную целостность).

- Тактика комментирования

Россия не участвовала в упомянутом саммите, и **мы не стали бы комментировать украинские измышления**, если бы они не были привнесены Киевом на площадку Организации Объединенных Наций.

单方面强制性措施的负面影响问题对我们各国人民的生存具有重要意义。世界上三分之一的人口遭受这些非法措施的侵害 (Вопрос о негативном воздействии односторонних принудительных мер имеет экзистенциальное значение для наших народов. **Треть населения Земли страдает от этих незаконных мер**).

- Тактика смещения прагматического фокуса

Вашингтон ставит под сомнение не только сами **выборы** Президента Российской Федерации, но и **положения Конституции** Российской Федерации с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года.

所有中华儿女的共同愿望是祖国重新统一 (Общее желание всех китайских детей – добиться того, чтобы их родина вновь стала единым целым (о детях Тайваня).

Стратегия оценочного смягчения реализует некатегоричность высказываний в исследованной дипломатической переписке обеих стран, уменьшает прямолинейность оценок и сохраняет баланс интересов сторон.

- Тактика неопределенной референции

Нам известно абсолютно точно и подтверждается **иностранными источниками информации**, что на территории Грузии окопались и те, кто причастен к подготовке терактов в США год назад.

许多专家提出了其他合适的处置计划 (*Многими экспертами предлагались **другие подходящие планы** утилизации*).

- Тактика литотного смягчения

Соединенное Королевство **не предоставило никаких убедительных доказательств**, кроме **ничем не подкрепленных ссылок** на свое непрозрачное национальное расследование.

世界上没有人比中国政府和人民更关心 2,300 万台湾同胞的前途和利益 (Вряд ли кто-нибудь в мире заботится о будущем и об интересах 23 миллионов китайских соотечественников на Тайване больше, чем правительство и народ Китая).

- Тактика эвфемистических замен

Вопрос о Панкисском ущелье **вызывает серьезную озабоченность**.

中方真诚希望阿富汗建立开放包容的政治体系 (Китай **искренне надеется**, что Афганистан сможет создать открытую и инклюзивную политическую систему) (оценочное смягчение лексемы *требовать*).

Стратегия аргументации представляет собой комплекс речевых убеждающих воздействий, основанных на веских достоверных доводах и исключающих пристрастные субъективные оценки.

- Тактика указания на прецедент

Организовано и осуществлено более чем 12 млн кибератак на официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в том числе DoS-атак.

故意将受放射性核种污染的水排入海洋尚无先例 (Прецедентов намеренного сброса загрязненной радионуклидами воды в океан не существует).

- Тактика указания на перспективу

Ничего этого не потребуются, никакие меры и спецоперации не будут нужны, если грузинское руководство будет действительно контролировать свою собственную территорию, выполнять международные обязательства в сфере борьбы с международным терроризмом и не допустит возможных нападений международных террористов со своей территории на территорию Российской Федерации.

将放射性核种污染的水排放到海洋中所造成的环境后果很难预测, 并且具有很大的不确定性 (Экологические последствия от сброса загрязненной радионуклидами воды в океан **труднопредсказуемы и характеризуются значительной неопределенностью**).

- Тактика контрастирования

Отклонив около **сорока обвинений**, выдвинутых **Украиной**, Суд нашел только **два недочета** в действиях **России**.

2022年10月，人权理事会断然拒绝了少数国家提交的涉疆决定草案，并拒绝认可联合国人权事务高级专员办事处对新疆局势进行的所谓「评估」(В октябре 2022 года Совет по правам человека категорически отклонил проект решения по Синьцзяну, представленный небольшой группой стран, и отказался одобрить так называемую «оценку» положения дел в Синьцзяне, проведенную Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека под давлением небольшой группы стран).

Таким образом, обоснование толерантности как доминанты дипломатического дискурса базируется на концептуальных и категориальных представлениях о данном феномене. Толерантность как коммуникативная макростратегия дипломатического дискурса характеризуется некатегоричностью, вежливостью, корректностью, уклонением и смысловой размытостью; обеспечивает прескрипции бесконфликтного общения и способствует минимизации коммуникативных рисков во внешнеполитической интеракции, предотвращению и урегулированию потенциальных конфликтов. Коммуникативная макростратегия толерантности носит системообразующий характер и включает в себя стратегии благожелательности, информирования и интерпретации, оценочного смягчения и аргументации, реализуемые соответствующими тактиками. Результаты анализа фактического материала позволяют констатировать идентичное использование коммуникативных стратегий и тактик толерантности в дипломатической переписке Российской Федерации и Китая, что обусловлено едиными институциональными лингвистическими нормами, предьявляемыми к дискурсу такого типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стернин, И. А.* Коммуникативные аспекты толерантности / И. А. Стернин, К. М. Шилихина. – Воронеж, 2000. – 110 с.
2. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1978–1980. – 4 т.
3. *Же, Ли.* Семантика концепта «Толерантность» и способы его лексической репрезентации в русском языке / Ли Же // Лингвокультурология. – 2007. – № 4. – С. 104–114.
4. *Чжоу, Лиин.* Некоторые философские размышления о «толерантной дипломатии» / Лиин Чжоу // Журнал Чунцинского университета науки и технологий (издание по социальным наукам). – 2008. – № 3. – С. 109–113.

5. *Беляков, М. В.* Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса (на материале открытой профессиональной дипломатии) : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 5.9.8 / М. В. Беляков ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений МИД Рос. Федерации. – М., 2023. – 48 с.
6. *Шаповалова, Т. А.* Коммуникативная категория толерантности и ее реализация в современном политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. А. Шаповалова ; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2013. – 22 с.
7. *Сюн, Юнхун.* Анализ прагматической стратегии дипломатического языка / ЮнХун Сюн, Сяомэй Пэн // Журнал Хунаньского сельскохозяйственного университета (издание по социальным наукам). – 2009. – № 10. – С. 71–74.
8. *Ню, Мэнди.* Проявление толерантности в публичной дипломатии и международных коммуникациях КНР : экспертный опрос / Мэнди Ню // Вестн. ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. – 2022. – № 2. – С. 156–160.
9. *Ху, Кайбао.* Исследование перевода и распространения дипломатического дискурса крупных стран с китайской спецификой : коннотация, метод и значение / Кайбао Ху, Чан Ли. – Пекин, 2018. – 285 с.
10. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : ЛЕНАНД, 2017. – 308 с.

Поступила в редакцию 16.04.2024

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**УДК 81'42**

Палагина Алина Николаевна
магистр филологических наук,
аспирант
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Alina Palahina
MA in Philology,
PhD Student
Belarusian State University
Minsk, Belarus
alinapalagina2000@gmail.com

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
АНГЛО- И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ,
ПОСВЯЩЕННЫХ БОГАТСТВУ

TOPICAL CLASSIFICATION OF ENGLISH- AND GERMAN-LANGUAGE
VIDEOMATERIALS DEDICATED TO THE WEALTH

В статье представлена тематическая классификация видеоматериалов, опубликованных на видеохостинге YouTube и отобранных по наличию ключевых лексем *богатый* и *богатство*, с целью исследования лингвокультурологических особенностей актуализации концепта «богатство». Изучение особенностей тематической организации проводится на базе англо- и немецкоязычного сегментов видеохостинга, при этом анализируются такие пользовательские реакции, как комментарии и лайки.

Ключевые слова: интернет-комментарий; видеохостинг; пользовательская реакция; богатство; тематика.

The article describes the topical classification of videomaterials, published on YouTube videohosting and chosen based on the presence of key lexemes “rich” and “wealth” in order to study linguoculturological peculiarities of the concept “wealth” actualization. The study of peculiarities of topical organization is provided on the basis of English- and German-language videohosting segments, in the process such users' reactions as comments and likes are analysed.

Key words: internet comment; videohosting; user's reaction; wealth; topic.

На современном этапе развития информационных технологий и трансформации коммуникационной парадигмы с монологической на диалогическую компьютерно-опосредованная коммуникация становится чрезвычайно востребованной в социуме [1, с. 38]. Лингвисты и специалисты в других областях знания, изучающие интернет-дискурс, объясняют это такими причинами, как возможность осуществления коммуникации в раз-

личных модулях (на данном этапе устном и письменном), мультимедиальность (возможность задействовать при общении изображение, аудио- и видеосообщения), асинхронность, удаленность от собеседника и др. [2; 3; 4, с. 98]. По выражению А. А. Барковича, «возможно, главным подтверждением долгосрочной перспективности КОК [компьютерно-опосредованной коммуникации] является ее тотальный универсализм» [4, с. 98]. Структурированность и простота современных веб-страниц делают компьютерно-опосредованную коммуникацию доступной для многих групп интернет-пользователей, в связи с чем подавляющее число организаций разрабатывают собственные сайты, которые рассматриваются как перспективный источник прибыли, а общение в мессенджерах и соц-сетях становится обыденной деятельностью в XXI веке.

Однако свобода общения в интернет-пространстве имеет и негативные стороны, поскольку может способствовать распространению враждебности и нетерпимости по отношению к определенным социальным группам. Также на это влияет удаленность адресата от адресанта, отсутствие модерации публикуемых сообщений, безнаказанность за нарушение регламента. Одной из социальных групп, по отношению к которой может осуществляться вербализация враждебности, являются богатые люди.

В нашем исследовании мы рассматриваем видеоролики, опубликованные в 2022 году на хостинге YouTube, и комментарии к ним в качестве фактического материала. Видеоролики и семантически связанные с ними комментарии мы рассматриваем как гипертекст вследствие их взаимосвязи, обусловленной в том числе структурой видеохостинга. Отбирались видеоматериалы по принципу наличия ключевой лексики *богатый* и *богатство* на соответствующих языках. В результате были отобраны 152 видеоролика с ключевой лексемой *rich* в заголовке, 166 – с лексемой *wealth* в заголовке (на английском языке), 29 видеороликов с ключевой лексемой *reich* в заголовке, 176 – с лексемой *Reichtum* в заголовке (на немецком языке).

Частью нашего исследования является тематическая классификация видеоматериалов и установление степени востребованности той или иной тематической подгруппы среди англо- и немецкоговорящих интернет-пользователей. Определение степени востребованности подобным образом осуществляется в работах Е. Н. Василенко на примере социальных групп женщин и иностранцев [5, с. 116–119], а также в наших работах [6; 7; 8].

Несмотря на принадлежность к более общей тематике богатства, отобранные видеоматериалы раскрывают различную специфику данного

понятия. В попытке систематизировать данные ролики по тематической принадлежности, иначе говоря, отнести тот или иной видеоматериал к определенной тематической подгруппе, в рамках данного исследования нами предложена следующая классификация.

1. Богатство как ценность

1. Богатство как материальная ценность, как обилие материальных ценностей, денег. В видеоматериалах, относящихся к данной подгруппе, раскрываются общие вопросы, касающиеся богатства. Идеи, представленные в видеоролике, как правило, характеризуются большой степенью абстрактности, т. е. неотнесенности к определенному лицу либо предмету.

2. Богатство как нематериальная ценность. В качестве ценности могут выступать здоровье, дети, возраст и т.д., при этом происходит переосмысление понятия богатства.

2. Богатство как собственность

1. Национальное богатство (богатство определенной страны). Данные видеоматериалы раскрывают богатство в связи с принадлежностью каких-либо ресурсов определенному государству. Как правило, подобная подтема может быть вербализована посредством названия государства или региона, либо словосочетания *национальное богатство, богатство нации*.

2. Богатство конкретного человека, организации, семьи. Видеоматериалы данной подгруппы дают детальную информацию о имуществе, количестве денег, образе жизни конкретного человека либо иные сведения с учетом материального положения человека.

3. Увеличение богатства

1. Практики для привлечения богатства, аффирмации, молитвы, а также видеоматериалы на тему зодиака и карт Таро. Видеоматериалы данной подгруппы посвящены различным практикам, которые могут помочь людям в увеличении своих материальных благ. Ролики, затрагивающие тему зодиака и карт Таро, несмотря на наличие какой-либо информации о финансах, направлены исключительно на создание мотивации, но не включают в себе некоего ритуала для привлечения материальных благ.

2. Профессиональные и любительские советы по увеличению богатства. Создатели видеороликов, относящихся к данной подгруппе, представляют свое видение увеличения богатства и делятся советами с аудиторией.

3. Увеличение богатства и управление финансовыми средствами при помощи компьютерных программ и приложений (в т. ч. банковских). Видеоматериалы этой подгруппы содержат информацию либо рекламу

какого-либо приложения, созданного для контроля над денежными средствами, а также описание компьютерных программ, связанных с тематикой богатства. Наблюдается в англоязычных и немецкоязычных сегментах видеохостинга.

4. Приобретение богатства посредством лотерей. Данные видеоролики отражают участие в лотереях и иных играх, связанных с финансами, а также ход таких игр. В англо- и немецкоязычном сегментах видеохостинга данная подтема не представлена, однако ее выделение имеет смысл в рамках целого исследования.

4. Богатство в контексте разных видов деятельности.

1. Богатство в контексте компьютерных игр, любительских инсценировок и текстов, мультфильмов, обзоров и др. Данные видеоматериалы рассчитаны в большей степени на возрастные группы детей, подростков, молодежи. Содержание видеоматериалов, как правило, развлекательное.

2. Богатство как элемент рекламного ролика, книги, фильма, музыкального клипа. Содержание видеороликов ориентировано на взрослых людей и отличается большей степенью серьезности.

3. Богатство в контексте образовательного процесса. В данных видеороликах раскрывается тема богатства в рамках некоего урока, спланированного в рамках образовательного процесса.

4. Богатство в контексте словотворчества. В данных видеороликах отмечается большая степень цитирования. Афоризмы, цитаты, притчи, сказки о богатстве и др. могут присутствовать в видеоролике и сопровождаться либо не сопровождаться каким-либо комментарием автора видео.

5. Богатство в религиозном контексте. В данных видеоматериалах может цитироваться и/или толковаться религиозный текст, слова важной в рамках той или иной религии личности.

6. Богатство в контексте политической, социальной или экологической ситуации. В роликах, относящихся к данной подгруппе, раскрывается какая-либо ситуация, связанная с богатством и обусловленная некими факторами политической или социальной жизни.

В ходе анализа видеоматериалов, отобранных в качестве источников фактического материала, были обнаружены особенности их тематики, а также количественные характеристики пользовательских реакций к видеоматериалам соответствующей подгруппы, наглядно представленные в табл. 1, 2, 3 и 4. В редких случаях, когда ролик мог быть отнесен к нескольким группам, он был засчитан в количественных данных для обеих тематических групп.

Таблица 1

Специфика тематической принадлежности англоязычных видеоматериалов (лексема *rich*) и пользовательских реакций к ним

Тематическая группа	Тематическая подгруппа	Видеоматериалы с ключевой лексемой <i>rich</i>		
		Кол-во роликов	Среднее кол-во лайков	Среднее кол-во комментариев
1	1. Богатство как материальная ценность	1	40 000	7 703
	2. Богатство как нематериальная ценность	1	8 800	509
2	1. Национальное богатство	0	0	0
	2. Богатство конкретного субъекта	4	41 900	1 676,5
3	1. Практики для привлечения богатства	0	0	0
	2. Профессиональные и любительские советы	5	42 000	4 700,6
	3. Программы и приложения	0	0	0
	4. Лотереи	0	0	0
4	1. Богатство в контексте игр, инсценировок	88	91 697,7	1 332,2
	2. Богатство как элемент фильма, музыкального клипа, рекламы	43	57 853,2	1 958,5
	3. Богатство в контексте образовательного процесса	0	0	0
	4. Богатство в контексте словотворчества	0	0	0
	5. Богатство в религиозном контексте	0	0	0
	6. Богатство в контексте политической, социальной, экологической ситуации	10	71 700	7 565

Для удобства восприятия более высокие количественные показатели были выделены полужирным шрифтом.

Таблица 2

Специфика тематической принадлежности англоязычных видеоматериалов (лексема *wealth*) и пользовательских реакций к ним

Тематическая группа	Тематическая подгруппа	Видеоматериалы с ключевой лексемой <i>wealth</i>		
		Кол-во роликов	Среднее кол-во лайков	Среднее кол-во комментариев
1	1. Богатство как обилие материальных ценностей	9	5 353,3	80,89
	2. Богатство как нематериальная ценность	3	7 205	169
2	1. Национальное богатство	1	59	30
	2. Богатство конкретного субъекта	16	32 858,8	907
3	1. Практики для привлечения богатства	42	13 431,9	759,3
	2. Профессиональные и любительские советы	51	18 930,6	790,6
	3. Программы и приложения	14	42,21	6
	4. Лотереи	0	0	0
4	1. Богатство в контексте игр, инсценировок	2	371 508	1 351,5
	2. Богатство как элемент фильма, музыки, рекламы	12	19 138,3	237,58
	3. Богатство в контексте образовательного процесса	2	1 550	88
	4. Богатство в контексте словотворчества	2	48 000	307
	5. Богатство в религиозном контексте	3	30	10
	6. Богатство в контексте политической, социальной, экологической ситуации	12	23 735,2	2 395,8

В видеоматериалах на английском языке наиболее частотным является освещение подтем 4.1 – *Игры, любительские инсценировки и тексты, мультфильмы и обзоры, раскрывающие тематику богатства*, 4.2 – *Фильмы, книги, музыкальные клипы, рекламные ролики, раскрывающие тематику богатства* и 4.6 – *Богатство в контексте политической, социальной, экологической ситуации* (в роликах с ключевой лексемой *rich*), а также подтем 3.1 – *Практики для привлечения богатства, аффирмации, молитвы*

и 3.2 – *Профессиональные и любительские советы по увеличению богатства* (в роликах с ключевой лексемой *wealth*). Несмотря на небольшое количество видеороликов в целом, число пользовательских реакций к ним достаточно высоко, в отдельных случаях достигая десятков тысяч лайков и тысяч комментариев к одному видеоролику в среднем. В англоязычном сегменте видеохостинга зафиксировано 14 роликов, раскрывающих подтему 3.3 – *Программы и приложения*, мало представленную на материале других языков.

Таблица 3

Специфика тематической принадлежности немецкоязычных видеоматериалов (лексема *reich*) и пользовательских реакций к ним

Тематическая группа	Тематическая подгруппа	Видеоматериалы с ключевой лексемой <i>reich</i>		
		Кол-во роликов	Среднее кол-во лайков	Среднее кол-во комментариев
1	1. Богатство как материальная ценность	3	9 200	1 540
	2. Богатство как нематериальная ценность	0	0	0
2	1. Национальное богатство	0	0	0
	2. Богатство конкретного субъекта	1	2	0
3	1. Практики для привлечения богатства	0	0	0
	2. Профессиональные и любительские советы	3	8 566,7	994
	3. Программы и приложения	2	28 500	729,5
	4. Лотереи	0	0	0
4	1. Богатство в контексте игр, инсценировок	10	32 805,3	192,2
	2. Богатство как элемент фильма, музыки, рекламы	4	1 149,8	86,5
	3. Богатство в контексте образовательного процесса	0	0	0
	4. Богатство в контексте словотворчества	0	0	0
	5. Богатство в религиозном контексте	0	0	0
	6. Богатство в контексте политической, социальной, экологической ситуации	6	8 116,7	1 591,3

Несмотря на то, что видеоматериалов с ключевой лексемой *reich* в заданных дискурсивных условиях было зафиксировано меньше, чем видеоматериалов с лексемой *Reichtum* в заголовке, среднее количество пользовательских реакций в определенных тематических подгруппах видеороликов с лексемой *reich* демонстрирует их высокую востребованность.

Таблица 4

Специфика тематической принадлежности немецкоязычных видеоматериалов (лексема *Reichtum*) и пользовательских реакций к ним

Тематическая группа	Тематическая подгруппа	Видеоматериалы с ключевой лексемой <i>Reichtum</i>		
		Кол-во роликов	Среднее кол-во лайков	Среднее кол-во комментариев
1	1. Богатство как материальная ценность	7	287	25,3
	2. Богатство как нематериальная ценность	9	28,9	4,8
2	1. Национальное богатство	0	0	0
	2. Богатство конкретного субъекта	3	1 601,7	189,7
3	1. Практики для привлечения богатства	67	108,3	5,8
	2. Профессиональные и любительские советы	28	154	12,1
	3. Программы и приложения	2	239	45,5
	4. Лотереи	0	0	0
4	1. Богатство в контексте игр, инсценировок	33	2 863,4	6,4
	2. Богатство как элемент фильма, музыки, рекламы	10	18,9	4,7
	3. Богатство в контексте образовательного процесса	0	0	0
	4. Богатство в контексте словотворчества	3	246,7	15
	5. Богатство в религиозном контексте	6	4,7	0,2
	6. Богатство в контексте политической, социальной, экологической ситуации	9	43,1	10,7

Несмотря на малое количество видеороликов с ключевой лексемой *reich* в заголовке, среди них выделяются материалы, относящиеся к тематическим подгруппам 4.1 – *Игры, любительские инсценировки и тексты, мультфильмы и обзоры, раскрывающие тематику богатства* и 4.6 – *Богатство в контексте политической, социальной, экологической ситуации*, при этом количество пользовательских откликов составляет 32 805,3 лайков и 192,2 комментария для роликов подгруппы 4.1 и 8 116,7 лайков и 1 591,3 комментариев – для роликов подгруппы 4.6. Что касается видеоматериалов с ключевой лексемой *Reichtum* в заголовке, то здесь наблюдается большее разнообразие тем, из которых наиболее релевантными для участников дискурсивного сообщества являются ролики подгрупп 3.1 – *Практики для привлечения богатства, аффирмации, молитвы*, 4.1 – *Игры, любительские инсценировки и тексты, мультфильмы и обзоры, раскрывающие тематику богатства* и 3.2 – *Профессиональные и любительские советы по увеличению богатства*. Как и в видеоматериалах на английском языке, на немецком языке представлено достаточно большое количество видео, содержащих преимущественно развлекательный контент, раскрывающий подтему 4.1.

Таким образом, в видеоматериалах на английском и немецком языках, опубликованных на видеохостинге YouTube в 2022 году, актуализация концепта «богатство» осуществляется соответствующим образом. В видеоматериалах, содержащих в заголовке прилагательное-маркер, обозначающее характеристику представителя социальной группы (*rich* либо *reich*), наиболее высокой актуальностью отличаются ролики, раскрывающие подтему 4.1 – *Игры, любительские инсценировки и тексты, мультфильмы и обзоры, раскрывающие тематику богатства*. В англоязычных видеоматериалах интересом интернет-пользователей также была отмечена подтема 4.2 – *Фильмы, книги, музыкальные клипы, рекламные ролики, раскрывающие тематику богатства*, а в немецкоязычных – подтема 4.6 – *Богатство в контексте политической, социальной, экологической ситуации*.

Что касается видеоматериалов, в заголовке которых имеется существительное-маркер (*wealth* либо *Reichtum*), то среди них наиболее востребованными у интернет-пользователей стали ролики, раскрывающие подтемы 3.1 – *Практики для привлечения богатства, аффирмации, молитвы* и 3.2 – *Профессиональные и любительские советы по увеличению богатства*. В немецкоязычном сегменте видеохостинга среди пользователей также востребованы ролики с подтемой 4.1 – *Игры, любительские инсценировки и тексты, мультфильмы и обзоры, раскрывающие тематику богатства*.

В качестве специфических черт можем отметить то, что в заданных дискурсивных условиях мало представлены либо не представлены видеоролики, раскрывающие подтемы 2.1 – *Национальное богатство*, 3.4 – *Лотереи*, 4.3 – *Богатство в контексте образовательного процесса*, 4.5 – *Богатство в религиозном контексте*. На материале и английского, и немецкого языков большое количество пользовательских реакций вызывают видеоролики (даже если их абсолютное количество мало), раскрывающие подтемы 2.2 – *Богатство конкретного человека, организации, семьи* и 4.6 – *Богатство в контексте политической, социальной, экологической ситуации*. Тематическое разнообразие в большей степени свойственно видеоматериалам, содержащим в заголовке существительное-маркер. Данные результаты важны при сопоставительном анализе востребованности видеоматериалов подобной тематической направленности в ряде языков. Методика анализа пользовательских реакций является продуктивной при изучении вербализации враждебности по отношению к социальной группе богатых людей с учетом тематического разнообразия фактического материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карпоян, С. М.* Эпистемические речевые акты в интернет-комментарии / С. М. Карпоян // Вестн. МГОУ. – 2011. – № 5. – С. 38–43.
2. *Щипицина, Л. Ю.* Жанровый статус сетевого комментария / Л. Ю. Щипицина // Вестн. Башкир. ун-та. – 2015. – Т. 20, № 2. – С. 528–532.
3. *Василенко, Е. Н.* Комментарий в жанровом пространстве интернет-дискурса / Е. Н. Василенко // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. – Сер. 1, Филология. – 2019. – № 3 (100). – С. 20–27.
4. *Баркович, А. А.* Компьютерно-опосредованная коммуникация: феноменологический аспект / А. А. Баркович // Вестн. Удмурт. ун-та. – 2015. – Т. 25, вып. 3. – С. 97–101.
5. *Василенко, Е. Н.* Конфликт ценностей в интернет-коммуникации: когнитивный и прагмалингвистический аспекты / Е. Н. Василенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – 236 с.
6. *Палагина, А. Н.* Вербализация гендерно обусловленной враждебности в интернет-коммуникации (на примере пяти лингвокультур) / А. Н. Палагина // Молодая наука – 2022 : материалы регион. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов вузов Могилев. обл., Могилев, 21 апр. 2022 г. / Могилев. гос. ун-т ; под ред. О. А. Лавшук, Н. В. Маковской. – Могилев, 2022. – С. 83.

7. *Палагина, А. Н.* Гендерно обусловленный язык вражды: определение актуальности тематики исследования (на материале интернет-дискурса Польши) / А. Н. Палагина // Молодая наука – 2021 : материалы регион. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов вузов Могилевской обл., Могилев, 22 апр. 2021 г. / Могилев. гос. ун-т ; под ред. О. А. Лавшук, Н. В. Маковской. – Могилев, 2021. – С. 86.
8. *Палагина, А. Н.* К вопросу о дискредитации в гендерно обусловленном интолерантном дискурсе / А. Н. Палагина // Идеи. Поиски. Решения : сб. ст. и тез. XV Междунар. науч.-практ. конф. препод., аспирантов, магистрантов, студентов : в 6 т., Минск, 23 нояб. 2021 г. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – Т. VI. – С. 53–56. – URL : <https://elib.bsu.by/handle/123456789/273646> (дата обращения: 14.03.2022).

Поступила в редакцию 28.05.2024

Сивченко Дмитрий Васильевич
магистр педагогических наук,
аспирант кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Dmitry Sivchenko
Magister of Pedagogy,
PhD Student of the department
of Speechology and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
applepickingbeam@disroot.org

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛЕНГОВЫХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

LEXICAL AND SEMANTIC ASPECTS OF MODERN ENGLISH SLANG

В статье рассматриваются лексико-семантические характеристики современных единиц англоязычного сленга. Разработана и представлена категоризация сленговых единиц по тематическим категориям, на основе анализа которой сделаны выводы о тенденциях развития современного сленга.

Ключевые слова: *современный сленг; общий сленг; специальный сленг; тематическая категория; онлайн-словари.*

The article provides an overview of lexical and semantic aspects of modern slang used in English-speaking countries. Presenting the system of thematic categories, the article aims to draw conclusions concerning the evolving nature of modern English slang.

Key words: *modern slang; common slang; special slang; thematic category; online dictionary.*

В современном коммуникативном пространстве сленг является динамичным языковым феноменом, которому свойственен ярко выраженный лингвопрагматический потенциал и экспрессия окраски вокабуляра. Самые различные аспекты английского сленга в деталях рассматривались как зарубежными, так и отечественными лингвистами. В числе данных аспектов можно выделить следующие: особенности формирования и функционирования единиц английского сленга (Е. Partridge, S. Spears, А. В. Гусякова, Е. Е. Матюшко, Н. В. Семенова, В. А. Хомяков); семантические особенности (D. Davidson, R. Quirk, B. Warren, А. Н. Колесниченко, А. В. Малинка, А. Н. Шевелева), стилистические особенности (И. В. Арнольд, И. Р. Гальперин, Я. О. Губачек, А. Т. Липатов, В. З. Санников), взаимодействие ненормированной лексики и литературного языка (В. В. Виноградов, Ю. П. Ермоленко, М. А. Осадчий, Н. А. Слюсарева), история становления сленга (Е. Hermann, O. Ritter, J. Hotten, А. А. Арустамова, М. А. Грачев) и многие другие.

Несмотря на большое количество опубликованных на тему сленга трудов, фундаментальный вопрос о сущности сленга не решен окончательно, и консенсус в вопросе непосредственно определения сленга в среде исследователей отсутствует.

Среди российских лингвистов большой вклад в разработку проблем сленга внес В. А. Хомяков. По его мнению, сленг – это «особый периферийный лексический пласт, лежащий как вне пределов литературной разговорной речи, так и вне границ диалектов общенационального английского языка, включающий в себя, с одной стороны, слой специфической лексики и фразеологии профессиональных говоров, социальных жаргонов и аргос преступного мира, и, с другой, слой широко распространенной и общепонятной эмоционально-экспрессивной лексики и фразеологии нелитературной речи» [1, с. 43–44].

Обращая внимание на отличительные черты сленга, С. Б. Флекснер делает акцент на органичности процесса пополнения словаря сленга: «Живой вокабуляр не способен оставаться в статичном положении. Большинство сленговых единиц и контекстов их использования появляются достаточно естественно, являясь результатом тех или иных жизненных ситуаций. Новые объекты, идеи или происшествия, например, требуют создания новых единиц с целью их описания. И каждое поколение, судя по всему, испытывает необходимость изобретать новые слова с целью описания старых и всем известных вещей» [2, р. 6].

Исследователь Т. Торн, автор словаря «The Contemporary Dictionary of Slang», оценивает сленг с точки зрения стилистики как «язык, осознанно используемый на фоне его откровенной неформальной природы, целенаправленно противопоставленный “правильной” речи» [3, с. 9].

Ученый Э. Партридж, в свою очередь, также отмечал преимущественно устный характер сленга: «Сленг, являясь воплощением разговорной речи, всегда ставит удобство использования выше научных норм, грамматических правил и философских идеалов. Откуда сленг и берет свои корни, там и процветает – в разговорной речи» [4, р. 4].

Лингвист И. В. Арнольд определяет сленг как «генетически весьма неоднородный слой лексики и фразеологии, имеющий ярко выраженный эмоциональный, оценочный и экспрессивный характер, бытующий в разговорной речи и находящийся вне пределов литературной нормы» [5, с. 39].

Особого внимания заслуживает деление сленга на общий (general slang) и специальный (special slang). В. А. Хомяков предлагает следующее определение общего сленга: «Общий сленг – это относительно устойчивая

для определенного периода, широко распространенная и общепонятная социальная речевая микросистема в просторечии, весьма неоднородная по своему генетическому составу и степени приближения к фамильярно-разговорной речи, с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной коннотацией вокабуляра, представляющей часто насмешку над социальными, этическими, эстетическими, языковыми и другими условностями и авторитетами» [6, с. 34]. Специальный сленг определяется как «социальная речевая микросистема в просторечии, включающая в себя кент и некоторые близкие к нему образования (рифмованный сленг и др.), профессиональные и корпоративные (групповые) жаргоны и отличающаяся генетически и функционально от общего сленга» [Там же, с. 35].

Исследователь Л. С. Бурдин в статье «О соотношении общего и специального сленга в современном английском языке» пишет о том, что термин *сленг* выражает родовое понятие, «видовыми понятиями которого являются в основном слова и выражения определенных социальных групп. Общий сленг соотносится со специальным сленгом не на уровне их полного включения в “родовое понятие”, а на уровне пересечения, то есть частичного включения» [7, с. 53].

Таким образом, опираясь на общие тенденции, которые выделяются большинством лингвистов, *сленг* можно понимать как социальную разновидность языка, употребляемую относительно ограниченным числом людей и отличающуюся по своему строю (фонетике, грамматике, лексемному составу и семантике) от языкового стандарта. В данном контексте языковой стандарт – это образцовый, стандартизованный язык, нормы которого считаются «правильными» и общеобязательными и который противопоставляется диалектам и просторечию.

Целью данного исследования является категоризация единиц современного английского сленга по лексико-семантическим характеристикам. На наш взгляд, наибольший интерес в этом вопросе представляет категоризация по тематическим категориям относительно сферы происхождения единиц современного сленга. В рамках исследования в целом рассматриваются сленговые единицы, вошедшие в оборот в промежуток 2010–2022 г. по результатам, зафиксированным в рамках онлайн-словаря *Green's Dictionary of Slang* в 2022 г. Актуальность подобного исследования, в свою очередь, обусловлена отсутствием актуальных данных по теме, источником которых являлись бы современные онлайн-ресурсы.

Словарь *Green's Dictionary of Slang* [8] за авторством Дж. Грина изначально являлся многотомным печатным источником, включающим в себя более 125 тысяч лексических единиц английского сленга. Дж. Грин,

автор большого количества работ на тему английского сленга, в первую очередь известен как лексикограф и автор таких трудов, как *Newspeak: A Dictionary of Jargon* (1983), *The Dictionary of Contemporary Slang* (1984), *Cassell Dictionary of Slang* (1998) и *Talking Dirty: A Slang Phrasebook* (2003). Первое издание *Greene's Dictionary of Slang* увидело свет в 2010 г, и, согласно изначальной установке автора, словарь полностью перешел в статус постоянно обновляемого онлайн-источника в 2016 г.

Онлайн-словари обладают двумя основными преимуществами. В первую очередь, их возможно легко обновлять, что позволяет подобному ресурсу находиться в постоянном динамическом состоянии, в отличие от традиционных печатных и электронных словарей. Вторым объективным преимуществом является доступность онлайн-словарей, обусловленная только возможностью выхода в Интернет.

Основным отличием электронных словарей в целом и современных словарей сленга в частности является наличие нескольких доступных макроструктур. Печатное издание ограничено единственным потенциальным вариантом входа, вынуждая пользователя взаимодействовать с алгоритмом, заложенным составителями словаря. Макроструктура традиционного словаря является жестко встроенной, тем самым полностью определяя способ его последующего использования. Электронные словари лишены подобного недостатка, снимая своим вариантом презентации противоречие между физическими ограничениями бумажных носителей и потенциальными потребностями пользователя. Онлайн-словари не привязаны к конкретному носителю, что позволяет использование нескольких макроструктур в рамках одного словаря. Данные факторы являются основной причиной выбора онлайн-источников как базиса данного исследования.

Общее количество рассматриваемых единиц составляет 708 наименований. В процессе категоризации обозначенного корпуса единиц по лексико-семантическим характеристикам было выделено 12 тематических групп:

1. «Характеристика свойств личности и эмоционального состояния человека» (158 единиц);
2. «Характеристика поведения и действий человека» (104 единицы);
3. «Криминальный мир и охрана правопорядка» (100 единиц);
4. «Вредные привычки» (91 единица);
5. «Характеристика внешности человека» (55 единиц);
6. «Деньги» (28 единиц);
7. «Оскорбления» (21 единица);

8. «Предметы гардероба» (16 единиц);
9. «Населенные пункты» (15 единиц);
10. «Еда» (11 единиц);
11. «Транспортные средства» (10 единиц);
12. «Прочее» (103 единицы).

Рассмотрим каждую категорию на более детальном уровне.

Самой широко представленной в современном англоязычном сленге является категория «Характеристика свойств личности и эмоционального состояния человека». В данную категорию вошли единицы, имеющие отношение как к перманентным качествам личности, так и к временным состояниям эмоционального характера. Помимо этого, в данную категорию показалось целесообразным включить единицы, используемые для характеристики сексуальной ориентации человека. Примерами являются такие единицы, как: *beg* 'a needy individual'; *chore* 'a fool' (глупец); *derp* 'incompetent' (некомпетентный, нелепый человек); *girlf* 'a girlfriend' (девушка, подруга); *hangry* 'hungry and angry' (одновременно голодный и злой); *ledgebag* 'an outstanding individual' (исключительная личность); *poor* 'depressed, unhappy' (грустный, несчастный); *quincy* 'a homosexual man from the East Coast of the US' (мужчина нетрадиционной сексуальной ориентации, проживающий в регионе восточного побережья США).

Примерами сленговых единиц, включенных в категорию «Характеристика поведения и действий человека» являются такие единицы, как *to air* 'to snub, to ignore messages' (игнорировать сообщения кого-либо); *to derf* 'to act foolishly, to look stupid' (выглядеть / вести себя глупо); *to nope out* 'to reject' (отказаться от чего-либо); *packed lunch* 'a punch' (удар); *to ship* 'to urge someone towards a relationship' (подтолкнуть кого-либо к вступлению в романтические отношения); *wristy* 'an act of masturbation' (акт мастурбации).

Категория «Криминальный мир и охрана правопорядка» является самой преобладающей категорией специализированного сленга и охватывает широкий спектр единиц – от непосредственно криминальной терминологии и сленга организованных преступных группировок до тюремного и даже полицейского сленга. Особо широко представлены единицы, имеющие отношение к незаконному обороту наркотиков. Примерами единиц этой категории являются: *bag* 'a group, a gang'; *blam* 'a shotgun' (гладкоствольное ружье); *to cuckoo* 'to travel to another city with the explicit purpose of selling drugs' (посещать другой город с целью торговли наркотиками); *featherwood* 'a female member of a gang' (член криминальной группировки женского пола); *to hem up* 'to imprison' (посадить в тюрьму); *jakes* 'a police officer' (полицейский).

В категорию «Вредные привычки» вошли сленговые единицы, имеющие отношение к наименованию и потреблению различных психоактивных веществ, в том числе алкоголя и никотина. Стоит отметить, что в данную категорию включены исключительно единицы общего характера, имеющие отношение к потреблению наркотиков и алкоголя, в то время как единицы, описывающие нюансы незаконного оборота наркотиков, были причислены к категории «Криминальный мир и охрана правопорядка». Примеры единиц данной категории: *to bake off* 'to prepare crack cocaine' (приготовить крэк); *clear* 'illicitly distilled liquor' (нелегально дистиллированный алкоголь); *cross-buzzing* 'experiencing the effects of excessive consumption of a combination of drink and drugs' (находится под одновременным влиянием больших количеств наркотических средств и алкоголя); *nitty* 'a drug user' (наркоман); *sha-sha* 'champagne' (шампанское); *warhead* 'a cigarette that mixes tobacco and a given drug' (сигарета, содержащая смесь никотина и того или иного психоактивного средства).

Категория «Характеристика внешности человека» включает в себя как единицы, непосредственно описывающие детали внешности, так и наименования различных частей тела. Помимо этого, в данную категорию вошли единицы, служащие для поверхностного описания национальной принадлежности человека. Единицы подобного характера с ярко выраженной негативной коннотацией были определены в категорию «Оскорбления». Примерами единиц категории «Характеристика внешности человека» являются: *beamer* 'an eye, a gaze' (глаз, взгляд); *flames* 'unattractive' (некрасивый); *Manuel* 'a Mexican male' (мужчина латиноамериканского происхождения); *nightclub tan* 'a pallid complexion due to a lack of sunshine' (излишняя бледность на фоне недостатка солнечного света); *scrum* 'an attractive female' (привлекательная девушка); *wigwam* 'the head' (голова).

Категория «Деньги» включает в себя преимущественно единицы, используемые для наименования различных банкнот, находящихся в обороте в англоязычных странах. В то же время в эту категорию были отнесены и единицы, описывающие те или иные финансовые операции и манипуляции. Примеры единиц данной категории: *bands* 'large sums of money' (большое количество денег); *bring-in* 'a share' (доля); *Chris McKenna* 'a AUD \$10 note' (банкнота номиналом в 10 австралийских долларов); *to double-dip* 'to obtain a double profit for a single investment' (получить двойную прибыль в результате однократной инвестиции); *peas* 'money' (деньги).

Категория «Оскорбления» представлена такими единицами, как: *chogie* 'derogatory term for a Chinese person' (уничижительное наименование лица

китайского происхождения); *dinter* 'an insult, used of males' (оскорбление, используемое в отношении мужчин); *hajji* 'derogatory term for an Iraqi' (уничижительное наименование лица иракского происхождения); *slore* 'a derogatory term for a sexually active woman' (оскорбление в адрес ведущей активную половую жизнь женщины).

В категорию «Предметы гардероба» были включены единицы, используемые для наименования предметов одежды, а также различных аксессуаров: *back wheels* 'the heels' (обувь с высоким каблуком); *blice* 'jewelry and similar accessories' (ювелирные и прочие украшения и аксессуары); *designer* 'an item of designer clothing' (дизайнерский предмет гардероба); *Roley* 'a Rolex watch' (часы производства Rolex).

Категория «Населенные пункты» содержит единицы, используемые для наименования городов, районов и отдельных строений, вошедшие в обиход в период с 2010 по 2022 год: *the Big Sleazy* 'New Orleans, LA' (Новый Орлеан); *the Brix* 'Brixton, south London' (Брикстон, юг Лондона); *cunch* 'the country' (сельская местность); *K-town* 'the Korean area of a city' (корейский район того или иного города).

Примеры единиц, принадлежащих к категории «Еда»: *bag of mystery* 'a meat pie' (мясной пирог); *battery acid* 'a bottle of soda' (газированный напиток); *mozz* 'mozzarella cheese' (сыр моцарелла); *oats* 'porridge' (овсяная каша).

Категория «Транспортные средства» преимущественно включает в себя наименования различных типов автомобилей и автомобильных марок, например: *lead barge* 'a large old, thus by definition slow automobile' (старый, медленный автомобиль); *Cuda* 'a Plymouth Barracuda automobile' (автомобиль Plymouth Barracuda); *G-wagon* 'a Mercedes G-class sport utility vehicle' (Спортивный внедорожник G-класса производства Mercedes).

Категория «Прочее» содержит большое количество единиц, не представленных в должном объеме для формирования отдельной тематической категории. В данной группе можно найти единицы, принадлежащие как к общему (*lappy* 'a laptop computer' (ноутбук); *next* 'new, exciting' (новый, захватывающий); *TP* 'toilet paper' (туалетная бумага)), так и к специализированному сленгу (*Inky* 'the Philadelphia Inquirer newspaper' (газета The Philadelphia Inquirer); *section* 'one's neighbourhood or group of associates' (родной район или коллектив); *stu* 'a recording studio' (студия звукозаписи)).

Руководствуясь данными результатами, можно отметить, что самой распространенной категорией общего англоязычного сленга в период с 2010 по 2022 годы является категория «Характеристика свойств личности и эмоционального состояния человека». С учетом того факта, что второй

самой распространенной категорией выступает «Характеристика поведения и действий человека», представляется целесообразным сделать вывод о ярко выраженном антропоцентрическом характере современного англоязычного сленга. В то же время самой распространенной категорией специального сленга является категория «Криминальный мир и охрана правопорядка», за которой следует категория «Вредные привычки». Подобные категории всегда были превалентны в сленговой лексике, поскольку исторически сленг зачастую использовался деклассированными элементами общества, которые также во многом отвечали за пополнение сленга в целом новыми единицами. На основе полученных в рамках данного исследования результатов целесообразным представляется сделать вывод о сохранении актуальности данной тенденции и на сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хомяков, В. А.* Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / В. А. Хомяков. – Л., 1980. – 49 с.
2. *Wentworth, H.* Dictionary of American Slang / H. Wentworth, S. B. Flexner. – New York : Crowell, 1960. – 766 p.
3. *Thorne, T.* The Dictionary of Contemporary Slang / T. Thorne. – New York : Pantheon Books, 1990. – 583 p.
4. *Partridge, E.* Slang today and yesterday / E. Partridge. – L. : Longmans, 1970. – 476 p.
5. *Арнольд, И. В.* Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – Л. : Просвещение, 1981. – 295 с.
6. *Хомяков, В. А.* Три лекции о сленге / В. А. Хомяков. – Вологда : ВГПИ, 1970. – 65 с.
7. *Бурдин, Л. С.* О соотношении общего и специального сленга в современном английском языке / Л. С. Бурдин // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Тезисы докладов межвузовской конференции. – Горький : ГТГПИИЯ, 1966. – С. 52–64.
8. Green's Dictionary of Slang [Electronic resource]. – Mode of access: <https://greensdictofslang.com>. – Date of access: 13.12.2023.

Поступила в редакцию 27.03.2024

Шуманская Ольга Анатольевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Olga Choumanskaya

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Specheology
and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
olga.shumanskaya@gmail.com

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «FOOD» («ПИЩА»)
В СОВРЕМЕННОМ БРИТАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ACTUALIZATION OF THE CONCEPT "FOOD"
IN MODERN BRITISH ENGLISH

Цель исследования состоит в выявлении и описании понятийной составляющей концепта «food» («пища») в современном британском английском языке. Материалом исследования послужили тексты из Национального британского корпуса. Были установлены компоненты значения концепта: пища как маркер социального неравенства, индикатор культурно-пространственной удаленности, источник удовольствия, источник здоровья, источник опасности и жизненная угроза. Были определены способы вербальной реализации перечисленных значений.

Ключевые слова: концепт «пища»; структура концепта; понятийный компонент; витальные потребности; вербальная репрезентация концепта.

The purpose of the study is to identify and describe the meaningful component of the concept "food" in modern British English. The research material was based on texts from the National British Corpus. The constituents of the concept's meaning were identified: food as a marker of social inequality, a source of health, a threat, a source of pleasure and an indicator of cultural-spacial distance. Methods of verbal representations of these meanings were determined.

Key words: concept "food"; concept structure; meaningful component; vital needs; verbal representation of the concept.

Потребление пищи, бесспорно, является базовой потребностью человека, обеспечивающей его жизнедеятельность. В силу витальности еда проникла в различные сферы жизни (труд и отдых, семейные и национальные праздники, религиозные ритуалы) и приобрела намного большее значение, чем «средство удовлетворения физиологической потребности». Она «превратилась в особый концентрат культурных смыслов, отождествляющих человека и общество в их взаимосвязи» [1]. Пища была и остается источником национальной гордости, выступает

индикатором социальной борьбы и неравенства. Как справедливо отмечает Е. В. Пожидаева, еда представляет собой «первую сферу возникновения и существования культурных ценностей» [2, с. 287].

На протяжении многих десятилетий концепт «пища» привлекает внимание ученых различных направлений [1; 3; 4; 5; 6; 7]. Интерес исследователей обусловлен социальными и научными факторами. Активное изучение гастрономического дискурса и ключевого для него понятия *пища* началось во второй половине XIX века и по времени появления связано с усилением национальных движений в европейских странах, повышением важности национальных культур и их элементов [8]. В настоящее время изучение рассматриваемого концепта подкрепляется трендами массовой культуры: возобновлением интереса к национальным и региональным кухням, в том числе как инструментам маркетинга в сфере общественного питания и при продвижении территорий. Исследователи определяют современную популярную культуру как «food-centric» (ориентированную на пищу и ее потребление) [9] и отмечают такие проявления этого культурного феномена, как кулинарные шоу, культ шеф-поваров, всплеск интереса к гастрономическим турам и фестивалям, рост количества кулинарных блогов, а также точек общественного питания.

Лингвисты подчеркивают, что исследование концепта «пища» затрагивает вопросы макролингвистической проблематики и находится в русле современных актуальных исследований, направленных на установление и изучение взаимосвязи языка и культуры, а также соотношения языка и коллективного/индивидуального опыта, познавательной и коммуникативной деятельности индивида и общности людей [3; 7]. Изучение данного концепта, как и других, активно проводится в рамках лингвокультурологического и лингвокогнитивного подходов.

Термин *концепт* определяется по-разному в зависимости от направления исследования [10]. Ю. С. Степанов определяет его как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», и посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [11, с. 43]. Н. Ю. Шведова дает концепту следующее определение: «это содержательная сторона словесного знака (значение – одно или некий комплекс ближайше связанных значений), за которой стоит понятие (т. е. идея, фиксирующая существенные “умопостигаемые” свойства реалий и явлений, а также отношения между ними), принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека, выработанное и закрепленное общественным опытом народа, имеющее в его жизни исторические

корни, социально и субъективно осмысляемое» [12]. Исследователи отмечают сложную структуру концепта, представляющего собой «совокупность языковых и неязыковых средств, иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание» [13].

«Пища», как и любой концепт, является сложным ментальным образованием. Вслед за В. И. Карасиком мы рассматриваем концепт как трехуровневую структуру, включающую понятийную, образную и ценностную составляющие [13]. В нем образная сторона – «это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти» [13, с. 143]. Понятийная сторона концепта включает его «языковую фиксацию, обозначение, описание, признаковую структуру и дефиницию» [Там же]. Ценностная отражает «важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива» [Там же]. Как утверждает В. И. Карасик, она является «определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить» [Там же].

Согласно Е. В. Пожидаевой, содержательный минимум концепта «пища» включает «то, что едят, употребляют в пищу (what is eaten): 1) названия естественных продуктов (растительных cabbage (капуста), onion (лук), lettuce (салат-латук) и животных eggs (яйца), meat (мясо), fish (рыба)); 2) наименования продуктов питания, созданных человеком (блюда, кушанья): soup (суп), porridge (каша, овсянка), stew (ragu)» [2, с. 290]. В качестве второстепенного значения исследователь рассматривает «значение слова “food” в переносном смысле, например, пища для ума, размышлений, разговоров, пересудов (food for thought)». И если ядро концепта содержит основные актуальные признаки и является неизменной постоянной составляющей, семантическим инвариантом, то дополнительные значения подвижны и подвержены влиянию социокультурных трансформаций, происходящие в обществе. Одним из способов, позволяющих проследить приращения новых смыслов к ядерному значению концепта, происходящие в течение разных исторических периодов, является обращение к историческим словарям. Анализ словарной статьи, посвященной слову *пища*, в историческом тезаурусе свидетельствует о резком увеличении дополнительных значений в XIX и XX веках, явно связанных с научным и техническим прогрессом. Приведем несколько примеров подобных понятий: *food chain* ‘пищевая цепочка’, *food aid* ‘продовольственная помощь’, *food poisoning* ‘пищевое отравление’, *food additive* ‘пищевая добавка’, *food allergy* ‘пищевая аллергия’, *food science* ‘наука о пище’ [14]. С изменением социального контекста некоторые

значения утратили актуальность, как слово *food stamp*, вошедшее в обиход в 1939 году и обозначающее 'продовольственный талон'. Не менее результативным способом изучения концептов является обращение к текстовому уровню и анализу того, каким образом они актуализируются в текстах разных видов и жанров. В устной или письменной речи изменения, происходящие в социокультурном пространстве и языке, бесспорно, фиксируются быстрее, чем в словарях.

В данной статье мы ограничимся изучением понятийного компонента концепта «пища», а именно выявлением его смыслов, актуализируемых в современной английской лингвокультуре, и их вербальной репрезентацией. Для этого в корпусе современного британского английского языка British National Corpus методом сплошной выборки было отобрано 400 контекстов использования существительного *food* 'пища', ядерного компонента анализируемого концепта. Британский национальный корпус состоит из текстов общей численностью 1 млн слов, содержащих образцы письменного и разговорного британского английского языка из широкого круга источников конца XX века. В выборе разножанрового и разнообразного (устного и письменного) современного материала и заключается новизна исследования. Концепт «пища» в английском языке выступал и ранее объектом лингвистических исследований, но практическим материалом служили тексты отдельных дискурсов (художественного, рекламного и радиодискурсов). Полагаем, что анализ объективации этого концепта в разнообразном и актуальном материале позволит выявить изменения, которые происходят если не в более глубоких пластах национальной культуры, то в социальной сфере, более подвижной и адаптивной к трансформациям, происходящим в экономической, технологической, политической и др. областях.

В 31 % проанализированных текстов актуализируется значение пищи как **маркера социального неравенства**. Доступ к пище, ее достаточное количество и высокое качество до сих пор обеспечиваются социальным статусом, отсутствием вооруженных конфликтов, экономическим развитием отдельных территорий: *High standards of food, sports facilities and entertainments. A superb choice for the discerning holidaymaker* 'Высокие стандарты еды, спортивных объектов и развлечений. Превосходный выбор для требовательных отдыхающих'.

Восприятие пищи, естественно, обладает оценочной маркированностью, так как «человек аксиологически маркирует объекты внешнего мира, входящие в круг его вращения» [15, с. 84]. Так, отношение к пище, доступной высшему или среднему социальному классу, эксплицируется

в текстах при помощи оценочных прилагательных *delicious* 'вкусная', *good* 'хорошая', *excellent* 'отличная', *fantastic* 'фантастическая', *upmarket* 'престижная, высококачественная'. Еда включается в ряд таких атрибутов достатка и роскоши, как курорты и спортивные центры или, как в следующем примере, мода и предметы домашнего интерьера: *Reductions in food, fashion and home furnishings are on the cards this autumn* 'Сокращения (расходов) на пищу, моду и предметы интерьера, скорее всего, произойдут следующей осенью'. Очевидно, что в этом примере речь идет не о базовой потребности удовлетворения голода, а о возможности баловать себя изысками, доступными не каждому. Высокий социальный статус предоставляет его владельцу доступ к пище как ресурсу и дает возможность распределять его: *Actress Louise Lombard shows such compassion by helping to serve food to London's down-and-outs* 'Актриса Луиза Ломбард проявляет такое сострадание, помогая доставлять еду лондонским беднякам'.

Низкий социальный статус, соответственно, ассоциируется с плохим качеством пищи и ее нехваткой. Неравное распределение пищи как ресурса в обществе, естественно, воспринимается негативно: *No hot food – the hospital patients were given a cold lunch yesterday because the cooks were too busy preparing a hot one for the royal visit... It is outrageous. If anyone had to have a cold meal, it should have been bigwigs* 'Никакой горячей еды – пациентам больницы вчера дали холодный обед, потому что повара были слишком заняты приготовлением горячего к королевскому визиту... Это возмутительно. Если кому-то и требовалась холодная еда, то это должны были быть важные шишки'. Негативная оценка адресантом несправедливой ситуации эксплицируется в тексте через лексику *outrageous* 'возмутительно' и пренебрежительного наименования людей высокого статуса *bigwigs* 'важные шишки, толстосумы'. Примечательно, что еда из супермаркета выступает символом банкротства: *Friends of stony-broke Sir Charles Wolseley, 48, are giving him bags of supermarket food* 'Друзья разорившегося 48-летнего сэра Чарльза Уолсли приносят ему пакеты с едой из супермаркета'. Чем ниже социальное положение, тем сложнее обездоленным получить доступ к пище как ресурсу: *A starving girl breaks down in tears as the search for food ends with an empty jar* 'Голодающая девочка разрыдалась, когда в поисках еды нашла пустую банку'.

В проанализированных текстах также реализуется значение пищи как **индикатора культурно-пространственной удаленности** (6 %). Пространственная близость к читателю часто выступает маркером качества пищи, ее безопасности, надежности. Локальная еда является знакомой, привычной и в силу этого вызывает больше доверия, чем неизвестные экзотические

блюда и продукты. Местная пища характеризуется как *plain and ordinary* 'простая и обычная', *home-made and delicious* 'домашняя и вкусная', *pretentiously unpretentious* 'претенциозно непритязательная': *All our food is home-made and delicious* 'Вся наша еда домашняя и вкусная'.

Национальные кухни других стран вызывают любопытство у потребителя, они привлекают его необычностью, новыми впечатлениями и гастрономическим опытом. В текстах в описании блюд, не относящихся к местной кухне, часто фигурирует прилагательное *exotic* 'экзотическая', несущее положительную коннотацию: *For many, the winter months bring sunny days and exotic food! At least that's what's in store for the thousands of over-50s who head south on long-stay holidays* 'Это направление в зимние месяцы привлекает многих солнечными днями и экзотической пищей. По крайней мере, ради этого тысячи людей старше 50 лет отправляются на юг на зимовку'.

В подавляющем большинстве проанализированных примеров актуализируется значение «пищи» как **источника удовольствия** (44 %). Следующий пример является подтверждением того, что многие видят смысл пищи в получении приятных переживаний, радости: *I used food as a substitute for happiness* 'Я использовал еду чтобы быть счастливым'. Это значение приобретает эмоционально-оценочную маркированность. Так, в предложениях встречаются словосочетания *culinary pleasure* 'кулинарное удовольствие', *to savour excellent food* 'наслаждаться великолепной пищей', *outstanding appeal* 'невозможно устоять' и слова *tasty* 'вкусный', *delicious* 'восхитительный', *mouthwatering* 'аппетитный', *enjoy* 'наслаждаться'. Пища упоминается в одном ряду с другими приятными развлечениями: *A combination of romance and excitement; fast food and long lunches; disco dancing and daytime drowsing; the beach and the bar* 'Сочетание романтики и азарта; фаст-фуда и неторопливых обедов; дискотек, танцев и дневного сна; пляжей и баров'.

Еще одним понятийным элементом концепта является восприятие пищи как **источника здоровья** (10 %): *School dinners have moved into the 20th Century – with food which is healthy and nutritious* 'Школьные обеды перешли в XX век – с пищей, которая является здоровой и питательной'. Здоровой пищей является *cleanly produced, organically produced* 'выращенная без обработки пестицидами и химикатами, экологически чистым способом', *green* 'состоящая из свежих молодых побегов растений'. Она воспринимается как лекарство, концентрат полезных и питательных веществ и минералов, а процесс ее принятия как лечение: *America's food and drug regulations...* 'американские правила регулирования продуктов и лекарств'.

В то же время из-за развивающихся технологий современная пища становится менее натуральной, включает добавки: *Sheila admits that food additives are a great worry* 'Шейла признает, что пищевые добавки вызывают большое беспокойство'.

Пища также рассматривается как **источник опасности и жизненная угроза** (9 %). Данное значение актуализируется при помощи лексем *obesity* 'ожирение', *food additives* 'пищевые добавки', *food poisoning* 'пищевое отравление', *food allergy* 'пищевая аллергия', *copied genes* 'скопированные гены', *food safety laws* 'законы по продовольственной безопасности', *genetically modified food* 'генно-модифицированная пища', *worry* 'беспокоиться': *Chris Woods has joined Wednesday's alarming casualty list after being taken ill with food poisoning* 'В среду Крис Вудс пополнил тревожный список погибших в результате пищевого отравления'. Пища, приготовленная не в домашних условиях, также воспринимается как угроза здоровью и жизни: *40 children collapsed with suspected food poisoning on a coach bringing them home from France* '40 детей слегли предположительно с симптомами пищевого отравления, связанного с поездкой в автобусе, везшем их домой из Франции'. В приведенном выше примере глагол *collapse* 'слечь, свалиться' и существительное *food poisoning* 'пищевое отравление' придают предложению эмоциональную окраску, усиливаемую тем фактом, что пострадали дети.

Еда из супермаркетов оценивается преимущественно отрицательно. Она недорогая, может быть просроченной, произведенной неэкологичным способом или опасной по другим, неожиданным причинам: *An AIDS victim called "The Terminator" is threatening to contaminate supermarket food with his infected blood unless he gets 300,000* 'Жертва СПИДа по прозвищу «Терминатор» угрожает заразить еду в супермаркете своей инфицированной кровью, если не получит 300 000'.

Либби Конвелл отмечает, что пища вызывает страх и негативные эмоции в современном обществе в силу того, что потребители не могут проконтролировать доставку продуктов на прилавки магазинов и ее приготовление. В силу глобализации путь пищи до потребителей становится длиннее, а контроль качества пищи усложняется [9].

Пища, приготовленная в другой местности и легко доступная для туристов во время путешествий, также может вызывать чувство недоверия и страха: *Remember in such circumstances to be careful of local food and water supplies – even cleaning your teeth in bottled water if in doubt* 'Будьте внимательны при употреблении местных продуктов питания и воды – даже чистите зубы бутилированной водой, если у вас есть сомнения'.

В следующем примере из статьи, размещенной в *The Daily Mirror* («Ежедневное зеркало»), пища выступает источником болезней и жизненной угрозы, но из-за нездоровой заикленности на ней: *I hope dieters and health food neurotics took note* ‘Я надеюсь, что желающие похудеть и чрезмерно обеспокоенные здоровой пищей приняли к сведению’. Словосочетание *health food* встречается в одном контексте с лексемами *zombi* ‘зомби’, *damage* ‘вред, разрушение’, *suspicion* ‘подозрение’, *disgusting* ‘отвратительный’, *warning* ‘предупреждение’, *risk* ‘риск’, *die* ‘умереть’, *alert* ‘бдительный’: *All that health food's turned you into a zombie* ‘Вся эта полезная еда превратила тебя в зомби’, *A food supplement sold in health food stores could cause kidney damage* ‘Добавка к пище, которая продается в магазинах здорового питания, может нанести вред почкам’.

Таким образом, в проанализированных текстах актуализируются следующие значения концепта “food” («пища»): маркер социального неравенства (31 %), индикатор культурно-пространственной удаленности (6 %), источник удовольствия (44 %), источник здоровья (10 %), источник опасности и жизненная угроза (9 %).

Примечательно, на наш взгляд, что пища, в целом интерпретируемая положительно, приобретает дополнительные негативные значения. Она ассоциируется с угрозой из-за отсутствия возможности контролировать процесс ее производства, хранения или приготовления. Эти страхи, вероятно, усиливаются и набирающей обороты тенденцией к питанию вне дома, путешествиям и знакомству с экзотической пищей как частью туризма, а также такими трендами, как заикленность на здоровом питании и экологичном производстве/выращивании продуктов.

Думается, что потребление пищи также теряет свой ритуальный, символический характер в современной массовой культуре и сводится к наслаждению, получению чувственного удовольствия. Она приравнивается к таким же развлечениям и времяпрепровождению, как поход на дискотеку или на пляж, в бар или кино.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Марушкина, Н. С.* Традиционная пища и диалог культур / Н. С. Марушкина // *Вопросы культурологии*. – 2017. – № 10. – URL: <https://panor.ru/articles/traditsionnaya-pishcha-i-dialog-kultur/38977.html#> (дата обращения: 23.03.2024).

2. *Пожидаева, Е. В.* Концепт «продукты питания» в англоязычной картине мира: лингвокультурологический и лингвокогнитивный подходы / Е. В. Пожидаева // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2013. – № 1 – С. 286–295.
3. *Миронова, И. К.* концептосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозициональные структуры и их лексические репрезентации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. К. Миронова; УрГПУ. – Екатеринбург, 2002. – 20 с.
4. *Злобина, Ю. А.* Обозначение признака «отношение к пище» в лексикографической системе немецкого и русского языков / Ю. А. Злобина // Языковая личность. Проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград, 2001. – С. 40–52.
5. *Пашковская, Т. Г.* Концепт «food» («еда») в медиадискурсе постмодерна (по материалам британской прессы) / Т. Г. Пашковская // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 2. – С. 81–85.
6. *Судина, Л. В.* Особенности концепта «еда» в рекламном радиодискурсе / Л. В. Судина // Вестн. Северо-восточ. федерального ун-та им. М. К. Аммосова. – 2021. – №2. – С. 70–81.
7. *Ундрицова, М. В.* Глуттонический дискурс: лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты (на материале русского, английского, французского и греческого языков) : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.20 / М. В. Ундрицова ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2015. – 22 с.
8. *Spencer, C.* British Food: An Extraordinary Thousand Years of history / C. Spencer. – Reprint Ed. – Grub Street Cookery. – 2011. – 400 p.
9. *Conwell, L.* Food as Fear, Food as Social Change: A Split Personality or a Dynamic System / L. Conwell. – URL: <https://chrestomathy.cofc.edu/documents/vol12/conwell.pdf> (date of access: 10.03.2024).
10. *Крюкова, Г. А.* Концепт. Определение объема понятия / Г. А. Крюкова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2008. – № 10. – С. 128–134.
11. *Степанов, Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. – М. : Академ. проект, 2001. – 990 с.
12. *Демьянков, В. З.* Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / В. З. Демьянков // Язык как материя смысла : сб. ст. в честь академика Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. – М. : Издат. центр «Азбуковник», 2007. – С. 606–622.

13. Карасик, В. И. Лингвокультурные концепты. Подходы к изучению / В. И. Карасик // Социолингвистика вчера и сегодня. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-kontsepty-podhody-k-izucheniyu> (дата обращения: 12.03.2024).
14. Oxford English Dictionary. – URL: <https://www.oed.com/search/advanced/Entries?q=food&sortOption=Frequency&tl=true> (date of access: 31.07.2024).
15. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 338 с.

Поступила в редакцию 31.05.2024

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.161.3'373

Банько Ірына Мікалаеўна,

аспірант аддзела лексікалогіі
і лексікаграфіі Інстытута мовазнаўства
імя Якуба Коласа
ДНУ «Цэнтр даследавання беларускай
культуры, мовы і літаратуры»
НАН Беларусі
г. Мінск, Беларусь

Iryna Banko

PhD Student of the Department of Lexicology
and Lexicography
Institute of Linguistics named after Yakub Kolas
Centre of Studies of Belarusian Culture,
Language and Literature
of the NAS of Belarus
Minsk, Belarus
irina.banko9@mail.ru

ДА ПЫТАННЯ ВЫДЗЯЛЕННЯ АТРЫБУТЫЎНЫХ УСТОЙЛІВЫХ АДЗІНАК
НЕІДЫЯМАТЫЧНАГА ХАРАКТАРУREVISITING THE IDENTIFYING ATTRIBUTIVE FIXED UNITS
OF A NON-IDIOMATIC NATURE

У артыкуле аналізуюцца прадстаўленыя ў замежнай лінгвістыцы погляды на ўстойлівыя неідыяматычныя спалучэнні, семантыка якіх складаецца са значэнняў кампанентаў, адзін з якіх пераасэнсоўваецца, а таксама тэрміны, што выкарыстоўваюцца для абазначэння такіх адзінак. Асабліва ўвага надаецца падыходам да вычленення ўстойлівых адзінак з кантэксту, адзначаецца неабходнасць прымянення комплекснага метаду, які спалучае корпусны і лінгвістычны падыходы. Апісваюцца магчымасці вылучэння ўстойлівых неідыяматычных спалучэнняў з вялікіх масіваў тэкстаў з дапамогай Беларускага N-корпуса і праграмага сродку AntConc на беларускім моўным матэрыяле.

Ключавыя словы: *устойлівае неідыяматычнае спалучэнне; аўтаматычны пошук; корпус тэкстаў; калакацыя; фразеалагічнае спалучэнне; фразеалогія; кантэкст.*

The article analyzes the views presented in foreign linguistics on fixed non-idiomatic collocations, the semantics of which consists of the meanings of components, one of which is reinterpreted, as well as the terms used to denote such units. Particular attention is paid to approaches to isolating fixed units from the context, and the need for an integrated method combining corpus and linguistic approaches is noted. The possibilities of isolating fixed non-idiomatic collocations from large arrays of texts using the Belarusian N-corpus and the *AntConc* software tool on the Belarusian language material are described.

Key words: *fixed non-idiomatic collocation; automatic search; text corpus; collocation; phraseological combination; phraseology; context.*

Недаследаванымі ў беларускай лінгвістыцы застаюцца ўстойлівыя адзінкі, у якіх адбываецца пераасэнсаванне толькі ў адным з кампанентаў, яны не ўваходзяць у ядро фразеалогіі, але маюць з ім агульныя рысы. Можна сказаць, што такія ўстойлівыя спалучэнні знаходзяцца на перыферыі фразеалагічнай сістэмы. Атрыбутыўныя выразы *агрубелы слых, адкіды грамадства, губкі банцікам, зводны брат, дыплом з адзнакай, пачуццё абавязку* і інш., якія маюць аналітычную семантыку, спецыяльна не разглядаліся ў беларускіх навуковых крыніцах. У замежнай лінгвістыцы да такіх спалучэнняў прымяняюцца разнастайныя падыходы, але і сёння адсутнічае іх агульнапрынятае разуменне і тэрміналагічнае абазначэнне. У сваім даследаванні ўжываем тэрмін *устойлівае неідыяматычнае спалучэнне* (далей – УНС), які, на наш погляд, дастаткова поўна адлюстроўвае асаблівасці гэтых устойлівых выказаў.

Упершыню адзінкі з пераасэнсаваннем у адным кампаненце былі вылучаны В. У. Вінаградавым як *фразеалагічныя спалучэнні* – несвабодныя, замкнутыя рады слоў, дзе магчыма сінанімічная замена кампанентаў, напрыклад, *щекотливый вопрос, щекотливое положение* і інш. Фразеалагічна звязанае значэнне складана вызначыць, яно не такое выразнае, як свабоднае значэнне і драбіцца на індывідуальныя адценні, якія ўласцівы асобным фразам [1, с. 26].

У далейшым сутнасць такіх адзінак ацэньвалася па-рознаму. У межах фразеалогіі іх аналізуюць В. М. Тэлія і М. М. Шанскі. В. М. Тэлія называе іх *лексічнымі калакацыямі з аналітычным тыпам значэння* і адносіць да фразеалагізмаў, якія валодаюць ідыяматычнасцю, бо адзін з кампанентаў мае адзінкавы пераклад, магчымы для дадзенага слова толькі ў пэўным спалучэнні, а значэнне такога кампанента фразеалагічна абумоўлена [2, с. 52–53]. Свабодны кампанент такіх адзінак прадвызначае «семантычнае прачытанне» звязанага з ім па сэнсе і форме кампанента, які набывае завершанае тлумачэнне толькі ў спалучэнні з гэтым галоўным кампанентам [3, с. 65–66]. Ужыты тэрмін *калакацыя* быў адзначаны ў «Слоўніку лінгвістычных тэрмінаў» (1966) В. С. Ахманавай са значэннем «лексіка-фразеалагічная абумоўленая спалучальнасць слоў у маўленні як рэалізацыя іх полісеміі» [4, с. 199]. М. М. Шанскі адзначае, што чым шырэйшым будзе кола слоў, з якімі можа злучацца несвабодны кампанент такога фразеалагічнага спалучэння, тым бліжэй такое спалучэнне да фразеалагічных выказаў [5, с. 203].

Даследчыца Н. М. Амосава ўстрымліваецца ад ужывання тэрміна *фразеалагічныя спалучэнні* і называе УНС *узуюльна абмежаваным тыпам спалучэнняў*, а значэнне семантыкі рэалізуемага слова – *узуюльна звяза-*

ным значэннем [6, с. 69]. Па яе назіраннях, варыянтнасць ключавых слоў падобных выказаў абумоўлена не семантыкай, а узусам, традыцыяй [Там жа].

Некаторыя аўтары прапануюць характаралагічныя прыкметы такіх выказаў, сярод іх пераасэнсаванне аднаго або двух кампанентаў, ужыванне асобных кампанентаў спалучэння з абмежаваным колам слоў і ўстойлівасць ужывання [7, с. 14]. Дадатковым крытэрыем вызначана неперакладальнасць асобных кампанентаў спалучэння на іншыя мовы.

На думку У. Л. Архангельскага, які разглядае ў межах фразеалогіі ўсе ўстойлівыя спалучэнні (*фраземы*), нават са структурай сказа, утварэнне спалучэнняў з пераасэнсаваннем у адным кампаненце абумоўлена стратай або аслабленнем асноўных значэнняў слоў. Устойлівасць фразеалагічнай адзінкі вызначаецца па ўнутранай залежнасці паміж членамі фразеалагічнай адзінкі [8, с. 185] і звязана з абмежаваннем у выбары пераменных на розных моўных узроўнях [8, с. 181].

Яшчэ адным крокам у вывучэнні ўстойлівых неідыяматычных адзінак стала манаграфія А. Г. Барысавай «Калакацыі. Што гэта такое і як іх вывучаць» (1995). Тут пад *калакацыяй* разумеецца адзінка, якая з'яўляецца несвабодным неідыяматычным спалучэннем, дзе свабодны кампанент ужываецца ў сваім прамым значэнні, а несвабодны пераасэнсоўваецца.

Прыхільнікі структурнага падыходу таксама ўключаюць УНС у склад фразеалогіі. А. І. Смірніцкі параўноўвае іх з вытворнымі словамі, дзе вылучае семантычна значную і семантычна падпарадкаваную марфему [9, с. 210].

З пазіцыі лексікаграфіі спалучэнні з пераасэнсаваннем у адным кампаненце былі разгледжаны К. А. Іваннікавай. Усе іменныя спалучэнні даследчыца паводле функцыі ў маўленні (свабодныя спалучэнні, тэрміналагічныя спалучэнні і сродкі выразнасці) і паводле спосабу абазначэння паняцця (спалучэнні, значэнне якіх можна вывесці са значэння яго кампанентаў, і фразеалагічныя спалучэнні) [10, с. 40–41]. УНС згодна з прапанаванай класіфікацыяй па функцыі ў маўленні даследчыца адносіць да сродкаў выразнасці, а па спосабе абазначэння паняцця – да фразеалагічных (або лексічна непадзельных) спалучэнняў [Там жа].

У той жа час Б. А. Ларын, кіруючыся гістарычным прынцыпам, выводзіць фразеалагічныя спалучэнні за межы фразеалогіі. На яго думку, такія адзінкі валодаюць мінімальнай ступенню ідыяматычнасці, знаходзяцца на перыферыі сапраўдных фразеалагічных злучэнняў і не маюць характэрных прыкмет [11, с. 223]. Этап іх фарміравання навуковец лічыць пераходным і кароткачасовым.

Як відаць, погляды мовазнаўцаў на сутнасць і прыкметы УНС адрозніваюцца, аднак прапанаваны лексіка-семантычны падыход да выдзялення такіх адзінак да гэтага часу пашыраны ў лінгвістыцы.

З развіццём ідэй машыннага перакладу паўстала пытанне аб спосабах вычлянення ўстойлівых адзінак з тэксту. УНС у гэтым аспекце асобна не аналізаваліся і разглядаліся ў межах агульнай праблемы. Адзін з першых падыходаў прапанаваны ў рамках тэорыі «Сэнс ↔ Тэкст» (І. А. Мельчук), дзе несвабоднае спалучэнне разумеецца як спалучэнне семантычнай дамінанты, якая вызначае выбар іншага кампанента для перадачы ўсяго спалучэння [12, с. 231]. Распрацаваная даследчыкам тэорыя лексічнай функцыі атрымала пашырэнне, яна прымяняецца і ў сучасных прыкладных даследаваннях.

Так, А. М. Баранаў і Д. А. Дабравольскі распрацавалі класіфікацыю УНС, якія называюць *калакацыямі*, на аснове лексічных функцый, апісаных І. А. Мельчуком і А. К. Жалкоўскім. Калакацыі – гэта слабаідыяматычныя фразеалагізмы пераважна са структурай словазлучэння, у якіх вылучаюць семантычна галоўны кампанент (базу), што ўжываецца ў прамым значэнні, і дапаможны кампанент (калакатар) [13, с. 73]. Выбар базы залежыць ад інтэнцыі моўцы, а выбар калакатара – ад базы. Тэрмін *калакацыя* становіцца найбольш пашыраным для абазначэння ўстойлівых спалучэнняў такога тыпу, аднак у залежнасці ад падыходу яго змест мяняецца.

У межах лексіка-граматычнага падыходу (А. І. Бальшакова, А. Г. Барысава, В. А. Мітрафанова) калакацыі разглядаюцца як семантыка-сінтаксічныя адзінкі, ці лексічна вызначаныя элементы граматычных структур. Для іх вычлянення прымяняюцца лексіка-граматычныя шаблоны – структурныя мадэлі моўных канструкцый з указаннем істотных граматычных прыкмет лексем і сінтаксічных умоў іх ужывання. Сёння лексіка-граматычны падыход выкарыстоўваецца разам з іншымі пры распрацоўцы метадаў вычлянення ўстойлівых спалучэнняў з кантэксту.

Да лексіка-граматычнага падыходу блізкі сінтаксічны падыход, у межах якога калакацыя разумеецца як паслядоўнасць слоў, што ўтварае сінтаксічную канструкцыю (назоўнік + прыметнік, дзяслоў + назоўнік (аб'ект), назоўнік + прыназоўнік + назоўнік) [14, с. 17]. Для вылучэння адзінак з кантэксту прапанавана захаванне пэўнага парадку размяшчэння кампанентаў і адсутнасць семантычных трансфармацый. З пункту гледжання сінтаксічнага падыходу да калакацый могуць быць прыменены крытэрыі сінтаксічнай звязанасці, кантактнага размяшчэння ў тэксце і наяўнасці падпарадкавальнай сувязі паміж кампанентамі.

У межах корпуснага падыходу адбылася змена паняцця *калакацыя*, якое сёння разумеецца як спалучэнне двух і больш слоў, што сустракаецца часцей, чым гэта можна было чакаць выпадкова; вылучаюць фразеалагізаваныя і свабодныя калакацыі [15, с. 10]. Даследаванне ўстойлівых адзінак праводзіцца з апорай на кантэкст – збор тэкстаў, у якім калакацыя разумеецца як суправаджэнне слова, або слоўны матэрыял, у якім яно часцей за ўсё сустракаецца [16, с. 97].

Аднак некаторыя даследчыкі такі корпусна-арыентаваны падыход лічаць выключна статыстычным. У межах статыстычных даследаванняў адбываецца замена лінгвістычных крытэрыяў статыстычнымі або матэматычнымі. Пры гэтым корпусна-арыентаваны падыход мае шэраг пераваг, сярод якіх можна вылучыць зніжэнне рэсурсаёмістасці працэсу экстракцыі, большае пакрыццё тэксту, перавагі ў вывучэнні варыятыўнасці словазмяняльных формаў і сінтаксічных канструкцый і выяўленне калакацый, якіх няма ў закрытых спісах і слоўніках [16, с. 98]. Асноўная праблема статыстычнага падыходу – гэта павышэнне працэнта памылак у створаных аўтаматычна рэестрах калакацый. Акрамя таго, наяўныя падыходы распрацаваны толькі для двухслоўных спалучэнняў і не даюць магчымасці вызначыць «ядро» – галоўны кампанент спалучэння [Там жа].

Для паспяховага вырашэння праблемы вычлянення ўстойлівых адзінак з кантэксту даследчыкамі прымяняецца комплексны метада, які камбінуе ў пэўнай паслядоўнасці некалькі вышэйадзначаных. Недасканаласць прапанаваных метадаў патрабуе абавязковага рэдагавання лінгвістамі даных, атрыманых аўтаматычна машынным спосабам [16, с. 99; 17], таму лексіка-семантычны падыход да ўстойлівых адзінак не губляе сваёй актуальнасці.

Сёння корпусны падыход займае адно з вядучых месцаў у мовазнаўчых даследаваннях, ён шырока прымяняецца ў лексікаграфічнай практыцы, у лінгвістычнай педагогіцы і інш. У беларускім мовазнаўстве падобныя даследаванні таксама прадстаўлены, многія з іх праводзяцца на базе Беларускага N-корпуса [18], распрацаванага супрацоўнікамі Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі.

Беларускі N-корпус забяспечаны праграмнымі сродкамі, з дапамогай якіх вычляненне ўстойлівых неідыяматычных спалучэнняў з тэкстаў розных жанраў уяўляецца магчымым. У корпусе прадугледжаны выбар спалучэнняў за кошт «двухпраходнага» пошуку: спачатку ў базе выконваецца пошук абзацаў па словах і граматычных прыкметах, затым ідзе праверка знойдзеных абзацаў на адпаведнасць больш складаным крытэрыям [19, с. 76].

Беларускі N-корпус можа выкарыстоўвацца для пошуку УНС з ужо вядомымі кампанентамі з кантактным або дыстанцыйным размяшчэннем ва ўсіх магчымых граматычных формах. Напрыклад, пры пошуку спалучэння *зьялены чай* корпус прадстаўляе спіс кантэкстаў з гэтым выразам, але не дае колькасных паказчыкаў, падлік ужыванняў магчымы ўручную. Аўтаматычны падлік ужыванняў лексічных адзінак і выказаў магчымы толькі, калі іх колькасць большая за 300.

Пэўны патэнцыял мае пошук у корпусе па адным слове з выкарыстаннем граматычных паказчыкаў. Так, выбарка спалучэнняў “прыметнік + чай” у корпусе прадстаўлена 614 ужываннямі: *травяны чай, завараны чай, гарачы чай, салодкі чай, рамонкавы чай, духмяны чай, зьялены чай, чорны чай* і інш. у розных склонавых формах. Аднак колькасныя паказчыкі для кожнага спалучэння магчыма атрымаць таксама толькі ўручную.

З дапамогай інструмента «Кластар» можа выконвацца пошук словазлучэнняў з паказам колькасці ўжыванняў у тэкстах корпуса. «Кластар» дае магчымасць па адным слове ў пошукавым запыце з тэкстаў корпуса выявіць словазлучэнні. Гэта выконваецца праз пазначэнне колькасці слоў злева і справа ад пошукавага слова. Атрыманыя вынікі абавязкова павінны быць дадаткова прааналізаваны з-за недасканаласці сучасных праграмных сродкаў, якія праводзяць пошук толькі па частотных крытэрыях. Так, пры пошуку праз «Кластар» спалучэнняў са словам *чай* з умовай 1 слова злева прапануюцца такія спалучэнні, як *чорны чай, зьялены чай, гарачы чай, моцны чай, кубак чаю, шклянка чаю* і інш. у розных граматычных формах, спалучэнні лексем і службовых слоў *на чай, з чаем, і чай* і г.д. Акрамя таго, у выніках пошуку прадстаўлены спалучэнні частак слоў з-за памылак друку, недастатковай расчытанасці тэксту і пераносу (*звы чай, твор чай* і інш.). Пры пошуку на слова *зьялены* з умовай 1 слова справа прадстаўлены іншы спіс спалучэнняў, дзе першае месца займае 497 словаўжыванняў выразу *зьяленай эканомікі*, а *зьялены чай* стаіць на 27 пазіцыі і прадстаўлены 67 ужываннямі.

Вынікі пошукавага запыту па «Кластары» адлюстроўваюць кантактнае размяшчэнне кампанентаў УНС. Пры пошуку выказаў з дыстанцыйным размяшчэннем кампанентаў павінна быць зададзена большае значэнне для лексем злева і справа. Такім чынам, Беларускі N-корпус дае магчымасць выбару спалучэнняў, аднак прапанаваныя падыходы працаёмкія і патрабуюць значнай апрацоўкі лінгвістамі атрыманых вынікаў.

Для выяўлення калакацый з тэкстаў мэтазгодна прымяненне корпусных менеджараў, у якіх прадугледжаны меры асацыяцыі, з дапамогай чаго можна праводзіць падлік частот слоў або словаформ і частот сумеснай

сустракаемасці. Шырокія магчымасці для лінгвістычных даследаванняў мае праграма AntConc, распрацаваная Лоўрэнсам Энтані (Laurence Anthony; Waseda University, Japan) [20]. Праграма мае англамоўны інтэрфейс, прадугледжвае стварэнне ўласнага корпуса і можа выкарыстоўвацца для аналізу тэкстаў, у тым ліку і на беларускай мове.

Для вычлянення УНС з тэкстаў у AntConc магчыма выкарыстанне наступных інструментаў: Clusters, які па зададзеным слове дазваляе выявіць пары слоў, што «прыцягваюцца» адно да аднаго; N-Gram таксама выяўляе пары слоў, але без пошукавага слова; Collocates – інструмент для пошуку калакацый у тэкстах з дапамогай мер асацыяцыі.

Для аналізу намі быў падрыхтаваны корпус, што ўключае тэксты розных жанраў 143 беларускіх аўтараў ХХ – пачатку ХХІ ст. Агульная колькасць словаўжыванняў склала 26 036 965.

Праілюструем работу з праграмай AntConc на прыкладзе калакацый з закрытага спіса са структурай *прыметнік + назоўнік і назоўнік + назоўнік*. Выкарыстаем папярэдне загрузаныя ў праграму мастацкія тэксты і звернемся да інструмента Cluster. Для выбаркі пазначым калакацыі з мінімальнай частатой сустракаемасці (Min. Freq) 1, памер калакацыі (N-Gram Size) будзе складаць 2 словы. У выпадку пошуку калакацый *прыметнік + назоўнік* з дыстанцыйным размяшчэннем патрэбна будзе пазначыць памер калакацыі роўны або большы за 3. У графе пошуку ўвядзём прыметнік *малады*. Для выяўлення спалучэнняў з прыметнікамі ва ўсіх магчымых склонавых формах неабходна праводзіць пошук па аснове слова, пазначыўшы патэнцыяльны канчатак прыметніка зорачкай: *малад**. Таксама інструмент Cluster дазваляе праводзіць пошук слоў злева і справа, што выконваецца з дапамогай функцыі Search Term Position: OnLeft; OnRight; OnLeft / Right.

Вынікі аўтаматычнага пошуку двухкампанентных спалучэнняў з прыметнікамі *малады* ў праграме AntConc прадстаўлены на мал. 1.

У аўтаматычна створаны рэестр калакацый увайшло 1331 словазлучэнне з прыметнікамі *малады* і спалучэнні прыметніка *малады* са службовымі словамі. Атрыманы спіс павінен быць адрэдагаваны з мэтай адбору граматычна правільных словазлучэнняў з падпарадкавальнай сувяззю і далейшага вычлянення з іх УНС на падставе лінгвістычных крытэрыяў. Так, сярод выяўленых спалучэнняў з прыметнікамі *малады* адзначаюцца граматычна правільныя канструкцыі *малады чалавек, малады хлопец, малады пісьменнік, малады твар* і г.д., спалучэнні, што з'яўляюцца часткай больш шырокіх па структуры спалучэнняў (*малады прыгожы, малады здаровы* і пад.), а таксама частотныя спалучэнні лексем, што не з'яўляюцца

словазлучэннямі (*малады і, малады з, малады як і інш.*). Да патэнцыяльных УНС з групы граматычна правільных спалучэнняў можна аднесці *малады хлеб, малады век, малады месяц*.

AntConc

File Edit Settings Help

Target Corpus

Name: my_corpus

Files: 5469

Tokens: 26036965

Cluster Types 1331 Cluster Tokens 4546 Page Size 100 hits 1 to 100 of 1331 hits

Cluster	Rank	Freq	Range
1 малады чалавек	1	565	236
2 малады і	2	220	164
3 малады хлопец	3	147	100
4 малады яшчэ	4	125	102
5 малады а	5	90	79
6 малады мужчына	6	70	56
7 малады з	7	59	50
8 малады але	8	53	49
9 малады быў	9	49	43
10 малады настаўнік	10	39	21
11 малады не	11	38	37
12 малады хлапец	11	38	33
13 малады у	13	34	32
14 малады пісьменнік	14	33	19
15 малады паэт	15	32	23
16 малады прыгожы	16	31	29
17 малады ён	17	28	26
18 малады сад	18	26	25
19 малады твар	18	26	26
20 малады здаровы	20	24	21
21 малады як	21	23	22
22 малады голас	22	21	20

Search Query Words Case Regex Cluster Size 2 Min. Freq 1 Min. Range 1

малады Start Adv Search

Sort by Frequency Invert Order Search Term Position On Left On Right On Left/Right

Progress 100%

Using Cluster cache Time taken (creating cluster results): 0.0843 sec

Мал. 1. Вынікі аўтаматычнага пошуку двухкампанентных спалучэнняў з прыметнікам *малады*

Такім жа чынам пошук можа выконвацца і па граматычна галоўным кампаненце УНС. На мал. 2 прадстаўлены вынікі пошуку УНС з кампанентам-назоўнікам *голас*. З 2879 атрыманых калакацый як патэнцыяльныя УНС можна вылучыць спалучэнні *разважлівы голас, жывы голас*.

Аналагічна праводзіцца пошук атрыбутыўных спалучэнняў са структурай *назоўнік + назоўнік*. Аўтаматычна створаны спіс калакацый з субстантывам *даніна* ўключае 25 спалучэнняў (мал. 3), сярод якіх падпарадкавальныя словазлучэнні, спалучэнні назоўніка з прыназоўнікам (*даніна за*), назоўніка з прыметнікам, граматычна залежным ад наступнага субстантыва (*даніна незабыўнай*). Да патэнцыяльных УНС могуць быць аднесены *даніна модзе, даніна часу, даніна павагі, даніна абавязку, даніна памяці, даніна ўмоўнасці*.

KWIC	Plot	File View	Cluster	N-Gram	Collocate	Word	Keyword
Cluster Types		2879	Cluster Tokens	10647	Page Size	5000 hits	1 to 2879 of 2
	Cluster	Rank	Freq	Range			
84	падаць голас	80	16	15			
85	пачуць голас	80	16	15			
86	потым голас	80	16	14			
87	радасны голас	80	16	16			
88	тут голас	80	16	16			
89	ты голас	80	16	16			
90	чуўся голас	80	16	16			
91	ўжо голас	80	16	15			
92	павышаючы голас	92	15	14			
93	панізіў голас	92	15	13			
94	пачула голас	92	15	13			
95	першы голас	92	15	12			
96	разважлівы голас	92	15	15			
97	самы голас	92	15	14			
98	яму голас	92	15	13			
99	грубы голас	99	14	14			
100	наш голас	99	14	13			
101	нейчы голас	99	14	14			
102	пазнала голас	99	14	12			
103	прагучаў голас	99	14	13			
104	прыемны голас	99	14	12			
105	слабы голас	99	14	14			
106	сцішыў голас	99	14	12			

Search Query Words Case Regex Cluster Size 2 Min. Freq 1

Sort by Frequency Invert Order Search Term Position On Left On Right

Мал. 2. Вынікі пошуку УНС з кампанентам-назоўнікам *голас*

KWIC	Plot	File View	Cluster	N-Gram	Collocate	Word	Keyword
Cluster Types		25	Cluster Tokens	32	Page Size	100 hits	1 to 25 of 25 hits
	Cluster	Rank	Freq	Range			
1	даніна модзе	1	4	4			
2	даніна часу	2	3	2			
3	даніна за	3	2	2			
4	даніна павагі	3	2	2			
5	даніна абавязку	5	1	1			
6	даніна адна	5	1	1			
7	даніна бутэляка	5	1	1			
8	даніна бяроз	5	1	1			
9	даніна добрым	5	1	1			
10	даніна згадкам	5	1	1			
11	даніна зжытаму	5	1	1			
12	даніна любасцям	5	1	1			
13	даніна незабыўнай	5	1	1			
14	даніна непараўнальны	5	1	1			
15	даніна памяці	5	1	1			
16	даніна самаздаволення	5	1	1			
17	даніна светаадчуванню	5	1	1			
18	даніна светлым	5	1	1			
19	даніна трывожнаму	5	1	1			
20	даніна шырока	5	1	1			
21	даніна яго	5	1	1			
22	даніна і	5	1	1			
23	даніна ў	5	1	1			

Search Query Words Case Regex Cluster Size 2 Min. Freq 1

Sort by Frequency Invert Order Search Term Position On Left On Right

Мал. 3. Вынікі пошуку УНС з кампанентам-назоўнікам *даніна*

Для ўстанаўлення прыналежнасці такіх патэнцыяльных выказаў да УНС неабходна правядзенне спецыяльнага лінгвістычнага аналізу на прадмет адпаведнасці крытэрыям, уласцівым устойлівым неідыяматычным спалучэнням.

Сучасныя тэхналогіі могуць паспяхова прымяняцца пры выдзяленні УНС з тэкстаў. З дапамогай Беларускага N-корпуса могуць аналізавацца тэксты, якія прадстаўлены ў корпусе, а такія праграмныя сродкі, як AntConc, дазваляюць праводзіць аналіз тэкстаў на выбар карыстальніка. Праблема ўключэння ў спісы службовых слоў можа быць вырашана праз дабаўленне стоп-слоў у праграме AntConc. У цэлым спосабы вылучэння УНС з дапамогай электронных сродкаў дзейсныя і значна спрашчаюць працу па пошуку прадстаўленых адзінак у любых тэкставых крыніцах. Асноўным недахопам сёння з'яўляецца немагчымасць уліку праграмамі семантыкі аналізуемых адзінак, таму павінна праводзіцца далейшая праверка і рэдагаванне аўтаматычна створаных спісаў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Виноградов, В. В.* Русский язык: грамматическое учение о слове : учеб. пособие / В. В. Виноградов. – Л. : М. : Учпедгиз, тип. Печат. двор, 1947. – 784 с.
2. *Телия, В. Н.* Что такое фразеология / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1966. – 86 с.
3. *Телия, В. Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 288 с.
4. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов : ок. 7 000 терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 2-е стер. – М. : Совет. энцикл., 1969. – 607 с.
5. *Шанский, Н. М.* Лексикология современного русского языка : пособие / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 1964. – 316 с.
6. *Амосова, Н. Н.* Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 208 с.
7. *Регинина, К. В.* Устойчивые словосочетания русского языка : учеб. пособие / К. В. Регинина, Г. П. Тюрина, Л. И. Широкова ; под ред. Л. И. Широковой. – М. : Рус. яз., 1976. – 296 с.
8. *Архангельский, В. Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. Л. Архангельский ; Рост. гос. пед. ин-т. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1964. – 315 с.
9. *Смирницкий, А. И.* Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий ; подг. к печати и отред. канд. филол. наук В. В. Пассек. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 260 с.
10. *Иванникова, Е. А.* Устойчивые именные словосочетания как предмет фразеологии и лексикографии / Е. А. Иванникова // Современная русская лексикология : сб. ст. / Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз., Науч. совет по лексикологии и лексикографии ; редкол.: С. Г. Бархударов (гл. ред.) [и др.]. – М., 1966. – С. 23–45.
11. *Ларин, Б. А.* Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике : [сб. ст.] / отв. ред. Б. А. Ларин. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. – 232 с. – (Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова ; № 243. Сер. филологических наук ; вып. 42).
12. *Иорданская, Л. Н.* Смысл и сочетаемость в словаре / Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук ; общ. ред. Е. Н. Саввиной. – М. : Яз. славян. культур, 2007. – 665 с.

13. Баранов, А. Н. Основы фразеологии: краткий курс : учеб. пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – 3-е изд., стер. – М. : Флинта, Наука, 2016. – 307 с.
14. Гладка, В. А. Структурносинтаксичний підхід у вивченні колокацій: на матеріалі французької мови / В. А. Гладка // Наук. зап. Нац. ун-ту “Острозька акад.”. Сер. Філологічна. – 2013. – Вип. 39. – С. 16–20.
15. Хохлова, М. В. Исследование лексико-синтаксической сочетаемости в русском языке с помощью статистических методов : на базе корпусов текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 / М. В. Хохлова ; С. Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2010. – 26 с.
16. Бобкова, Т. Извлечение колокаций из корпуса украинских текстов / Т. Бобкова // Studies about Lang. – 2015. – Vol. 27. – P. 93–105.
17. Wielki słownik języka polskiego PAN : zasady opracowania / zest. P. Źmigrodzki. – Kraków : Wydanie szóste, 2023. – URL : <https://wsjp.pl/page/zasady> (date of access: 12.06.2024).
18. Беларускі N-корпус. – URL : <https://bnkorporus.info/korpus.html> (дата звароту : 12.06.2024).
19. Кошчанка, У. Нацыянальны корпус беларускай мовы ў кантэксте корпуснай лінгвістыкі славянскіх краін / У. Кошчанка // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка : XVI Міжнар. з'езд славістаў, Бялград, 19–27 жн. 2018 г. : дакл. беларус. дэлегацыі / НАН Беларусі, Беларус. кам. славістаў ; адк. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск, 2018. – С. 60–79.
20. AntConc // Laurence Anthony's Website. – URL : <https://laurenceanthony.net/software/antconc> (date of access: 09.07.2024).

Поступила в редакцию 05.09.2024

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**УДК 1751****Ализаде Афер Азер**

доктор философии по филологии,
доцент кафедры гуманитарных
и общественных дисциплин
Азербайджанская государственная
академия художеств
г. Баку, Азербайджан

Alizadeh Afer Azer

Habilitated Doctor of Philology,
Associate Professor of the Department
of Humanites and Social Sciences
Azerbaijan State Academy of Fine Arts
Baku, Azerbaijan
Alizadeafer@rambler.ru

**ТВОРЧЕСКОЕ И ДЕМОНИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ОДЕРЖИМОМ ХУДОЖНИКЕ
(на материале произведений Агаты Кристи и Кэролайн Грэм)****CREATIVE AND DEMONICAL BEGINNING IN THE OBSESSED ARTIST
(Based on the Works by Agatha Christie and Caroline Graham)**

Многогранная и противоречивая личность художника, его духовный облик и глубина, мировидение, самопознание, попытки разрешить философско-эстетические вопросы всегда находились в центре внимания мастеров слова. Данная тема занимает значительное место и в творчестве Агаты Кристи и Кэролайн Грэм. Английским писательницам важно передать особенности творческого мышления художника, его демонический дух, одержимость искусством, веру в собственное всемогущество. Соотношение божественного дара и дьявольского соблазна, известности и таланта, расхождение человеческих слов и дел, утрата ориентиров и духовной устойчивости в жизни составляет содержание произведений, рассматриваемых в статье.

Ключевые слова: одержимость искусством; красота; опасный ум; само-разрушение; величие художника.

The multifaceted and contradictory personality of the artist, his spiritual appearance and depth, worldview, self-knowledge, attempts to resolve philosophical and aesthetic issues have always been in the focus of attention of masters of words. The mentioned topic also occupies a significant place also in the works of Agatha Christie and Caroline Graham. For English writers it is very important to convey the peculiarities of the artist's creative thinking, his demonic spirit, obsession with art, and belief in his own omnipotence. The proportion between the divine gift and the devilish temptation, between fame and talent, the divergence of human words and actions, the loss of orienting points and spiritual stability in life constitute the content of the works discussed in the article.

Key words: obsession with art; beauty; dangerous mind; self-destruction; the greatness of the artist.

Агата Кристи в романе «Вечеринка в Хэллоуин» (1969) выводит образы Нарцисса и Люцифера, самовлюбленности и зла в человеческом обличье, воплощенные в Майкле Гарфилде, чей талант, ум и необычайная красота направлены на разрушение. Эстетом, живущим по законам красоты, руководят исключительно эгоизм, самомнение, стремление к изысканной роскоши. Деньги нужны ему только как необходимое средство для создания руками красоты, ставшей его навязчивой идеей. Утонченный садовник-декоратор переделывает образец средневикторианской архитектуры – заброшенную каменоломню в подземный сад. Проектированный им симметричный каменистый «Погруженный сад» в глубокой впадине посреди островка чарует неземным великолепием: буки и березы, кусты шиповника и можжевельника, белой розы и ириса, колокольчики и азалии как будто растут совершенно самостоятельно, без какого-либо принуждения. «Погруженный сад» у А. Кристи выступает как архетипический символ красоты. Тема красоты у писательницы сопровождается темой самовлюбленности. Ее нарциссический герой жаждет приобщить красоту альпинария к универсальной красоте.

Человек с врожденным чувством прекрасного тщательно планирует всю садово-парковую конструкцию – от цветков до искусственных водоемов и претворяет в жизнь свою концепцию сказочного убежища. Однако творение Майкла вовсе не природный ландшафт в первозданном виде – естественный, загадочный и стихийный: это местность, преобразованная человеческой деятельностью, опасным холодным расчетливым умом. Наводящий страх и ужас «Погруженный сад» таит в себе зло. Именно здесь Майкл Гарфилд и Ровена Дрейк, болезненно одержимые жаждой денег, хладнокровно совершают убийство.

Для А. Кристи чрезвычайно важен ход мыслей преступника. Таинственное преступление и его расследование – детали, выступающие как блестящее обрамление для глубокого психологизма. Раскрытие преступления для нее процесс повествовательный, а не криминалистический. Образ Майкла Гарфилда – одно из наивысших достижений А. Кристи. В центр повествования писательница ставит не только развитие отдельно взятого характера, глубину порока и морального разложения, но и его отношение к искусству. Герой романа, тонкий ценитель изящного, раскрывается в силу своего восприятия прекрасного. Заложник своих безудержных амбиций бессилён победить в себе зло.

Особенно наглядно необузданность нрава и бездушие Майкла проявляются в его отношении к собственному ребенку. Он пытается отравить свою единственную дочь, невольно оказавшуюся свидетельницей его чудовищного преступления. Майкл по-своему любит Миранду. В страхе

забыть девочку он отчаянно пишет ее портрет у ручья и называет Ифигенией. *Агамемнон пожертвовал своей дочерью, чтобы попутный ветер доставил его корабли в Трои. Майкл собирался принести в жертву свою дочь, чтобы заполучить новый сад Эдема,* – проводит параллели А. Кристи [1, с. 285]. Майкл возводит красоту в культ, но его болезненная страсть к прекрасному приводит к саморазрушению.

Взаимопроникновение жизни и смерти посредством красоты – одна из основополагающих тем романа «Вечеринка в Хеллоуин». Красота у эгоцентричного, находящегося в центре собственного внимания героя А. Кристи имеет коннотации «смерть», «освобождение», «преображение», «обретение», «вечный покой». Майкл воспринимает феномен смерти как слияние с красотой, как познание абсолюта. Он мотивирует смерть как приобщение к универсуму. Он использует смерть в виде жертвоприношения для того, чтобы сохранить красоту как предмет поклонения. Ищущий во всем симметрии Майкл сознательно пытается принести родную дочь в жертву: на его взгляд, только посредством смерти возможно преодолеть онтологическую дисгармонию и добиться равновесия.

Агата Кристи наделяет своего героя сатанинскими чертами. Порочность Майкла не знает меры. Необузданное стремление к удовлетворению честолюбивых замыслов – составляющая его жизненной философии. Для достижения своей цели он не брезгует самыми жестокими методами обогащения – кражами, подделыванием документов, убийствами.

Проблема искусства в романе решается образом Майкла. Он не смог осуществить мечту – стать именитым декоратором за пределами Англии. Обезумевший художник растрчивает свой дар в погоне за роскошью и все меньше думает об искусстве. Его больше волнуют деньги, чем «Погруженный сад». Деньги для него – путь к всемогуществу. Майкл покоряет женщин необычайной красотой, талантом и самоуверенностью. Желание стать не собой, а всемогущим полубогом еще больше оттеняет духовное омертвление Майкла. Он терпит поражение в отношениях с Джудит Батлер. Почувствовав в нем угрозу и опасность, обаятельная, хрупкая, бескорыстно любящая его, но дальновидная молодая женщина отвергает любовь Майкла. Устав от одиночества и неустроенности и тем самым освобождаясь от бремени безнадежной любви к нему, она приходит к выводу, что по-настоящему в жизни хочет спокойной семейной жизни. Губительная любовь Джудит к Майклу, сумевшему поработить ее, подчинить своей власти и влиянию, показывает расхождение между ясностью сознания и слепотой инстинкта. Обретая свободу и независимость от чужого мнения и чувства, она преодолевает унижительную страсть глубоко равнодушного к ней мужчины. Майкла не смущают сцены

ревности, крики, упреки и обвинения Ровены Дрейк. Продав все лучшее в себе дьяволу, он утрачивает все положительные черты – человечность и восприятие красоты. Не осознавая своей вины, а уверовав в собственное бессмертие, чувствуя свою принадлежность дьяволу, он перестает быть человеком. Культ всевластия становится наиболее ярко выраженной характерологической чертой Майкла.

Женщины занимают весьма скромное место в жизни талантливого художника – героя романа А. Кристи «Пять поросят» (1942), прерванной в самом расцвете его творческих сил. Внезапная трагедия со всей очевидностью вскрывает величие и разносторонность художника, высвечивает многочисленные грани его могучего таланта и невидимые глубины интеллекта.

Абсолютная интуитивная раскрепощенность в искусстве и подчиненность жизненным обстоятельствам, возможно, и приводят художника высокого класса Эмиаса Крейла к трагическому повороту судьбы. Недолгим оказывается брак Эмиаса с Кэролайн. Завершается смертью его связь с Эльзой Гриер. Пока она для него объект озарения и воодушевления, лицо, концентрирующее творческие силы, он пишет ее в полном молчании, все больше углубляясь в созидательный процесс. Талант рассматривается им как некое мистическое наитие, а творческий акт уподобляется удовлетворению инстинкта. Эльза существует для него только как муза и модель, а не как женщина. Когда молодая женщина понимает, что, несмотря на безрассудное физическое влечение, Эмиас остается чужим ей, она впадает в отчаяние, переходящее в дикую ярость: коварный ум Эльзы замышляет убийство.

По-настоящему жизнь ищущих людей состоит из мечты и титанического труда. В произведении «Пять поросят» проскальзывает мотив случайного семейства. Роман представляет собой поиск ответа на вечные вопросы бытия: брак может стать препятствием для творческого человека? Семья ограничивает художника и заковывает в цепи? Семейные обязанности могут давить на личность художника? Герой А. Кристи ищет свободы самовыражения. Брачные оковы, преследование вниманием, непонимание духовных запросов будят в нем инстинкт разрушения. Это человек, одержимый искусством. Он равнодушен к деньгам и славе. Он жаждет тишины, покоя и мира. Жизнь потоком вливается в него только в процессе творения.

Показ людей во всей их обыденной неидеальности, поиск себя, творческие муки художника, одиночество и отвращение к городской жизни наряду с детективной линией – центральные темы «Пяти поросят». Семейное поместье Олдербери создает особое восприятие мира, где

возможен уход поэтической души из суетного мира в мир грез, где нет сплетен и пересудов. Здесь люди несуетливы: они не торопятся и не бегают по очередным неотложным делам, которыми их жизнь забита до предела. Художник, полностью абстрагируясь от окружающего его мира, попадает в другое измерение. Здесь он может говорить и «да», и «нет» абсолютно искренне. Здесь он имеет право быть забывчивым, осознавая, что не все в жизни достойно запоминания. Природа будоражит: с ней можно устремиться к новым горизонтам. В ней пульс и реалии жизни, потому что природа не терпит зла, ненависти, фальши и безразличия.

Эмиас – человек, в котором жизнь бьет ключом. Он по-своему любит жену. Однако внезапно охваченный роковым влечением к красивой девушке, раздираемый борьбой между искушением и долгом перед семьей, Эмиас ради любви к искусству пренебрегает и семьей, и общественным мнением. Проявление такта и соблюдение условностей для него ничего не значат. Это человек, в душе которого *живопись стояла на первом плане* [2, с. 47]. Художник с безудержным темпераментом, исполненный душевности, стремления к наслаждениям и законченного эгоизма, обожествляет живопись. Там, где начинается искусство, Эмиас не подходит под стандарты. Место родных в его душе – второе после искусства. Другьям и женщинам не дано потеснить искусство в его сердце. Он никому не позволяет вторгаться в то сокровенное, что для него важнее всего в жизни. Его отчаянно преследуют мысли о незаконченной картине. Эльза – стимул к созданию очередного портрета. Кроме натуры она не представляет для него никакой ценности. Для художника, пребывающего в творческой эйфории в процессе работы над полотном, важно его завершение. Пока не завершится работа, он не выйдет из этого состояния. Ничто постороннее его не интересует.

Юная и богатая Эльза (леди Диттишем) четко представляет себе свои интересы. Воспылавшая к женатому художнику греховной страстью, поставившая целью завоевать его любой ценой, ни на минуту не колебавшаяся в своем желании увести его от семьи, жестокая и мстительная Эльза, для которой не существует моральных императивов, хладнокровно убивает свой объект страсти. Хрупкая и кроткая Кэролайн, несправедливо осужденная за убийство мужа, в то же время предстает в романе как исключительная личность с удивительным твердым характером.

Продолжая размышления о тайном родстве созидательного и демонического в преданном своему идеалу художнике, остановимся на романе английской писательницы, сценариста и драматурга Кэролайн Грэм «Убийства в Бэджерс-Дрифт» (1988). Отсутствие духовного начала – безбожие и порочность отличают ее героя-художника. Перед читателем

предстает человек с неустойчивой психикой, получающий удовольствие от всего странного, театрально-извращенного, живущий тайной ненавистью ко всем счастливым людям. Убежище от страха перед жизнью ущербный герой видит в живописи и приходит к решению: чтобы стать собой, необходимо сделать боль учителем, а не хозяином.

Часто преступные наклонности являются проявлением нездорового детства, душевных болезней, неуверенности в себе и страхов. На характере исследования перепутанных взаимоотношений героя с семьей сказывается воздействие фрейдистских представлений. Фрейдизм проявляется в различных своих концепциях и во многом обуславливает повествовательную структуру произведения. К. Грэм обращается к теме инцеста, которая становится центральной и несет на себе основную идейную нагрузку в романе. Инцест, в представлении австрийского ученого, выступает как естественное явление, вытекающее из врожденной сущности самого человека. К. Грэм рассматривает инцест как аномалию. Это патологическое явление не может быть присуще адекватному человеку со здоровой психикой. Только человек с неустойчивым душевным складом посредством этого омерзительного акта способен утвердить свою индивидуальность. Инцест для английской писательницы есть знак, символизирующий нарушение и нравственных, и социальных норм жизни. На страницах романа «Убийства в Бэджерс-Дрифт» она, детально исследуя отношения брата к собственной сестре, пытается объяснить это не только биологическими причинами, но и социальными предпосылками: трудным детством, неудержимым желанием запомниться, раздорами, нездоровым соперничеством и завистью в художественной среде.

Невероятно красивый Майкл Лэйси начисто лишен духовного начала. Его глубокие фиалковые глаза источают злобу и хищность. Он из той категории омерзительных людей с извращенным сознанием, которые, не задумываясь, меняют мир и его жителей в соответствии с собственными интересами. Всем своим существом противоречащий представлениям о гуманности, он и не пытается скрывать свои нездоровые чувства к родной сестре, будящей в нем *искушение преступить запрет* [3, с. 55]. Сожительство в грехе не кажется ему неправильным, а, наоборот, естественным продолжением их родственной связи. Однако не осознающий своего греха и не испытывающий страха перед карающей рукой закона герой К. Грэм способен не только творить зло, но и видеть и постичь красоту. Накладывая краски слой за слоем, он лихорадочными усилиями пишет портреты своих жертв, создавая удивительное ощущение живой плоти в движении. Не оглядываясь на чужое горе, преступник с абсолютной бессердечностью переносит на холст нечто большее, чем

просто физический облик позирующих. Майкл достигает физической осязаемости воплощения художественного образа. Но способна ли серость породить величие?

Творческий человек может столкнуться с нищетой и благополучием, признанием и забвением, но что бы ни происходило, настоящего художника всегда утешает и спасает искусство. Живопись не становится смыслом и образом жизни грэмовского героя. Поступками Майкла Лэйси движут гордыня и самость. Самость биологически присуща человеку, поскольку ему надо выживать в сложных условиях. Самость движет страстями, а страсть – это метод удовлетворения этой же самости. Ангел-хранитель отворачивается от своего подопечного, если тот сильно отстает, и заменяется темным наставником. Трагедия такого отступившего героя К. Грэм в том, что ему не на что опереться. Он ищет праздника вовне, потому что у него внутри нет этого праздника.

Английские писательницы, чьи произведения представлены в данной статье, на примере своих героев указывают на естественные человеческие слабости и пороки, тем самым обнажая изначальную греховную природу человека. Они показывают момент испытания художника, лишившегося творческого стержня, усомнившегося в вечных духовных императивах. Истерзанное сердце, боль утраты есть источник художественной силы. Сердце, которое никогда не было разбито, не в состоянии быть просветленным. Любовь не всегда дарит ощущение бесконечности и предполагает взаимность, но она обогащает и дает мощный толчок к созиданию. Интересна трактовка образа художника-убийцы в романах А. Кристи и К. Грэм. Они с большой художественной силой, психологически достоверно раскрывают патологию в сознании художника, несвободного от зла, корысти и порока. Жадность и коварное начало, постепенно переходящее в сатанизм, заключены в образах Лоуренса Реддинга («Убийство в доме викария»), мисс Гилкрист («После похорон»), Майкла Гарфилда («Вечеринка в Хэллоуин»), Майкла Лэйси («Убийства в Бэджерс-Дрифт»). Отречение от Бога, сознательное нарушение священных законов порождают большие человеческие потери.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кристи, А. Вечеринка в Хэллоуин* : роман / Агата Кристи ; пер. с англ. В. Тирдатова. – М. : Эксмо, 2012. – 288 с.
2. *Кристи, А. Пять поросят* : роман / А. Кристи ; пер. с англ. С. Никоненко. – М. : Эксмо, 2013. – 288 с.
3. *Фрейд, З. Тотем и табу* : пер. с нем. / З. Фрейд. – М. : Олимп; ООО Издательство АСТ-ЛТД, 1998. – 448 с.

Поступила в редакцию 29.05.2024

Афанасьева Юлиана Алексеевна

аспирант кафедры зарубежной литературы
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Yuliana Afanasyeva

PhD Student of the Department
of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
5902053@mail.ru

ГОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ЛИТЕРАТУРЕ ГАРЛЕМСКОГО РЕНЕССАНСА

GOTHIC DISCOURSE IN THE LITERATURE OF THE HARLEM RENAISSANCE

В афроамериканской литературе готический жанр используется для репрезентации и проработки травматического опыта, конструирования культурной памяти. Многие представители литературы Гарлемского ренессанса включают готические компоненты (частотное использование суггестивной атмосферы страха, мотивов поиска идентичности в условиях культурной гибридности, тайны, преступления и насилия, специфической организации художественного времени и пространства, а именно взаимопересечение прошлого и будущего, американские топосы) в поэтику произведений. Это обусловлено особенностями социокультурной ситуации в Америке первой половины прошлого века (войны, экономические кризисы, сегрегация и т. п.).

К л ю ч е в ы е с л о в а : *афроамериканская литература; Гарлемский ренессанс; гибридность; готика; травма; хронотоп; южная готика.*

In African-American literature, the Gothic genre is used to represent and work through traumatic experiences, and to construct cultural memory. Many representatives of the literature of the Harlem Renaissance include Gothic components (the frequent use of a suggestive atmosphere of fear, motives for the search for identity in conditions of cultural hybridity, mystery, crime and violence, the specific organization of artistic time and space, namely the intersection of the past and the future, American topoi) in the poetics of works. This is due to the peculiarities of the socio-cultural situation in America in the first half of the last century (wars, economic crises, segregation, etc.)

Key words: *African American literature; the Harlem Renaissance; hybridity; the Gothic; trauma; chronotope; the Southern Gothic.*

Литературная готика, зародившаяся в английской литературе XVIII в. как реакция на кризис просветительских идеалов, за три столетия из национально маркированной модификации прозы превращается в универсальный способ построения художественного нарратива. Основными элементами английской готики, видоизменяющимися по мере развития жанра, можно назвать следующие: 1) «готический» хронотоп (замок, убежище, монастырские руины, взаимопроникновение прошлого и насто-

ящего); 2) типология героев (готический злодей, добродетельный герой, «дама в беде», включение псевдо- или сверхъестественных существ); 3) инфернализация образов, выстраивание их на базе гротеска и контраста с просветительским пониманием человека как источника *ratio*; 4) напряженная психологическая атмосфера (иначе – атмосфера *suspense*, англ. *suspense*), основанная на ощущениях тревоги, страха и ужаса, отображаемых в пейзаже; 5) синтез двух типов романа – *romance* и *novel*; 6) использование интертекстуальных стратегий (мистификации, различного рода аллюзии и реминисценции, эпиграфы); 7) специфический мотивный комплекс (введение мотивов тайны, загадочного происхождения, преследования, трагического рока, убийства, греха и т. д.). Общие элементы жанра формируют универсальную художественную структуру, дискурс, способный совмещать традиционные элементы готики с иными национальными традициями, индивидуальным авторским стилем [1]. Готический дискурс, расширяющийся вместе с развитием литературного прогресса, подстраивается под соответствующий историко-культурный контекст и раздвигает жанровые границы.

Непреходящая популярность художественной системы готики объясняется ее близостью с мифологической системой. По мнению литературоведа Г. В. Заломкиной, основой такого подобия является фантастичность картины мира и принятие читателем «мерцания границы между вымыслом и действительностью» [2]. Адаптивность готики связана с универсальностью ее жанровых элементов (комплексное взаимодействие хронотопа, основных тем и мотивов, типологии персонажей), которые хорошо встраиваются в различные исторические контексты. В последних акцентируется внимание на проблемных зонах, белых пятнах национального прошлого, имеющих двоякую трактовку. Таким образом, для американской готики, по словам исследователя А.-Л. Смита, одной из причин для развития становится столкновение европейских просветительских идеалов (в особенности рациональности человека и его стремления к идеалу, гармонии) с порочностью, принимающей различные формы в зависимости от скрытых «страхов» общества [3]. В свою очередь, недоверие и неприятие Других, их подчинение и/или частичное уничтожение выводят дискурс инаковости в качестве одной из причин развития готической тематики в литературах этнических меньшинств в США. Так, в истории афроамериканской литературы достаточно произведений, в которых страх и ужас человека перед Другим играют непосредственную роль в развитии сюжета. Раса становится одним из маркеров инаковости человека в обществе и его стигматизации. Способность говорить о травма-

тическом опыте угнетения в художественной форме делает готический жанр потенциально продуктивным для афроамериканских авторов. Начиная с «невольничьих повествований» (англ. *slave narrative*), в которых часто акцентируется внимание на жестоком обращении с рабами и необходимости постоянной борьбы афроамериканца за жизнь, готические элементы проявляются в литературе данного народа на разных этапах ее развития. Продуктивность использования жанровых конвенций в произведениях афроамериканских авторов XX в. доказана всемирным признанием творчества афроамериканской писательницы Т. Моррисон, получившей Нобелевскую премию за роман «Возлюбленная» (*Beloved*, 1987), который посвящен осмыслению рабства и его последствий в рамках «истории о призраках».

Вопросам формирования афроамериканской готической традиции посвящены главы специализированных энциклопедий [4; 5]. В 2012 г. было опубликовано первое комплексное исследование афроамериканской готики [6], в котором акцентируется внимание на разнообразии использования жанровых конвенций, их трансформации. Мысль об актуальности изучения афроамериканского наследия в этом ключе подтверждает исследовательница К. Ленхардт, которая рассуждает о переправке чернокожих рабов через Атлантический океан в Америку в 1789 г. как об источнике готических элементов в афроамериканской литературе, когда выявился комплекс проблем, с которыми столкнутся рабы (физические и психологические травмы) [7]. В русскоязычной науке вопросам развития американской готики и южной традиции литературы США посвящены исследования Н. В. Колядко [8], И. К. Кудрявцевой [9], Е. В. Тарасовой [10] и др. Цель данной статьи – выявление готических элементов в афроамериканской литературе периода Гарлемского ренессанса (англ. *Harlem Renaissance*, 1920–1935). Данный период хорошо освещен в ряде научных работ Л. В. Князевой [11; 12], Т. И. Кобринской [13], О. Ю. Пановой [14; 15] и др. В авторитетном издании «Истории литературы США» в шести томах под редакцией Я. Н. Засурского представлена глава под авторством А. Ф. Кофмана, посвященная эпохе развития идеи «Нового негра» [16]. Однако готические элементы в произведениях избранного периода не становились объектом исследования.

В литературе Гарлемского ренессанса готические элементы активно используются в контексте репрезентации опыта выживания темнокожих на американской земле. Данный период считается «золотым веком» в истории потомков африканских рабов, взрывной эпохой возникновения идеи «Нового негра». В прозе и поэзии, где изменения в мироощущении

этноса проявляются особенно ярко, актуализируются следующие черты исторического развития афроамериканцев: 1) травматический опыт, его осознание и проработка (рабство, линчевания, сегрегация); 2) попытки формирования целостной идентичности в условиях «двойного сознания» (ориентация на доминантную культуру и попытка создания самобытного искусства); 3) разнообразие творческих методов (ориентация на достижения европейской и американской модернистской литературы, наследие народной культуры). Злободневные темы и проблемы отражаются в произведениях следующих участников Гарлемского ренессанса: Карла Ван Вехтена (Carl Van Vechten, 1880–1964), Клода МакКея (Claude McKay, 1889–1948), Лэнгстона Хьюза (James Mercer Langston Hughes, 1902–1967), Неллы Ларсен (Nella Larsen, 1891–1964), Уоллеса Турмана (Wallace Thurman, 1902–1934), Джина Тумера (Jean Toomer, 1894–1967), Джесси Фосет (Jessie Redmon Fauset, 1882–1961), Каунти Каллена (Countee Cullen, 1903–1946) и др. Включение готических элементов в повествование обусловлено популярностью жанровой литературы, не претендующей на высокую интеллектуальную ценность, в том числе и готической. Но при этом тяжелая жизнь афроамериканцев становится основой нарратива, источником новых идей и сюжетов. В предисловии к роману «Сын Америки» (Native Son, 1940) Ричард Райт (Richard Nathaniel Wright, 1908–1960) утверждает: реальность настолько изобилует ужасами, что писателям не нужны Готорн или По, чтобы изобретать новые – она сама их изобрела [17, р. xxxiv].

Особое внимание афроамериканской литературы направлено на осмысление травматического опыта рабства и исторического прошлого. По словам исследовательницы Терезы А. Годду, рабство, представленное в качестве «дома», построенного на тирании и терроре, наполненного злодеями и беспомощными жертвами, само по себе «читается как готический роман» [5, р. 72]. При этом стоит отметить, что готические элементы были характерны как для прорабовладельческих, так и для аболиционистских текстов, так как демонизация чернокожего человека подпитывала страх белых людей и одновременно указывала на несостоятельность института рабства. Готическая литература объединяет все представления о страданиях афроамериканцев в неволе в целостный культурный образ, который, будучи представлен в фикциональной форме, позволяет услышать голос угнетенных.

Тема рабства, вокруг которой концентрируется афроамериканский готический нарратив, становится одной из тем южной готики. Для нее жанрообразующим является «южный» хронотоп (южные штаты Америки

и соответствующие социокультурные маркеры). Впервые термин был употреблен писательницей Эллиен Глазгоу (Ellen Anderson Gholson Glasgow, 1873–1945) в 1935 году. В эссе «Герои и монстры» (Heroes and Monsters, 1935) она критикует устоявшееся в писательской среде стремление описывать упадок и обветшание существующих устоев с излишней экспрессивностью, без реалистического отображения действительности: «Я не прошу романиста южной готической школы изменить свой материал. Готика сама по себе, а не как псевдореализм, занимает важное место в нашей художественной литературе. Кроме того, я слишком хорошо знаю, что прирожденный романист не выбирает свою тему; он выбирается ею»¹ [18, р. 360]. От классической готики южный субжанр отличает происхождение автора и место действия романа – в обоих случаях важна связь с Югом. Хронотоп может быть полностью детерминирован региональными особенностями или фигурировать в индивидуальных историях героев, чья память или прошлое связаны с опытом проживания на Юге. Кроме того, в романах освещаются специфические для региона проблемы: травматический опыт рабства и рабовладения, жизнь на Юге в условиях патриархата и бедности, проблемы семьи и семейных ценностей, взаимоотношения веры и профанного знания, искаженное восприятие действительности сквозь призму устаревших ценностей и т. п. Южные штаты ассоциируются с более жестокими условиями выживания, поэтому южный колорит (соответствующие пейзажи и описания уклада жизни, специфика межрасового взаимодействия) часто фигурирует в произведениях писателей-южан разных рас.

В литературе Гарлемского ренессанса готический дискурс стал одним из средств репрезентации опыта проживания в Америке, расовых, религиозных и гендерных проблем, с которыми сталкиваются афроамериканцы. Страдания и христианская мораль связаны в известной метафоре «вуали» в книге «Души чёрного народа» (The Souls of Black Folk, 1903) общественного деятеля, писателя, социолога, одного из идейных лидеров Гарлемского ренессанса Уильяма Э. Дюбуа (William Edward Burghardt Du Bois, 1868–1963): «После египтянина и индейца, грека и римлянина, тевтона и монгола негр – своего рода седьмой сын, рожденный с вуалью и одаренный ясновидением в этом американском мире, – мире, который не дает ему истинного самосознания, а только позволяет ему видеть себя сквозь откровение о другом мире. Это своеобразное ощущение, двойственное сознание, чувство, что всегда смотришь на себя глазами других, изме-

¹ Здесь и далее, если не указано иное, перевод с англ. наш. – Ю. А.

ряешь душу лентой мира, который смотрит на тебя с насмешливым презрением и жалостью. Он всегда ощущает свою раздвоенность – американец, негр; две души, две мысли, два непримиримых стремления; два враждующих идеала в одном темном теле, лишь упорная сила которого не дает ему разорваться на части» [19, р. 8]. Романтическое двоemiрие трансформируется в реальность, где пограничность, состояние экзистенциального кризиса является нормой. В связи с этим стремление авторов Гарлемского ренессанса писать о себе, но для тех, чье одобрение нужно заслужить для популяризации творчества (белая аудитория), определяет соответствующий контекст многих произведений этого периода – игра со стереотипным восприятием афроамериканца. Симптомом «двойной жизни» афроамериканца представляется поведение героев, связанное с сокрытием себя, отказом от общественных устоев, основанных на расовой ненависти, уходом «в тень», – например, в рассказе «Человек, который жил под землей» (The Man Who Lived Underground, 1944) Ричарда Райта, романе «Человек-невидимка» (The Invisible Man, 1952) Ральфа Эллисона и др.

Американский писатель вест-индского происхождения К. МакКей (Claude McKay, 1889–1948), используя классическую форму сонета в лирическом сборнике «Тени Гарлема» (Harlem Shadows, 1922), отражает сложности жизни среднестатистических афроамериканцев. Его сонет «Линчевание» (The Lynching, 1920) посвящен многочисленным жертвам сегрегационной политики и несправедливого суда, и в нем готическая тематика проявляет себя в поэтической форме: *День клонился к закату, и вскоре смешанные толпы пришли посмотреть на // призрачное тело, качающееся на солнце: // Женщины толпились, чтобы взглянуть на него, но ни у одной // в стальных голубых глазах не было печали; // И маленькие дети, будущие линчеватели, // Танцевали вокруг этого ужаса в дьявольском ликовании* [20, р. 166–167]. Линчевание как один из навязчивых страхов афроамериканца начала прошлого века соединяется здесь с жестокостью белого населения, не способного остановить бессмысленное насилие на расовой почве. Писателя нельзя причислить к тем, кто сознательно обращается к готической поэтике для творческого самовыражения, но жестокая правда жизни афроамериканца может быть соотнесена с готическим мировосприятием в формате реальности травматического опыта. Табуированная ранее тема сексуальности, которая часто используется в блюзовых музыкальных композициях, затрагивается в романе К. МакКея «Домой в Гарлем» (Home to Harlem, 1928). Жизнь гарлемцев, представителей рабочего класса, сопряжена с недостатком финансов, отсутствием

жилья и непростой физической работой. Джейк, бывший солдат, дезертировавший с Первой мировой войны, в поисках работы в Америке устраивается на Пенсильванскую железную дорогу поваром третьего класса в вагоне-ресторане и знакомится с официантом Реем, гаитянским интеллектуалом-эмпатриантом, альтер-эго К. МакКея в нескольких романах. Готическим можно считать урбанистический пейзаж Гарлема, на фоне которого разворачиваются страсти ночной жизни кабаре, где можно купить любовь и забыть о повседневных делах. Экзотичность и гротескная инаковость афроамериканского тела позволили К. МакКею и другим авторам привлечь внимание белой аудитории и создать своего рода «моду на афроамериканцев».

Джин Тумер – американский поэт, писатель, драматург, яркий представитель литературы Гарлемского ренессанса, для творческой манеры которого характерно использование фольклорных элементов, исследование проблематики американского Юга, ориентация на модернистские стратегии письма. Сборник «Тростник» (*Cane*, 1923) – один из первых текстов Гарлемского ренессанса, в котором раскрывается уникальность афроамериканского социокультурного опыта. По словам автора, «С трех сторон структура “Тростника” представляет собой круг. Эстетически – от простых форм к сложным и обратно к простым. В региональном масштабе – с Юга на Север и снова на Юг. Или с Севера вниз на Юг, а затем возвращение на Север» [21, р. 26]. Соединение топосов дополняется переплетением временных отрезков – прошлого (для афроамериканцев – травматического рабского) и во многом нестабильного настоящего. Необходимость духовного подъема, самоидентификации в условиях дезинтегрированного, с точки зрения писателя, общества порождает фрустрацию персонажей сборника. В их личностной фрагментарности отображается травматический опыт расовой ненависти, патриархата, противоречий аграрного и урбанистического образов жизни. Сборник состоит из трех частей, которые включают в себя пятнадцать стихотворений, шесть виньеток, семь рассказов и одну пьесу. Готический дискурс в сборнике проявляется в использовании поэтизированной суггестивной атмосферы, которая порождает у читателя ощущение грядущей опасности, угрожающей героям (стихотворения отображают двойную красоту афроамериканской жизни, фрагменты песен в прозаических отрывках стилистически обогащают текст и намекают на дальнейшее развитие сюжета, как правило, неблагоприятное), мотивов тайны и преступления, сопровождающих нестабильную жизнь афроамериканца. Внешняя красота южного уклада таит смертельную опасность для людей

с черным цветом кожи, отражает двойственность человеческих судеб. Например, молодая красавица Каринта из одноименного рассказа убивает собственного внебрачного ребенка. О страшном событии не говорится прямо, однако читатель догадывается о нем по описаниям пейзажа, где все произошло (мягкие сосновые иголки в лесу недалеко от лесопилки, дым от тлеющих опилок, который спустя две недели после возвращения героини домой ощущается в воде), по песне, которую местные жители поют о Каринте. В рассказе «Кроваво-жгучая луна» (Blood-Burning Moon) Луиза, чернокожая домработница, находится в любовном треугольнике с Бобом Стоуном, сыном белых работодателей, и Томом Барвеллом, чернокожим полевым рабочим на сахарной плантации Стоунов. Песня, которую напевает героиня, содержит намеки на предстоящие зловещие события (женщина называет луну предзнаменованием): *Красная ниггерская луна. Грешник! // Луна, пылающая кровью. Грешник! // Выходи из дверей фабрики* [22, р. 53]. Куплеты повторяются несколько раз (их исполняет вся улица) и завершают повествование. Если Том объясняется в любви женщине, боясь, что та откажет, то для Боба чернокожие работники фабрики все еще являются рабами, и он рассматривает Луизу как трофей. Неизбежная ссора между мужчинами завершается жестокой разборкой, в ходе которой Том перерезает Бобу горло, но сам становится жертвой суда Линча. Мрачный пейзаж (действие происходит ночью на плантации), ощущение надвигающейся беды (суеверное отношение женщин к красной луне, песня, которая исполняется для защиты от ее влияния), конфликт на любовной и расовой почве (размышления Боба о темнокожих работниках фермы его семьи, борьба за Луизу с Томом, чей выигрыш в борьбе влечет за собой расправу белокожих над афроамериканцем), связанный с неприятием инаковости, сегрегацией и ксенофобией, являются готическими элементами в повествовании.

Готическая поэтика активно используется в афроамериканском женском творчестве, выступая в качестве инструмента переосмысления подчиненного положения афроамериканок в исторической перспективе. В романе Неллы Ларсен «Пассинг» (Passing, 1929), основанном на репрезентации одноименной концепции (см. статью Л. В. Князевой [12]) выдачи себя за белого, автор акцентирует внимание на расовой дискриминации через образ Клэр Кендри, которая не имеет явных внешних признаков принадлежности к негроидной расе. Ирен Рэдфилд, тоже являясь мулаткой, выбирает компанию афроамериканцев, тогда как Клэр скрывает свою идентичность и вращается в белом обществе. Общение двух женщин, их тревога, связанная с пониманием собственной идентич-

ности, вызывает у Ирен ощущение опасности. Загадочность Клэр (женщина скрывает свои корни от белого мужа-расиста, с которым состоит в браке), пограничность ее общественного положения (белое сообщество принимает ее как свою, в то время как женщину влечет к гарлемским афроамериканцам, к которым принадлежит Ирен) делает ее страшной для Ирен, не желающей признавать собственный страх выдавать себя за белую [23]. Автор следующим образом описывает мысли героини: *Ирен Редфилд впервые в жизни пожалела, что родилась негритянкой. Впервые она страдала и бунтовала, потому что не могла смириться с бременем расовой принадлежности. Она беззвучно плакала, думая о том, что было бы достаточно страдать как женщина, как личность, из-за себя самой, не страдая при этом за всю расу. Это была жестокость, и незаслуженная. Несомненно, ни один другой народ не был так проклят, как темные дети Хама*¹ [24, р. 69]. Готическими элементами в романе являются страх раскрытия тайны Клэр, ее осторожное общение с темнокожими людьми (мотив тайны) и ее внезапная смерть (Клэр разбилась, выпав из окна на вечеринке, на которой внезапно появляется ее муж). Расовые предрассудки и потенциальное насилие на этой почве создают атмосферу напряжения, саспенса, пронизывающую весь роман. Анжела Мюррей из «Сливовой булочки» (Plum Bun, 1928) Джесси Фоссет извлекает практическую выгоду из своего подобия белой расе. Концепция пассинга (Анжела хочет жить так, как белые) привлекает героиню, однако, подстраиваясь под новую идентичность, женщина притворяется, что не узнает сестру. Отказ от собственных корней и попытка «продать» себя за высший статус в обществе отражены в названии романа, которое взято из детской считалочки про поход на базар и удачную покупку сливовой булочки, с которой можно соотнести саму Анжелу. Героиня приходит к пониманию пограничности своего положения, временной «бездомности», которую можно изменить только через восприятие себя в рамках гибридности [25]. Готический дискурс в данном произведении проявляется в овеществлении представителя другой расы (такой игрушкой видится Анжела ее белокожему парню Роджеру), намеренном игнорировании собственной сути ради получения финансовой выгоды и места в обществе. «История без морали», как атрибутирует собственное творение автор, демонстрирует пагубность концепции пассинга. В конце Анжела встречает Энтони Кросса, бывшего одноклассника из художественной школы. Его рассказ о том, как он собственными глазами видел линчевание отца, заставляет героиню задуматься о темном

¹ Перевод с англ. наш. – Ю. А.

прошлом своего народа, перестать игнорировать собственную идентичность. Страх объективизации себя, бездушного подчинения белым людям, богатым и влиятельным, становится началом пути героев к осознанному существованию в рамках расового неравенства. Классический для готики образ «дамы в беде» здесь трансформируется – в период рабства женщина-афроамериканка не имеет голоса и воли, приравнивается к бездушному и бессильному объекту, выполняющему приказы хозяина, но Анджела не хочет быть слабой. Она вынуждена выживать в патриархальном мире белых людей, но может творчески реализовать себя в окружении себе подобных. Роджер мог бы стать злодеем в ее истории, однако выбор героини своего расового окружения меняет ее судьбу к лучшему.

В раннем творчестве Зоры Нил Херстон, писательницы, фольклористики и антрополога, элементы готики используются для показа реальности афроамериканской жизни преимущественно в южных штатах. Так, в рассказе «Спанк» (Spunk, 1925) афроамериканец Спанк Бэнкс уводит жену у Джои Кенти, убивая последнего в драке. В результате героя постигает рок – помутнение разума и жестокая смерть в результате травмы и/или проклятия, насланного, по мнению пострадавшего, оскорбленным Джои, который обратился после смерти в черную рысь, следящую за ним. Последнее соотносится с религией вуду, активизирующей в афроамериканской литературе мистические мотивы классической готики, адаптированные под южный хронотоп. Интерес писательницы к наследию афроамериканской и гаитянской культур, социальному положению женщин, двойных аутсайдеров (угнетение не только с точки зрения расы, но и пола) в обществе, преодолению устоявшихся расовых стереотипов определяет наличие жанровых составляющих готики в ее произведениях. Это проявляется в использовании фольклорных и религиозных элементов, акцентировании темы влияния травматического прошлого на настоящее, изображении восприятия дискриминации прежде всего женскими персонажами. Как указывает исследовательница Д. Дауни, «В ее произведениях признается опасность использования готических тропов и сюжетов, при этом демонстрируется их ценность как средств выражения протеста и надежды» [26, р. 232]. Можно говорить, что произведения афроамериканок периода Гарлемского ренессанса сосредоточены на репрезентации роли женщины в традиционном патриархальном обществе, пограничности ее статуса в разных расовых окружениях, реализации мотива «трагической мулатки» (*tragic mulatta*).

Таким образом, важной характеристикой афроамериканской готики является ее тематическое взаимодействие с расовыми и гендерными

проблемами. Наличие готических элементов в литературе Гарлемского ренессанса (использование мрачного, замкнутого хронотопа (усадыбы, плантации, городские катакомбы), мотивов насилия, тайны и/или проклятия, часто связанных с расовой принадлежностью и нестабильной идентичностью (концепция «пассинга»)) варьируется от автора к автору. Они используют фольклорный материал, лирические и прозаические элементы в повествовании для соотнесения афроамериканских укладов жизни (аграрного и урбанистического) на Севере и на Юге, рассматривают положение женщины и мужчины в обществе (Дж. Тумер), концепцию «пассинга» и ее влияние на восприятие себя цветным человеком (Н. Ларсен, Дж. Фоссет), акцентируют внимание на местных верованиях (вуду) (З. Н. Херстон). Часто готический хронотоп выполняет суггестивную функцию, является отражением проблем героев и американского общества в целом – жизнь на американских землях связана с памятью о травматическом прошлом, имеющем продолжение в настоящем (сегрегация, линчевание). Для афроамериканцев жизнь на Юге соотносится с атмосферой бедности, тяжелой физической работой и преобладанием патриархального уклада жизни, специфическими природными образами, что объясняет обращение авторов к описанию женских и мужских сломанных судеб. Страх за собственную жизнь в условиях враждебного отношения к Другому, коими являются афроамериканцы в американском обществе начала прошлого века, вопросы формирования целостной коллективной и индивидуальной идентичности делают элементы готического жанра потенциально продуктивными для выражения афроамериканскими авторами накопленного опыта угнетения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Попова, Д. И.* Готический дискурс в художественной прозе Э. А. По : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.01.03 / Попова Дарья Игоревна ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2021. – 19 с.
2. *Заломкина, Г. В.* Подходы к пониманию готического мифа / Г. В. Заломкина // Вестник СамГУ. – 2010. – № 79. – С. 178–184.
3. *Smith, A.-L.* American Gothic Fiction: An Introduction // A.-L. Smith. – New York; London : Continuum, 2004. – 208 p.
4. *Davison, C. M.* The African-American Gothic / C. M. Davison // The Handbook of the Gothic / M. Mulvey-Roberts. – N.Y. : Palgrave Macmillan, 2016. – P. 266–267.

5. *Goddu, T. A. The African American Slave Narrative and the Gothic / T. A. Goddu // A Companion to American Gothic / ed. by Crow, Charles L. – Malden; Oxford : Wiley-Blackwell, 2013. – P. 69–83.*
6. *Wester, M. L. African American Gothic: Screams from Shadowed Places / M. L. Wester. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2012. – 292 p.*
7. *Lenhardt, C. Savage Horrors: The Intrinsic Raciality of the American Gothic / C. Lehnhardt. – Bielefeld : Transcript Verlag, 2020. – 288 p.*
8. *Колядко, Н. В. Англоязычная готическая традиция в романах экспериментального цикла Джойс Кэрол Оутс : автореф. дис. ... канд. фил. наук : 10.01.03 / Колядко Наталья Владимировна ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2010. – 26 с.*
9. *Кудрявцева, И. К. Жанрово-стилевое своеобразие малой прозы писателей юга США 1930–1980-х годов : автореф. дис. ... канд. фил. наук : 10.01.03 / Кудрявцева Ирина Константиновна ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2014. – 26 с.*
10. *Тарасова, Е. В. Традиции готического романа в прозе США XIX – первой трети XX веков (Э. А. По, А. Бирс, Г. Ф. Лавкрафт) : автореф. дис. ... канд. фил. наук : 10.01.03 / Тарасова Елена Владимировна ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2018. – 24 с.*
11. *Князева, Л. В. Новеллистика Ленгстона Хьюза в контексте культуры Гарлемского ренессанса : автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.03 / Князева Лидия Владимировна ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2010. – 22 с.*
12. *Князева, Л. В. Феномен «пассинга» в афро-американской литературе 1920–1930-х годов (на примере одноименной новеллы Л. Хьюза) / Л. В. Князева // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Филология. Журналистика. – Воронеж : ВГУ, 2009. – № 2. – С. 43–46.*
13. *Кобринская, Т. И. Поэзия Л. Хьюза 20-х годов и традиции народной негритянской культуры США : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.01.05 / Кобринская Тамара Ивановна ; Целиноград. гос. пед. ин-т им. С. Сейфуллина. – Целиноград, 1985. – 20 с.*
14. *Панова, О. Ю. Гарлемский Ренессанс: «Негритянский раёк», или «Негритянская столица»? / О. Ю. Панова // Вест. Моск. ун-та. – Сер. 9 : Филология. – 2008. – № 5. – С. 102–111.*
15. *Панова, О. Ю. Негритянская литература США 18 – начала 20 века: проблемы истории и интерпретации : автореф. дис. ... до-ра фил. наук : 10.01.03 / Панова Ольга Юрьевна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2014. – 40 с.*

16. Кофман, А. Ф. Гарлемский ренессанс / А. Ф. Кофман // История литературы США. – Т. VI. Кн. 2. – М. : ИМЛИ РАН, 2013. – С. 490–545.
17. *Wright, R. Native Son* / R. Wright. – N. Y. : Jonathan Cape, 1970. – 432 p.
18. *Glasgow, E. Heroes and Monsters* / E. Glasgow // *Defining Southern Literature: Perspectives and Assessments, 1831–1952* // ed. by Bassett, John E. – UNKNO NJ : Fairleigh Dickinson University Press, 1997. – P. 357–360.
19. *Du Bois, W. E. B. The Souls of Black Folk* / W. E. B. Du Bois. – N. Y. : Bantam Books, 1989. – 192 p.
20. *McKay, C. Complete Poems* / C. McKay // ed. by William Maxwell. – Champaign : University of Illinois Press, 2004. – 456 p.
21. *A Jean Toomer Reader: Selected Unpublished Writings* // ed. by Frederik I. Rusch. – N. Y. : Oxford UP, 1993. – 312 p.
22. *Toomer, J. Cane* // J. Toomer. – N. Y. : University Place Press, 1923. – 239 p.
23. *Wagner, J. M. In the Place of Clare Kendry: A Gothic Reading of Race and Sexuality in Nella Larsen's «Passing»* / J. M. Wagner // *Callaloo*. – 2011. – Vol. 34. – № 1. – P. 143–157.
24. *Larsen, N. Passing* / N. Larsen // *Passing: Authoritative Text, Backgrounds and Contexts, Criticism* / ed. by C. Caplan. – N. Y. : W. W. Norton & Company, 2007. – P. 1–82.
25. *Scruggs, Ch. The House and the City: Melodrama, Mystery, and the Nightmare of History in Jessie Fauset's Plum Bun* / Ch. Scruggs // *Gothic Studies*. – 2010. – Vol. 12. – № 1. – URL: https://link.gale.com/apps/doc/A381056552/LitRC?u=mli_oweb&sid=googleScholar&xid=d4d3fb66 (date of access: 26.03.2024).
26. *Downey, D. Troubling Legacies: African American Women's Gothic from Zora Neale Hurston to Tananarive Due* / D. Downey // *Twentieth-Century Gothic: An Edinburgh Companion* // ed. by S. Ní Fhlainn, B. M. Murphy. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2022. – P. 228–242.

Поступила в редакцию 06.05.2024

УДК 821.111(73)

Криштоп Инесса Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры профессиональной
иноязычной подготовки
Барановичский государственный
университет
Барановичи, Беларусь

Inesa Kryshtop

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Professional Foreign Language Training
Baranavichy State University
Baranavichy, Belarus
inessa_top@mail.ru

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА РОМАНОВ ОКТАВИИ БАТЛЕР

THE GENRE SPECIFICITY OF OCTAVIA BUTLER'S NOVELS

В статье рассматривается жанровая специфика произведений Октавии Батлер. Особое внимание уделяется роли проблемно-содержательного критерия в жанровой классификации. Установлено, что в художественных произведениях американского автора имеет место синтез элементов научной фантастики и антиутопии, готической прозы и магического реализма, исторического романа и романа воспитания, травелога и эпистолярной формы и т. д. При этом практически все произведения американской писательницы объединяет наличие экологической проблематики, инициирующей конфликт в повествованиях.

Ключевые слова: *жанр; жанровое содержание; Октавия Батлер; американская литература; жанровый синтез.*

The article explores the genre specificity of Octavia Butler's novels. Particular attention is drawn to the role of the problem-content criterion in genre classification. It is shown that her prose is characterized by the synthesis of elements of science fiction and dystopia, Gothic prose and magical realism, historical novel and bildungsroman, travelogue and epistolary form, etc. Moreover, practically all the novels written by the American author are united by environmental issues that initiate the conflicts in the narratives.

Key words: *genre; genre content; Octavia Butler; American literature; genre synthesis.*

Идентификация жанровых особенностей художественного произведения – одна из актуальных проблем современного литературоведения. Это объясняется как тенденцией к взаимопроникновению жанров, так и появлением новых жанровых разновидностей, которые формируются в процессе создания индивидуального художественного текста.

При этом «жанровая специфика произведений понимается исследователями по-разному, порой весьма противоречиво» [1, с. 123]. По мнению российского литературоведа В. М. Головки, «такое становится возможным только при формалистском подходе к проблеме жанра и в условиях ослабления (если не утраты) теоретико-методологического пафоса о лите-

ратуре» [2, с. 5]. Более того, ученый указывает на противостояние двух основных подходов в определении эстетической сущности жанра: «...эта категория рассматривается либо как содержательно-формальная, либо как проблемно-содержательная» [Там же, с. 14]. Очевидно, что отбор жанровых признаков осуществляется по различным критериям: тематическому, родовому, структурному, пафосному, по амплуа и т. д., т. е. трактовки категорий жанрологии зависят от того, на каком уровне происходит типологическое обобщение: «В каждом конкретном случае выделяется тот жанровый признак (содержательный или формальный), который проявляется наиболее ярко, оригинально» [1, с. 125].

Для определения жанровой специфики нередко используется категория «жанровое содержание», которая понимается как «тип проблематики жанра, особая тематическая ориентация на жизнь, содержательный охват материала» [2, с. 14]. «Нельзя, видимо, забывать и об эстетическом пафосе, которым еще Аристотель определял своеобразие жанрового содержания трагедии, комедии, эпопеи» [3, с. 111]. Далее Н. Л. Лейдерман поясняет: «...каталог аспектов жанрового содержания, каждый из них в разные эпохи и в разных жанровых системах играл неодинаковую роль» [Там же].

На продуктивность использования проблемно-содержательного критерия для жанровой дифференциации наряду с функционально-структурным, жанрово-родовым и жанрово-видовым указывается в теоретических работах Г. Н. Поспелова, Л. В. Чернец, А. Я. Эсалнек и других ученых. Например, Л. В. Чернец пишет, что важно учитывать «проблематику» писателя, избирательность «его творческих интересов» [4, с. 84]. А. Я. Эсалнек особое внимание обращает на то, что «тип проблематики» произведений определенного жанра предстает как специфический круг проблем, который реализуются в целостности идейно-эстетического образования [5, с. 68]. На основе исторически повторяющихся аспектов проблематики произведений Г. Н. Поспелов выделяет мифологическую, героическую, нравоописательную и романтическую группы [6, с. 169]. Соответственно, к факторам, обеспечивающим в том или ином произведении «видение и понимание действительности» [7, с. 185], следует отнести тематическую ориентацию и тип проблематики, которые актуализируют определенную концепцию «человека в его отношении к миру <...> способы художественного мышления писателя» [2, с. 34–35].

Цель данной работы – на основе проблемно-содержательного критерия определить жанровую специфику произведений Октавии Батлер (Octavia Butler, 1947–2006). Ее творчество активно исследовалось уче-

ными с точки зрения гендерной, феминистской, расовой и постколониальной критики, поэтому изучение именно жанровой сущности написанных в разные периоды произведений американского автора способно раскрыть своеобразие художественного стиля.

Писательница О. Батлер всегда стремилась разрушить представления о жанровых «предпочтениях» авторов-афроамериканцев. Поэтому одной из творческих задач она видела расширение жанрового диапазона. О. Батлер называют одним из родоначальников «афрофутуризма». Данный термин впервые употреблен в эссе «Назад в будущее» («Black to the Future», 1994) американским писателем и культурным критиком Марком Дери, который рассматривал афроамериканскую культуру как источник футурологического воображения [8]. Как отмечает А. Рыкова, «этот термин обычно используется для обозначения литературы, музыки и визуального искусства, которые исследуют афроамериканский опыт и, в частности, роль рабства в этом опыте <...> идеи альтернативного “завтра”» [9].

Автор О. Батлер, как правило, помещает своих героев либо в воображаемые будущие миры, населенные инопланетянами (роман «Рассвет»), либо отправляет их в рабовладельческую эпоху (роман «Родня») с целью попытаться исправить разрушающее не одно поколение трагическое прошлое. Более того, произведения О. Батлер сосредоточены на вопросах власти и контроля, господства одних людей над другими, т. е. автор проводит параллель между воображаемым будущим и реальным прошлым. При этом если для описаний прошлого характерна апелляция к коллективной травме рабства, то для будущего – настороженность, обусловленная возможным уничтожением природной окружающей среды и технократией.

Стремительность развития действия, переменчивость и острота сюжетных ситуаций, мотивы преследования и поиска, перемены места и скитаний, бегства и обретения, которые характерны для европейской традиции авантюрного романа в целом [10; 11], американская писательница применяет с целью создания ситуаций испытания для своих героев. В совокупности с глубокой идейной проблематикой они определяют жанровую специфику ее произведений: авантюрное переходит в нравоописательное. Кроме того, О. Батлер предпочитает авантюрные сюжеты, что может быть продиктовано желанием расширить создаваемую реальность.

Как правило, протагонисты О. Батлер – представители «социального меньшинства» – делают все возможное, чтобы выжить. Они готовы испытывать невероятные физические страдания, умственное напряжение и эмо-

циональные переживания для того, чтобы помешать человечеству достичь стадии самоуничтожения [12, с. 241–246]. Очевидно, что внимание американской писательницы к такого рода персонажам иллюстрирует идею о том, что решимость одного героя может привести к кардинальным изменениям в жизни многих.

Следует отметить и такую характеристику творчества О. Батлер, как создание образов умных чернокожих женщин, обладающих сверхъестественными способностями. С их помощью автор пересекает время и пространство, создает невероятные сюжетные линии, которые могут быть противопоставлены эстетике реализма.

Мастер слова О. Батлер не раз вспоминала, что критики и читатели первых произведений «Мастер шаблонов» (*Patternmaster*, 1976) и «Разум моего разума» (*Mind of My Mind*, 1977) упрекали ее за недостаточное внимание к расовой проблеме. Ответом стал сочетающий фантастические и мистические элементы роман «Родня» (*Kindred*, 1979), в котором повествуется о современной чернокожей женщине, она, попадая во временную петлю, снова и снова возвращается в эпоху рабства. В свою очередь это дает автору возможность детально исследовать истоки расового насилия.

Роман «Родня», повествование в котором ведется от первого лица, начинается с сообщения о внезапном таинственном похищении главной героини Даны во время празднования своего дня рождения из дома в Калифорнии. Ее отправляют обратно во времени (телепортируют) на территорию довоенного Юга: Дана должна спасти от утопления сына владельца плантации, чтобы он в дальнейшем стал ее предком. Однако с каждым разом пребывание в прошлом становится все протяженнее и опаснее для главной героини.

Книга не является типичным нарративом, представляющим некоторую индивидуальную историю рабства и насилия. В романе «Сородичи» утверждается, что изучение истории рабства с позиции современности и его фактическое проживание – абсолютно разные вещи: *“I probably knew more than she did about the general layout of the Eastern Shore. She knew only the area she'd been born and raised in, and she couldn't read a map. I knew about towns and rivers miles away – and it hadn't done me a damned bit of good! What had Weylin said? That educated didn't mean smart. He had a point. Nothing in my education or knowledge of the future had helped me to escape. Yet in a few years an illiterate runaway named Harriet Tubman would make nineteen trips into this country and lead three hundred fugitives to freedom”* [13].

В одном из первых принесших автору известность романов «Рассвет» (*Dawn*, 1987) серии «Ксеногенезис» (*Xenogenesis*, 1987–2000) повествуется

о Лилит, которая очнулась от многовекового сна на борту огромного космического корабля. Существа, покрытые извивающимися щупальцами, спасли всех выживших людей на фактически уничтоженной в результате ядерной катастрофы Земле. Они также очистили планету и готовы помочь Лилит вернуться, но за определенную цену – она должна стать матерью мутанта человека и инопланетянина. Несмотря на неприятие этой идеи, Лилит все же соглашается с данным предложением, тайно надеясь, что люди смогут справиться с возникшими проблемами самостоятельно. В конце романа героиня узнает о том, что беременна гибридом человека и вымышленного персонажа Оанкали, и испытывает отвращение от мысли, что внутри нее растет что-то «не-человеческое».

На идейно-содержательном уровне книга сосредоточена на том, как, с одной стороны, сохранить человеческую жизнь в результате экологического катаклизма, с другой стороны – не утратить идентичность перед лицом генетических, социальных, психологических манипуляций. Для главной героини это особенно трудная задача, т. к. она окружена существами с иной внешностью, социальным укладом, языком, моралью и психологией. Однако Лилит находит решение: «Учись и беги!» (“Learn and run!” [14]).

Очевидно, что в романе с помощью элементов научной фантастики и мистики, а также актуализации экологической проблематики представлены основные конфликты колониального и постколониального периодов: порабощение отдельных рас и их тотальный контроль со стороны других индивидов, сохранение естественных условий проживания людей на планете, технократия. Поведение главной героини «напоминает поведение субъекта, реагирующего на колонизирующую культуру» [15, р. 450]. При этом автор экстраполирует идею возможного тотального контроля не только на представителей определенной расы / нации, а на весь человеческий род – утверждает всеобщий характер заявленной в романе проблематики, приобретающей не только исторический оттенок, но и прогностический резонанс.

Как утверждают Г. Гаард, М. Шнайдер-Меерсон и другие исследователи, экологический активизм «проник» в художественную литературу и литературную критику во второй половине XX века. Это подготовило благодатную почву для появления новых литературных явлений, таких как экопроза («ecofiction») или экокритика («ecocriticism»), акцентирующих связи между культурой, природой и человеком [16, р. 49, 17, р. 310–312]. Кроме того, П. В. Васюченко указывает на обращение литературы, в том числе белорусской, к максимам, которые продиктованы «экологическим императивом», означая «разумное соотношение человечеством своих

потребностей с необходимостью оздоровления ноосферы, биосферы, природного окружения» [18, с. 318]. Нельзя не согласиться с мнением М. А. Тычины, который указывает на особый интерес писателей к поиску причин случившихся бед и несчастий термо-ядерного века [19, с. 36–38].

Творчество О. Батлер не является исключением. В ее романах «Притча о сеятеле» и «Притча о талантах» экологическая проблематика в совокупности с элементами антиутопии становится жанроформирующей. При этом значимыми являются и такие устойчивые формально-содержательные компоненты, как мотивы перемены (трансформации) и испытания: *But things have changed a lot and they'll change more. <...> People have change the climate of the world. <...> We can't make the climate change back. <...> What can we do? <...> we learn to survive* [20]; *All that you touch, You Change. All that you Change Changes you. The only lasting truth is Change; Everyone knows that change is inevitable* [21].

Роман О. Батлер «Притча о Сеятеле» (1993) описывает ближайшее будущее – Калифорнию в 20–30-е гг. XXI века. Общество стремительно деградирует из-за климатических изменений: засуха на западном побережье США обусловила рост материального неравенства, которое в свою очередь обнажило все пороки человеческой цивилизации. Несмотря на юный возраст (15 лет), главная героиня произведения Лорен Оламина точно определяет, что именно люди своим расточительным и безответственным использованием научных и технических достижений пагубно повлияли на окружающую природную среду. Соответственно, упадок характерен не только для огражденного, как тюрьма, стеной Робледо – населенного пункта, в котором начинается действие романа, но и общества в целом, представители которого постоянно болеют и голодают: *They carry untreated diseases and festering wounds. They have no money to spend on water to wash with so even the unwounded have sores. They don't get enough to eat so they're malnourished – or they eat bad food and poison themselves* [20].

После уничтожения общины и гибели практически всех ее жителей девушка вынуждена возглавить группу выживших и отправиться на поиски нового места обитания. Этот процесс сопровождается трансформацией Лорен прежде всего на личностном уровне: она постепенно освобождается от сковывающих условностей и становится настоящим лидером, формулирующим собственную философию «Семя жизни». Ее основополагающими идеями являются следующие принципы: «Бог есть Перемены» и «Вера инициирует и направляет действие – или она ничего не делает» [20].

Обращает на себя внимание термин *притча*, который автор использует в заглавии. Известно, что «из небольшого повествовательного

произведения назидательного характера, содержащего религиозное или моральное поучение в иносказательной (аллегорической) форме, притча преобразовалась в эпический жанр, в основе которого лежит принцип параболы» [22]. С. Г. Воркачев поясняет, что в притче-повести или в притче-романе автор пытается заставить читателя взглянуть на жизнь по-иному, усвоить подход, способный изменить то, как мы живем [23]. Эта идея в полной мере соответствует роману «Притча о сеятеле», в котором утверждается, что только бездействие и халатность людей являются причинами уничтожения человеческой цивилизации, поэтому путь к выживанию заключается в готовности каждого взять ответственность за свои поступки, в том числе в отношении окружающей среды. Таким образом, в основе произведения О. Батлер – опыт переосмысления жизненных принципов представителем нового поколения, который придает конфликтной ситуации философские черты.

Более того, роман «Притча о сеятеле» написан в форме дневника. Это позволяет автору вводить в текст монологи, отражающие внутренний мир главной героини. Из записей становится понятным, что Лорен Оламина из-за синдрома гиперэмпатии отличается от остальных: она способна испытывать и распознавать страх и боль, радость и удовольствие не только собственные, но и окружающих людей. Это расширяет границы ее личности: делает индивидуальный опыт коллективным.

Продолжение романа «Притча о сеятеле» «Притча о талантах» (1998) также написано в форме дневника, однако повествование ведется от лица двух персонажей: Ларкин, комментируя записи, оставленные ее матерью Лорен, размышляет о роли и поступках женщины. Она считает, что Лорен Оламина была заблудшим пророком, который покинул свою семью ради спасения всего человечества. На общину совершают набег люди, называющие себя крестоносцами. Многие погибают. Оставшихся жителей порабащают и заставляют носить доставляющие мучительную боль электронные ошейники. Маленькую Ларкин вместе с другими детьми забирают на воспитание в христианскую семью и дают ей другое имя. Мучительный побег из рабства и странствие в Орегон с постоянно растущей группой последователей, а также личностный рост Ларкин – основные составляющие сюжетной линии романа, которые свидетельствуют о трансформации индивидуальности героини под влиянием приобретаемого опыта. В качестве средства борьбы с окружающим хаосом главная героиня предлагает создать живую изгородь ('a living wall') из колючих растений, что возвращает к началу первой притчи. Однако автор подчеркивает, что насаждения способны создать лишь иллюзию защищенности:

The country is bleeding to death in poverty, slavery, chaos, and sin. This is the time for us to work for our salvation, not to divert our attention to fantasy explorations of extrasolar worlds [21].

В конце романа «Притча о талантах» утверждается право каждого человека выбирать тот путь, который соответствует его этическим и эстетическим ценностям: *We can choose: We can go on building and destroying until we either destroy ourselves or destroy the ability of our world to sustain us* [Там же]. Обращает на себя внимание употребление автором местоимения первого лица множественного числа (*we*), дополненное модальным глаголом в настоящем времени (*can*), которые указывают на возможность изменить что-либо только совместными усилиями.

Героиней последнего произведения О. Батлер «Птенец» (*Fledgling*, 2005) является Шори, которая в начале романа просыпается за пределами своей привычной среды обитания в состоянии амнезии, поэтому лейтмотивом романа становится поиск утраченной памяти. Уже в первом предложении романа главная героиня описывается как десятилетняя «нагая» девочка, находящаяся во «тьме» [24]: она ничего не помнит о себе, у нее нет семьи, друзей и даже одежды – ее невозможно идентифицировать. Почувствовав себя ненужной, девочка начинает исследовать окружающий мир. Знакомство с людьми (Шори «кусает» их ради крови, которая исцеляет ее и продлевает жизнь) наталкивает героиню на мысль о том, что все же важно не истреблять человеческих индивидов (*symbionts* [Там же]), а устанавливать с ними «полезные» отношения: кровь человека питает вампира, который в ответ при укусе выделяет вещество, позволяющее продлить жизнь смертного до 200 лет.

Примечательным фактом является установление подлинной идентичности Шори: она – пятидесятилетний вампир, предки которого в результате спаривания европеоидного вампира с афроамериканцем дали начало уникальному афроамериканскому вампиру, обладающему чрезвычайно темным цветом кожи: *They thought mixing human genes with ours would weaken us. You proved them very wrong* [Там же]. Однако подобный генетический эксперимент не был поддержан вампирами в целом. Это стало причиной убийства родителей Шори и ее изгнания. Однако статус героини, обусловленный исключением из родного сообщества, становится поводом для ее личностной трансформации, происходящей на нескольких уровнях: психологическом, физическом, социальном. Исследователь творчества О. Батлер А. Брокс подчеркивает, что взаимоотношения между людьми и вампирами в художественном мире романа образуют специфическое пространство, в котором акцентирование расовой особенности

вампира олицетворяет страхи и тревоги общества в отношении к «иным», при этом личностная трансформация героини позволяет ей выйти за рамки устоявшихся социальных норм и структур: «третье пространство» в идентичности Шори делает ее символом перемен [25, р. 391].

В романе, несомненно, присутствуют элементы готической прозы – достаточно мрачный топос, мистическая символика, нагнетающееся чувство неизвестности. При этом О. Батлер создает повествование, в котором появившийся в результате генетического эксперимента новый вид вампира существует в некоем будущем, явно обнажающем современные конфликты и проблемы, т. е. в произведении присутствуют признаки антиутопии.

Таким образом, О. Батлер создала ряд великолепных романов, в которых с помощью достаточно простого языка (она считала, что читатель должен четко понимать послание писателя), точных характеристик персонажей, повествования от первого лица, репрезентации постапокалиптических миров (включение элементов научной фантастики, магического реализма, готической прозы, травелога и антиутопии) утверждается необходимость каждого человека задуматься о своем статусе и роли природы, научно-технологических достижениях и чрезмерном потреблении ресурсов, а также сохранении социальных норм и моральных ценностей, т. к. их нарушение неизменно становится причиной самоуничтожения и разрушения окружающей среды, т. е. расовые, национальные и социальные конфликты, а также экологические проблемы автор рассматривает как звенья одной цепи – ущемление интересов индивида становится триггером для катаклизмов глобального масштаба. При этом позиция автора не является пессимистичной: американская писательница выражает веру в способность человека остановить надвигающуюся катастрофу и создать более гуманные общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев, А. Н.* Теория литературы : учебник : в 2 ч. / А. Н. Андреев. – Минск : Изд-во Гревцова, 2010. – Ч. 1: Художественное произведение. – 200 с.
2. *Головко, В. М.* Герменевтика литературного жанра : учеб. пособие / В. М. Головко. – 2-е изд., стереотип. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 184 с.
3. *Лейдерман, Н. Л.* Теория жанра. Исследования и разборы / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург, 2010. – 904 с.
4. *Чернец, Л. В.* Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики) / Л. В. Чернец. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 192 с.

5. Эсалнек, А. Я. Внутрижанровая типология и пути ее изучения / А. Я. Эсалнек. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 183 с.
6. Пospelов, Г. Н. Проблемы исторического развития литературы / Г. Н. Пospelов. – М. : Просвещение, 1972. – 272 с.
7. Бахтин, М. М. Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. – Нью-Йорк : Серебряный век, 1982. – 236 с.
8. Рыкова, А. Afrofuturism уже здесь / А. Рыкова // Blueprint. – 10 марта 2023. – URL: <https://theblueprint.ru/culture/trends/chernayapanterawakanda-naveki-vestnik-afrofuturizma> (дата обращения: 14.05.2024).
9. Dery, M. Back to Future : Interviews with Samuel R. Delany, Greg Tate, and Tricia Rose / M. Dery // Flame Wars. – Duke University Press 1994. – URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9780822396765-010/html> (date of access: 17.05.2024).
10. Благой, Д. Авантюрный роман / Д. Благой // Литературная энциклопедия : Словарь литературных терминов : в 2 т. – М. ; Л. : Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. – Т. 1. А–П. – Стб. 3–10. – URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-0031.htm> (дата обращения: 15.05.2024).
11. Кучина, С. А. Герой в художественной структуре классического авантюрного романа / С. А. Кучина // Lingua mobilis. – 2010. – № 3 (22). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geroy-v-hudozhestvennoy-strukture-klassicheskogo-avanturnogo-romana> (дата обращения: 04.06.2024).
12. Zaki, H. Utopia, Dystopia, and Ideology in the Science Fiction of Octavia Butler / H. Zaki // Science Fiction Studies. – 1990. – Т. 17. – № 2. – С. 239–251.
13. Butler, O. Kindred / O. Butler. – Boston : BEACON PRESS, 1979. – URL: https://royallib.com/book/Butler_Octavia/Kindred.html (date of access: 06.05.2024).
14. Butler, O. Dawn / O. Butler. – URL: https://vk.com/doc14694589_392372840?hash=oQDeoW7nKcdOsBMV4yarMOwA7TpK3ygdhr7rSvvPZp0 (date of access: 14.04.2024).
15. Goss, T. From Superhuman to Posthuman: The Gothic Technological Imaginary in Mary Shelley's Frankenstein and Octavia Butler's Xenogenesis / T. Goss, J. P. Riquelme // MFS Modern Fiction Studies. – Johns Hopkins UP, Fall 2007. – Vol. 53. – № 3. – P. 434–459.
16. Gaard, G. Global Warming Narratives: A Feminist Ecocritical Perspective / G. Gaard // The Future of Ecocriticism: New Horizons / ed. by S. Oppermann. – Newcastle upon Tyne, UK : Cambridge Scholars Publishing, 2011. – P. 43–64.

17. *Schneider-Mayerson, M. Climate Change Fiction : The Ecological Turn / M. Schneider-Mayerson // American Literature in Transition, 2000–2010 / ed. by R. G. Smith. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – P. 309–321.*
18. *Васючэнка, П. В. Беларуская экалітаратура на фоне еўрапейскага літаратурнага працэсу / П. В. Васючэнка // Паэтыка літаратурных сувязей / У. В. Гніламёдаў [і інш.] ; навук. рэд. : У. В. Гніламёдаў, М. К. Мікуліч. – Мінск : Беларус. навука, 2017. – С. 317–363.*
19. *Тычына, М. А. Ад «антрапалагічнага крызісу» да «антрапалагічнага пераходу» / М. А. Тычына // Чалавечае вымярэнне ў сучаснай беларускай літаратуры / М. А. Тычына [і інш.] ; навук. рэд. М. А. Тычына ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – С. 22–168.*
20. *Butler, O. The Parable of the Sower / O. Butler. – New York : Open Road Integrated Media, 2012. – URL: <https://ru.b-ok2.org/book/2664357/1c118f/> (date of access: 11.04.2024).*
21. *Butler, O. The Parable of the Talents / O. Butler. – URL: <https://libcat.ru/knigi/starinnaya. – literatura/218608-butler-octavia-parable-of-the-talents. html> (date of access: 14.03.2024).*
22. *Базылев, В. Н. Притча: переосмысление жанра / В. П. Базылев // Жанры речи. – 2020. – № 3 (27). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pritcha-pereosmyslenie-zhanra> (дата обращения: 04.05.2024).*
23. *Воркачев, С. Г. Утопия или притча: идея смысла жизни в творчестве Андрея Платонова / С. Г. Воркачев // Жанры речи. – 2012. – Вып. 8. – С. 313–326.*
24. *Butler, O. The Parable of the Sower / O. Butler. – URL: <https://epdf.tips/fledgling.html> (date of access: 23.03.2024).*
25. *Brox, A. “Every age has the vampire it needs” : Octavia Butler’s Vampiric Vision in *Fledgling* / A. Brox // Utopian Studies. – Penn State University Press, 2008. – Vol. 19. – № 3. – P. 391–409.*

Поступила в редакцию 21.06.2024

Тарасова Елена Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка
г. Минск, Беларусь

Elena Tarasova

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
elena8602@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ УЖАСА
В ПОВЕСТИ Э. БЛЭКВУДА «ВЕНДИГО»

ARTISTIC EMBODIMENT OF HORROR
IN *THE WENDIGO* BY A. BLACKWOOD

Творчество британского писателя Э. Блэквуда глубоко впитало в себя особенности национального творчества народов разных культур. Народные предания в одной из самых популярных повестей Э. Блэквуда «Вендиго» сочетаются с фантастическим, мистическим сюжетом, придавая ему таинственный и мрачный колорит. В повести «Вендиго» писатель хорошо владеет техникой напряженной интриги, эмоциональной атмосферой, техникой выстраивания повествовательной линии и сумел мастерски вмонтировать в нее выразительные диалоги героев. Художественные приемы «готического» жанра Э. Блэквуда не исчерпали себя, и многие его элементы продолжают существовать в произведениях современных писателей.

Ключевые слова: Э. Блэквуд; сверхъестественный ужас; хоррор; техника напряженной интриги; мистический сюжет.

The works by the British writer A. Blackwood deeply absorbed the characteristics of the national art of peoples of different cultures. Folk legends in one of the most popular stories by A. Blackwood *The Wendigo* were combined with a fantastic plot, giving it a mysterious and gloomy flavor. The writer in *The Wendigo* masterfully uses the technique of intense intrigue, emotional atmosphere, of building a narrative line and was able to skillfully integrate expressive dialogues of the characters into it. The artistic techniques of the “Gothic” genre of A. Blackwood have not exhausted themselves, and many of its elements continue to exist in the works of modern writers.

Key words: A. Blackwood; supernatural horror; fear; technique of intense intrigue; mysterious plot.

В мировую культуру британский писатель Эдджернон Блэквуд (1869–1951) вошел как классик литературы хоррора, хотя русскоязычному читателю он знаком мало и литературоведческих работ по его наследию совсем немного. Западноевропейские литературоведы относят его твор-

чество к переходному периоду от классической литературы ужасов с вампирами, призраками, страшными тайнами замков/дворцов к литературе хоррора с тонким психологизмом, который существенно трансформировал традиционный сверхъестественный ужас инобытия в искусстве слова. Британский литературовед Р. Лакхёрст отмечал, что в новом типе литературы хоррора «сверхъестественными врагами выступают древние и величественные силы природы или самого космоса» [1, с. xv].

В начале XX в. произведения Э. Блэквуда о сверхъестественном ужасе привлекают многих известных писателей. Американский писатель Г. Ф. Лавкрафт, в своем известном эссе «Ужас и сверхъестественное в литературе» писал о творчестве Э. Блэквуда: «...еще никто с таким искусством, серьезностью и детальной точностью не передавал оттенки странности в обычных вещах и происшествиях, никто со столь сверхъестественной интуицией не складывал деталь к детали, чтобы вызвать чувства или ощущения, помогающие передать переход из реального мира в нереальный или в видения» [2, с. 561].

После продолжительных путешествий Э. Блэквуда по лесам Северной Америки в 1906 г. вышел в свет первый сборник рассказов *The Empty House* («Пустой дом»), а в 1910 г. появилась знаменитая повесть «Вендиго» о страшной смерти охотника и проводника-индейца Жозефа Дефаго, околдованного чарами зловещего демона лесной канадской глуши.

Интерес Э. Блэквуда к загадочному и таинственному в природе возник не случайно. Будущий писатель рос и воспитывался в семье кальвинистов, сторонников мирского аскетизма, в доме часто проходили молитвенные собрания, однако религиозное воспитание не сформировало у Э. Блэквуда строгое христианское мировоззрение. Под влиянием шотландских легенд, фольклора индейских племен, религиозной литературы Востока, эзотерических трудов, направленных на раскрытие внутреннего потенциала человека, Э. Блэквуд убеждается, что люди – не единственные духовные индивиды на планете. Следует отметить, что и немецкие романтики, и французские символисты наложили отпечаток на мировоззрение Э. Блэквуда. Будущий писатель был очарован мудростью природы, очень любил лес, в библиографических заметках о своей юности он писал: «Но, безусловно, сильнейшим влиянием в моей жизни была Природа... Приносящие утешение, ощущение товарищества, вдохновение, радость чары Природы всегда оставались доминирующими и поистине магическими... Природа производила на меня такое впечатление, которое может произвести лишь нечто живое [3]; В трудные времена, как и во времена радости, я всегда инстинктивно обращался именно к Природе. В моменты переживания глу-

бочайших чувств, когда люди хотят остаться одни, но в то же время остро нуждаются в понимании товарищества, только Природа могла утешить меня» [3].

Модный в то время (конец XIX – начало XX в.) интерес в обществе к оккультным наукам, спиритическим сеансам, сверхъестественным феноменам всецело поглотил будущего писателя. Первый рассказ «Пустой дом» был написан под впечатлением европейского оккультного опыта.

Получив образование, Э. Блэквуд путешествует по труднодоступным лесам и озерам Канады, ночует под открытым небом, наслаждается звездной мозаикой. Эти личные впечатления лягут в основу будущих произведений о сверхъестественных феноменах («Остров призраков», «Вендиго», «Ивы» и др.). В своих дневниках Э. Блэквуд писал: «Природа представила более широкий масштаб перспективы, на фоне которого проявлялись правильные пропорции. В этом опыте заключалось какое-то космическое прикосновение славы, которое, напротив, сделало все остальное банальным и неважным. Великие боги ветра, огня, земли и воды проносились на пылающих звездах, и обычная жизнь маленькой планеты казалась очень незначительной, как и человек с его мелкими страстями, тщетными стремлениями и несколькими годами жизни. <...> Природа <...> это образ реального мира где-то в другом месте, порога которого я на мгновение коснулся» [3].

Главный герой повести «Вендиго» Жозеф Дефаго – *несравненный знаток лесной жизни и местных обычаев, чрезвычайно чувствителен к несравненному очарованию дикой природы, безлюдные места Дефаго любил с такой беззаветной романтической страстью, что она порой граничила с одержимостью. Жизнь лесной глуши буквально завораживала его, одаривая непревзойденным умением приобщаться к ее тайнам* [4, с. 6]. Дефаго *отличатся крайней впечатлительностью и склонностью к меланхолии* [4, с. 7].

Писатель психологически тонко передает опыт встречи героев повести с сакральным пространством леса, необычного, вызывающего чувство благоговения перед величием мироздания в различных его аспектах. Канадский лес представлен в «Вендиго» живым существом: *Лес окружал их плотной стеной, ближние стволы деревьев в бликах от костра отсвечивали бронзой, но дальше царила сплошная чернота и, как бы мог выразиться студент-богослов, безмолвие смерти. Прямо за его спиной легкий порыв ветра поднял вверх одинокий древесный листок, словно бы оглядел его в воздухе со всех сторон и снова мягко опустил на землю, не потревожив ковер из листьев. Казалось, целый миллион причин сошелся*

воедино, чтобы произвести этот слабый эффект, единственно видимый для постороннего взгляда. Вокруг сгушалось иное бытие, на секунду выдавшее себя ничтожным трепетом и тут же отступившее назад [4, с. 26].

Следует отметить, что Э. Блэквуд был сторонником философии пантеизма, для него Природа хранит в себе множество загадок, и масштабы Вселенной настолько велики, что человек есть только мгновение в космическом Мироздании. Правда, идея божественности природы чужда образованному и рациональному доктору Кэскарту, студенту-богослову Симпсону. Сакральное отношение к дикому лесу, его невидимым обитателям сохранили в повести только индейцы Дефаго и Панк, о котором Э. Блэквуд писал *Панк еще не утратил инстинктов своей вымирающей расы – в нем стойко жили склонность к невозмутимому молчанию и всяческого рода суевериям [4, с. 7–8].* Постичь инобытие, как считал Э. Блэквуд, дано не каждому, не случайно в произведениях писателя это, как правило, потомки нецивилизованных народов (индейцы в «Вендиго», кавказцы в романе «Кентавр»): *Белым людям, с их неразвитым обонянием, не дано уловить дыхание природы; смоляной дух костров заглушает для них тончайшие, почти электрические посылы мхов, древесной коры и застывающих вдали болот [4, с. 14].*

И встреча героев Э. Блэквуда с миром иным происходит вдали от цивилизации (в лесах, на островах, в горах). В повести «Вендиго» представитель цивилизации материалист доктор Кэскарт и его стремление *найти всему достаточно понятное истолкование» [4, с. 61]* рисуется писателем скептически, порой с уничижительной иронией (*позиция невозмутимого всезнания, занятая дядей [4, с. 60]; доктор Кэскарт – всегда почитавший себя тонким психологом [4, с. 58]; доктор Кэскарт пытался убедить в своей правоте не столько других, сколько самого себя [4, с. 74]).*

Писатель целенаправленно подчеркивает, что рациональное мышление доктора постоянно дает сбои, и его властный голос мог дрожать, *ибо инстинкт взял верх над разумом [4, с. 77]. Доктора Кэскарта от яростного натиска необычного защищала его «цивилизованность». Но с этого дня кое в чем он уже не чувствовал абсолютной уверенности – во всяком случае, на «обретение самого себя» ему понадобилось больше времени, чем его компаньонам [4, с. 81].*

Повесть можно условно разделить на две части: в первой части идет постепенное нагнетание страха в сознании юного богослова Симпсона, когда он вместе с Дефаго, переправившись через озеро, оказались в лесных дебрях, где проводник Дефаго исчезает, а напуганный Симпсон

стремится его найти; во второй части все герои ищут объяснение странному исчезновению индейца Дефаго и пытаются понять ужасные изменения в образе внезапно появившегося в лагере охотников индейца. Столкновение героев с чем-то пугающим и неведомым вызывает у них парализующий ужас. Авторский способ подачи материала создает напряженную и таинственную атмосферу тревоги в повести. Мрачный и трагический колорит пейзажных зарисовок усиливает чувство страха в воображении героев. Исключительные, «нетипичные» обстоятельства и яркие контрастные эмоции персонажей создают в повести своеобразный «культ» чувств, воздействующих на читателя. На первый план повествования выдвигаются стихийные, роковые силы, подчиняющие себе человека с его волей, рассудком и чувствами.

Пантеистические убеждения Э. Блэквуда наделяли Природу в его произведениях сверхсакральной силой, способной вызвать духовные переживания только у чутких людей, каким был Симпсон. Психологическое восприятие этого героя уникально в том смысле, что оно не поддается проверке. Юный студент-богослов сначала испытывает иррациональный ужас от таинственного инобытия, а потом воочию сталкивается с ним. В воображении Симпсона происходит соприкосновение двух миров: мира земного, реального, и мира потустороннего, воплощением которого становится «мыслеобраз» Вендиго. Едва уловимая его материализация сначала происходит в сознании Дефаго, потом Симпсона, а затем и в сознании всех остальных персонажей. Образ могучего и таинственного ветра Вендиго в дремучем канадском лесу держит в мучительном плену Дефаго, ветер активизировал глубоко подсознательные порывы души героя, направленные на саморазрушение и смерть. Дух ветра Вендиго расчеловечил Дефаго, лишил его индивидуального «я» и, оборвав все связи с земной реальностью, вернул индейца в стихийное состояние Природы.

Глубокое знание Э. Блэквудом европейской мифологии, его знакомство с восточными эзотерическими учениями, в частности, с китайским учением о силах «фэн шуй» («ветер и вода») позволили писателю воплотить в образе Вендиго идею о человеческом организме как «микрокосме», который, попав в «геопатогенную зону», смутно ощущает присутствие там таинственных духов. Так, в славянской мифологии *ветер* и *вода* наделены магическими свойствами. В работе А. Потебни «Слово и миф» упоминается толкование слов *ветер* и *вода*: «Ветер приносит человека. <...> Ветер и уносит человека,.. Вода тоже... Ветер переносит весть... Он несет и всякое слово, спасительное или вредное человеку...» [5, с. 330–331].

Именно ветер Вендиго из инобытия обессиливает героя-индейца Дефаго, угнетает его или, наоборот, неистово возбуждает. Э. Блэквуд писал: «Только тем немногим, чьи внутренние чувства обострены каким-то странным глубинным страданием, выпадает на долю нелегкое знание о близости этого огромного мира и о том, что в любой момент сочетание разнонаправленных сил и устремлений может заставить нас перейти его зыбкую границу» [6].

Культуролог Ю. Стефанов отмечает: «Околдованный чарами Вендиго, зловещего демона лесной канадской глуши, теряет рассудок и личностное “я”, а затем гибнет физически охотник и проводник Жозеф Дефаго – гибнет потому, что не пытается противостоять зову темной стихии, а сам бросается в ее недра» [Там же].

Процесс расчеловечивания Дефаго происходит постепенно, в конце повести герой материализуется в *смутную, едва различимую фигуру* [4, с. 71], в *отвратительное существо, назвавшееся Дефаго* [4, с. 74]. В сознании богослова Симпсона *в облике новоявленного Дефаго было больше животного начала, нежели человеческого, что черты его имели странные, неправильные пропорции, дряблая кожа на лице и на руках отвисала расслабленно и вяло, как если бы ее до того долго мяли и растягивали. <...> Не менее мерзким показался Симпсону и голос этого отвратительного существа* [4, с. 74].

Дефаго, лишившись разума и памяти, *протянул лишь несколько недель и ушел из жизни вместе с зимой, начало которой ознаменовалось для него столь странным и печальным происшествием* [4, с. 84–85].

Отметим, что тема столкновения двух миров, встреча человека с непредсказуемыми явлениями, таинственными существами всегда волновала Э. Блэквуда. Граница между мирами в подсознании отдельного человека психологически тонко воплощена писателем в художественном произведении «Вендиго». Студент-богослов Симпсон, оставленный в лесу исчезнувшим Дефаго, остро ощущает дыхание иной реальности. Когда Дефаго и Симпсон переходят из охотничьего лагеря через озеро на противоположный берег, они действительно переходят рубеж человеческой цивилизации, царства разума и интеллекта, и оказываются в обширной и таинственной области бессознательного, которая, как природа Канады, слишком загадочна и безгранична, чтобы ее измерить и осознать.

Воплощением самой матери-природы у Э. Блэквуда выступает Вендиго. Духи Вендиго/Виндиго происходят из хорошо известным писателю верований коренных американских индейцев и в чем-то похожи на человека, хотя в каждой культуре они играют свою роль, имеют индивидуальную историю, личные привязанности и причины существования. Так, у этни-

ческой общности Кри в Северной Америке есть два типа Вендиго: один тип – сверхъестественное сильное существо-каннибал, и другой тип – это грязные и неопрятные люди, у которых развиваются каннибалистические пристрастия и которые медленно превращаются в Вендиго [7].

У Вендиго индейского народа Оджибве ледяное сердце и каннибалистические наклонности, он прожорлив и воплощает дисбаланс двух душ в теле [8]. Хотя описания образов Вендиго немного различаются в разных индейских культурах, все они по существу схожи: в основном это духи людей, которые когда-то были людьми, но превратились в Вендиго в результате каннибализма, вызванного голодом, или одержимости более крупными сверхъестественными духами Вендиго.

Ужас Вендиго в трактовке Э. Блэквуда – это не ужас монстра в лесу, желающего проглотить плоть, это ужас скрытого чудовища внутри человека, желающего поглотить его разум и волю. Подобно древнегреческому богу природы Пану, который сеет панику и беспорядок в умах своих жертв, Вендиго подавляет всякое чувство самостоятельного контроля над собственным телом и заставляет человеческий дух подчиниться импульсам внутреннего животного. Индеец Дефаго охвачен именно такой манией, которая сжигает ноги героя (символ его связи с землей и реальностью), и навсегда увлекает его в безграничный космос, где Дефаго полностью теряет контакт с реальными пространством и временем.

Вернувшийся в конце повести в лагерь Дефаго представляет собой лишь внешнюю оболочку, душа героя всецело поглощена духом Природы. Природа, к которой Дефаго всегда относился с особым трепетом, призвала его к себе. Философия Э. Блэквуда состоит в том, что такая судьба может быть уготована каждому, и набожному Симпсону, и рационалисту Кэскарту. Увлечение писателя трудами Новалиса, Ф. Гёльдерлина, П. Шелли, Дж. Китса, Г. Фехнера, Э. Карпендера, А. Бергсона и других мыслителей с их интересом к психологии и природе не случайно. Психологическое прочтение некоторых натурфилософских положений оказалось ключевым для писателя. Духовная природа человека – явление довольно сложное, человек восприимчив к призывам из-за пределов своего сознания: в любой момент может послышаться зов, призывающий душу «домой» и разрушающий при этом тело.

Сближение человека и природы, по мнению Блэквуда, не есть всегда благо, порой человек может быть безоружным против зловещего зова дикой природы, уносящей человека в хаос неизведанного. Во время своих поездок в глубь Канады Э. Блэквуд ощущал некую гипнотическую притягательность ее лесов и озер. Писатель осознавал уязвимость человеческого разума перед их красотой и величием, и в этой первобытной уязвимости художник чувствовал горячее дыхание ужаса: ...*знать о дев-*

ственных лесах понаслышке – это одно, и совсем другое – увидеть их собственными глазами. А уж если выпадает случай побывать в них и познакомиться с дикой жизнью, то для умного человека это становится настоящим посвящением в нечто необычное, требующим пересмотра былых, прежде неизменных и священных, личностных ценностей [4, с. 18].

Современный человек, склонный к рационализации мира, как считал Э. Блэквуд, не готов к встрече с природой, поэтому многие герои произведений писателя, сталкиваясь с природными стихиями, сходят с ума или погибают.

Повесть Э. Блэквуда «Вендиго» засвидетельствовала, что писатель хорошо владеет техникой напряженной интриги, эмоциональной атмосферой, техникой выстраивания повествовательной линии и мастерски смонтированных в нее выразительных диалогов героев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Luckhurst, R. Late Victorian Gothic Tales / R. Luckhurst. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 336 p.*
2. *Лавкрафт, Г. Ф. Ужас и сверхъестественное в литературе / Г. Ф. Лавкрафт // Черный человек: Американская готика. XX век. – М.; СПб., 2003. – С. 485–571.*
3. *Blackwood, A. Episodes Before Thirty / A. Blackwood // Blackwood Stories. – URL: <https://algeronblackwood.org/Z-files/EpisodesBeforeThirty.pdf> (date of access: 05.06.2024).*
4. *Блэквуд, Э. Вендиго / Э. Блэквуд // Вендиго: повести, рассказы. – СПб. : Азбука. Азбука-Аттикус, 2023. – С. 5–85.*
5. *Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М. : Правда, 1989. – 624 с.*
6. *Стефанов, Ю. Скважины между мирами / Ю. Стефанов // Электронная библиотека. – URL: https://royallib.com/read/stefanov_yuriy/skvagini_megdu_mirami.html#0 (дата доступа: 19.06.2024).*
7. *Flannery, R. Witiko Accounts from the James Bay Cree / R. Flannery, M. E. Chambers, P. A. Jehle // Digital Library Istor. – URL: <https://www.jstor.org/stable/40315990> (date of access: 05.06.2024).*
8. *DeSanti, B. The Cannibal Talking Head: The Portrayal of the Windigo ‘Monster’ in Popular Culture and Ojibwe Traditions / B. DeSanti // Project MUSE. – URL: <https://muse.jhu.edu/article/617446> (date of access: 05.06.2024).*

Поступила в редакцию 25.06.2024

Цімашэнка Анастасія Вячаславаўна

аспірант аддзела тэорыі
і гісторыі літаратуры
Інстытут літаратуразнаўства
імя Янкі Купалы НАН Беларусі
г. Мінск, Беларусь

Anastasiya Tsimashenka

PhD Student of the Department of Theory
and History of Literature
Institute of Literary Studies
named after Yanka Kupala of the NAS of Belarus
Minsk, Belarus
White_Land@mail.ru

ФОРМЫ І СПАСАБЫ РЭАЛІЗАЦЫІ ТЭОРЫІ МУЛЬТЫСУСВЕТУ
Ў МАСТАЦКІМ ПРАСТОРЫ-ЧАСЕ Ў ЛІТАРАТУРЫ ПОСТМАДЭРНІЗМУ

FORMS AND METHODS OF IMPLEMENTATION OF THE THEORY
OF THE MULTIVERSE IN THE ARTISTIC SPACE-TIME
IN THE LITERATURE OF POSTMODERNISM

У артыкуле разглядаюцца формы і спосабы рэалізацыі тэорыі мультысусвету на жанравым, кампазіцыйным і тэкставым узроўнях, а таксама з пункту гледжання суб'ектнай арганізацыі мастацкага прасторы-часу ў літаратуры постмадэрнізму.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *мультысусвет; мадальны рэалізм; пункт гледжання; альтэрнатывуная гісторыя, постмадэрнізм; інтэртэкстуальнасць, гіпертэкстуальнасць, смерць аўтара, шызафрэнічнае ўспрыняцце; трансцэндэнтальнае перажыванне; рызома.*

The article discusses the forms and ways of implementing the theory of the multiverse at the genre, compositional, and textual levels, as well as from the point of view of the subjective organization of artistic space-time in the literature of postmodernism.

Key words: multiverse; modal realism; point of view; alternative history, postmodernism; intertextuality, hypertextuality, death of the author, schizophrenic perception; transcendental experience; rhizome.

Тэорыя мультысусвету грунтуецца на аснове *гіпотэзы мадальнага рэалізму*, упершыню сфармуляванай амерыканскім філосафам Дэвідам Льюісам у 1973 годзе ў працы “Контрфакты” (Counterfactuals) [1], але найбольш падрабязна і абгрунтавана прапанаваная гіпотэза была выкладзена ў кнізе “Аб множнасці светаў” (On the Plurality of Worlds, 1986), у якой аўтар сцвярджае, што “наш свет – гэта толькі адзін свет сярод многіх. Ёсць незлічоная колькасць іншых сусветаў”¹ [2, р. 2]. З пункту гледжання метафізікі як напрамку сучаснай філасофіі, згодна з Д. Льюісам, гэтыя

¹Тут і далей пераклад наш.

сусветы “ізаляваныя: паміж рэчамі, якія належаць да розных сусветаў, наогул адсутнічаюць прасторава-часавыя адносіны” [2, р. 2]. Расійскі філосаф Я. А. Конанаў у “Аналітычнай метафізіцы” канкрэтызуе “свет, у якім мы жывём і чые межы супадаюць з межамі яго прасторава-часавай разнастайнасці (spatiotemporal manifold), можна назваць актуальным светам” [3, с. 188]. Трэба таксама прыняць да ўвагі, што некаторыя з множнасці гіпатэтычных сусветаў “практычна абсалютна падобныя да нашага за выключэннем адной-адзінай дэталі <...>, іншыя настолькі адрозніваюцца ад нашага, што мы не ў стане іх нават уявіць” [3, с. 189], аднак, што важліва, усе гэтыя сусветы раўнапраўныя. Гіпотэза мадальнага рэалізму бярэ свае карані ў работах нямецкага філосафа і матэматыка Готфрыда Лейбніца пра “дасканалы свет” і праблему зла ў тэалогіі: “Вопыты Тэадыцэі аб дабрыні Божай, свабодзе чалавека і паходжанні зла” (Essais de Théodicée sur la bonté de Dieu, la liberté de l’homme et l’origine du mal, 1710), “Монадалогія” (La Monadologie, 1714). Г. Лейбніц сцвярджае: “можна ўявіць сабе магчымыя сусветы, дзе няма граху і няшчасцяў”, аднак “Бог абраў гэты свет такім, які ён ёсць” [4, с. 136], бо, згодна з меркаваннем філосафа, гэта найбольш дасканалы варыянт сусвету.

На наш погляд, тэорыя мультысусвету прадугледжвае наяўнасць назіральніка для таго, каб магчымасць рэалізавалася як рэчаіснасць, пры гэтым усе іншыя варыянты і формы падзей таксама існуюць, заўсёды былі і будуць. Назіральнік мае свабоду выбару магчымага варыянта развіцця падзей і гіпатэтычна падарожнічае па сетцы каардынат *прасторы-часу*, пражываючы жыццё. Ён выбірае, як усведамляць той ці іншы кірунак, форму і месца падзей. З гэтага пункту гледжання прачытанне ці іншая форма ўспрымання мастацкага твора – гэта рэалізацыя пэўнага сусвету, рух рэцыпіента-назіральніка па сетцы каардынат прасторы-часу, але з загадзя прапісанымі аўтарам выбарамі.

Мастацтва постмадэрнізму абыгрывае тэорыю мультысусвету і папулярна рызуе яе ў масавай культуры. Працаваць у офісе альбо дома, што есці на сняданак, ужыць наркотыкі ці выкінуць, якую музыку ўключыць – у 2018 годзе інтэрактыўная серыя Чорнага люстэрка “Бандэрснэтч” (Black Mirror “Bandersnatch”) прапанавала падпісчыкам стрымінгу Netflix прымаць за галоўнага героя рашэнні, якія ў рознай ступені ўплывалі на далейшае развіццё падзей і фінал фільма. Усяго было прадумана восем канцовак і сорок дылем, аднак у выніку карціна ўсё адно выглядае досыць аднастайна, паколькі як быццам розныя рашэнні прыводзяць да адных і тых жа наступстваў або ўплываюць толькі на знешняе афармленне, напрыклад, саўндтрэк.

Свайго роду эквілібрыстыка з выкарыстаннем альтэрнатыўных паралельных дзеянняў – прыём у мастацкім кіно не новы. На Ехро-1967 у Манрэалі дэманстравалася чэхаславацкая камедыя “Чалавек і яго дом” (Clovek a jeho dum, 1967), прагляд якой курыраваўся мадэратарамі, а гледачы з дапамогай пульту галасавалі за тое ці іншае развіццё падзей. Але і без інтэрактыўнага ўзаемадзеяння з гледачамі сучасныя кіна- і анімацыйныя стужкі шырока выкарыстоўваюць канцэпт мультысусвету і ўзнімаюць пытанне свабоды выбару, якое вынікае з яго прычыны: “Эфект матылька” (The Butterfly Effect, 2003), “Спадар Ніхто” (Mr. Nobody, 2009), “Усё Паўсюль і Адразу” (Everything Everywhere All at Once, 2021), “Доктар Хто” (Doctor Who, 2005 – па цяперашні час), “Рык і Морці” (Rick and Morty, 2013 г. – па цяперашні час) і г.д.

Тэорыя мультысусвету ў літаратуры постмадэрнізму рэалізуецца на некалькіх узроўнях: *жанравым, кампазіцыйным, суб’ектным, тэкставым*.

Жанр альтэрнатыўнай гісторыі будзецца на дапушчэнні, што тыя ці іншыя рэальныя гістарычныя падзеі склаліся альтэрнатыўна існуючай рэчаіснасці ў пераломны момант (*пункт біфуркацыі*). І на гэтым скрыжаванні ўсе астатнія дзеянні развіваюцца ў іншым кірунку. Напрыклад, забойства Франкліна Рузвельта ў рамане “Чалавек у Высокім замку” (The Man in the High Castle, 1964) Філіпа Дзіка і, як вынік, перамога нацысцкай Германіі і Японіі ў Другой сусветнай вайне. Або пройгрыш амерыканцаў у вайне за незалежнасць 1775–1783 гг., апісаны ў рамане Гары Гарысана “Тунэль праз глыбіні” (Tunnel Through the Deeps, 1972), у выніку якога Джорджа Вашынгтона вешаюць як здрадніка, а Брытанская імперыя робіцца дамініёнам на абодвух амерыканскіх матэрыках. Ці, скажам, прадухіленне забойства Джона Кэнэдзі ў рамане Стывена Кінга «11/22/63» (2011), якое спараджае ядзерныя войны, і г.д. Дадзены жанр мае роднасныя жанры (хронафантастыка, постапакаліптыка) і паджанры (дызельпанк, кіберпанк) і г.д.

Асэнсаванне мультысусвету на ўзроўні кампазіцыі мастацкага твора – найбольш часта ўжываная форма рэалізацыі гэтай тэорыі. Як ужо адзначалася вышэй, у масавай культуры шырока выкарыстоўваецца прыём свядомага ўзаемаіснавання розных, але раўнапраўных канцовак, напрыклад, у рамане Джона Фаулза “Жанчына французскага лейтэнанта” (The French Lieutenant’s Woman, 1969) іх тры. Класічным прыкладам інтэрактыўнага ўзаемадзеяння аўтара з рэцыпіентам лічыцца раман Хуліа Картасара “Класікі” (Rayuela, 1963) з аўтарскай схемай-інструкцыяй, згодна з якой варта чытаць твор. Таксама можна ўзгадаць “Квэст” (Квест, 2009) Барыса Акуніна: раман складаецца з дзвюх частак, злучаных пад адной

вокладкай у выглядзе кнігі-пярэкруту, першая частка часткова стылізавана пад кампутарную гульню, пасля прачытання кожнага раздзела чытачу прапануецца прыняць рашэнне за галоўнага героя. Нелінейнасць і фрагментарнасць кампазіцыі рамана Курта Ванегута “Бойня-5, або Крыжовы паход дзяцей” (Slaughterhouse-Five, or The Children’s Crusade, 1969) тлумачыцца паслятраўматычным сіндромам галоўнага героя Білі Пілігрыма і літаральна падкрэсліваецца канцэпцыйнай статычнага часу: тральфамадорцы – іншапланецяне, якія скралі Білі для мясцовага заапарка, лічаць, што “ўсе моманты мінулага, цяперашняга і будучага заўсёды існавалі і заўсёды будуць існаваць” [5, с. 22]. Жыхары Тральфамадора маюць здольнасць бачыць адразу ўсе моманты.

Класічным узорам *сегментацыі, шматузроўневасці, нелінейнасці і нехраналагічнасці, фрагментарнасці, мазаічнасці* прозы лічацца тэксты сербскага пісьменніка Міларада Павіча, якія маюць розныя спосабы сюжэтаўтваральнага “счаплення” і своеасаблівыя наратыўныя стратэгіі для спараджэння новыхсэнсаў. Напрыклад, у рамане “Скрыня для пісьма” (Кутија за писање, 1999) множнасць хранатопу рэалізуецца праз гіпертэкст, на які вядзе спасылка ў надрукаваным выданні [6, с. 92–93]. Даступная толькі ў электронным выглядзе глава “Вішня з залатой косткай” (Visnja sa zlatnom kosticom) распавядае адзін з магчымых варыянтаў лёсу галоўнага героя, аднак без дадзенага ўрыўка раман успрымаецца цэласна. Пры гэтым аўтар узаемадзеючы з рэцыпіентам з дапамогай прыёму *разбурэння чацвёртай сцяны*, звяртаючыся да чытача і робячы яго саўдзельнікам у забойстве галоўнага героя, смяротнае пакаранне якога адбылося раней за “злачынства”. Сутнасць апошняга заключалася ў запісе сакрэтнага слова, якое ніхто не павінен быў даведацца. Злачынства адбываецца тады, калі “слова” чытае ўспрымальнік. Такім чынам вынік адбываецца раней за прычыну – пісьменнік абыгрывае канцэпт множнасці мастацкага прасторы-часу і тэорыі мультысусвету. Творы Міларада Павіча інтэрактыўныя, рэмінісцэнцуюць адзін да аднаго і маюць своеасаблівыя формы, што прадугледжвае розную стратэгію прачытання: раман-слоўнік “Хазарскі слоўнік” (Хазарски речник, 1984), раман-крыжаванка “Пейзаж, намалёваны гарбатай” (Предео сликан чајем, 1988), раман-дапаможнік па варажбе на картах Таро “Апошняе каханне ў Канстанцінопалі” (Последња љубав у Цариграду, 1994), раман-соннік “Зорны плашч” (Звездани плашт, 2000). Інтэртэкстуальнасць прозы сербскага пісьменніка рэалізуецца не толькі праз зварот да сваіх жа твораў (да прыкладу, у той жа “Скрыні для пісьма” галоўныя героі сустракаюцца дзякуючы аб’яве, калі мужчына шукае жаночую версію “Хазарскага слоўніка”), але і праз парафразы, алузіі, стылізацыю пад эпіграфы, парадыйнасць і г.д.

“Тэкст у тэксце” як прыём рэалізацыі множнасці тэорыі мультысусвету шырока выкарыстоўваецца і ў беларускай літаратуры. Напрыклад, у рамане Людмілы Рублеўскай “Пантофля Мнемазіны” (2018) акрамя таго, што дзеянне ў ім адбываецца ў розных прасторава-часавых вымярэннях, важлівай часткай твора з’яўляецца гіпертэкстуальная прастора сацыяльных сетак, дзе абмяркоўваліся варыянты яго фіналу. Фанфік як частка твора, выкарыстанне тапонімаў з папярэдніх раманаў, гульня з кодамі масавай культуры ў назвах раздзелаў таксама патрабуюць ад чытача шматузроўневы, шырокі інтэртэкстуальны падыход да ўспрыняцця твора. У стылізаваным пад рукапіс “невядомага аўтара” рамане Віктара Марціновіча “Ноч” з прадмовай перакладчыка: “Хай кожны дэшыфруе гэтую прыпавесць нанова і самастойна” [7, с. 4] відавочная *смерць аўтара* з першых старонак не толькі абыгрывае ўмоўнасць і шматузроўневае ўспрыняцце створанага сусвету, але і дазваляе з цягам часу разумець з’явы акаляючай рэчаіснасці па-новаму. Напрыклад, у рэальнасці рамана, выдадзенага ў 2018 годзе, шырока выкарыстоўваецца “кантэнт, згенераваны робатам”: “Асобныя добрыя тэксты яшчэ працягвалі пісаць людзі: на такую працу бралі сацыяльных беспрацоўных, алкаголікаў, людзей з абмежаванымі магчымасцямі – карачей, усіх, хто не здольны атрымліваць заробак у нармальнай дыгітальнай карпарацыі” [7, с. 6]. У аўтара атрымалася прадугледзець масавае выкарыстанне нейрасетак у медыяпрасторы, якое пачалося з 2022 года.

Рускі філосаф Мітрафан Аксёнаў у 1896 г. у працы “Трансцэндэнтальна-кінетычная тэорыя часу” выказаў меркаванне, згодна з якім наша свядомасць, “успрымальны пачатак”, рухаецца ў чацвёртым вымярэнні – часе, пры гэтым мінулае і будучыня не знікаюць ці з’яўляюцца, а існуюць заўсёды, гэты рух можна параўнаць з “наскрозь дэтэрмінаваным рухам у падземным тунэлі лакаматыва, якім ніхто не кіруе” [8, с. 81]. Гэтая праца апярэдзіла вучэнне А. Эйнштэйна і Г. Мінкоўскага аб прасторы-часе, а таксама супадае з трактаваннем паняцця часу прыхільнікамі тэорыі мультысусвету і прадстаўнікамі метафізічнай філасофіі.

Час і прастора ў мастацкім тэксце суб’ектыўныя, бо рэалізуюцца ў свядомасці аўтара і рэцыпіента, а таксама персанажаў пэўнага тэксту і залежаць ад пункту гледжання. Пункт гледжання, як заўважае Барыс Успенскі, “можа супадаць або не супадаць з пазіцыяй нейкай пэўнай дзеючай асобы ў творы”, пры гэтым “у адных выпадках аўтар цалкам пераўвасабляецца ў гэтую асобу, гэта значыць, «прымае» на дадзены момант яго ідэалогію, фразеалогію, псіхалогію і г.д.; адпаведна, і пункт гледжання, які прымаецца аўтарам пры апісанні, выяўляецца тады ва ўсіх адпаведных планах” [9, с. 101], а ў іншых проста назірае за персанажам, не пераўвасабляючыся ў яго.

Прымаючы да ўвагі трансцэндэнтальна-кінетычную тэорыю часу М. Аксёнава і канцэпцыю мультысусвету, перамяшчэнне “ўспрымальнага пачатку” ў прасторы-часе можна суаднесці з сацыяльным “я” чалавека-назіральніка – сукупнасцю таго досведу, што індывідуум атрымлівае за жыццё і з чым сябе суадносіць (аналагічна персанажу, дзеючай асобе ў мастацкім творы), да таго ж паспрабуем дапусціць існаванне “звыш-я”, вызваленага ад сацыяльных і каардынатных умоўнасцей, не расшчэпленнага на адзінкавы пачатак – вышэйшае мы/яны=усе. Так званую агульную свядомасць (звышнатуральныя сілы ў рэлігіі/боства), што таксама можа фіксавацца на суб’ектыўным успрыманні, рухаючыся па сетцы каардынат мультысусвету, ды адначасна мець здольнасць пашырацца да ўспрымання ўсяго наратыву і яго магчымых варыянтаў. Такое “звыш-я” можна суаднесці ў мастацтве постмадэрну з аўтарам альбо чытачом-назіральнікам. Адсюль вынікае, што хранатоп мастацкага твора ўзаемадзеінічае з прасторава-часавымі каардынатамі рэцыпіента і аўтара аналагічна суадносінам суб’ектыўнага пачатку (эга) з вышэйшым “я”/агульнай свядомасцю ў канцэпцыі тэорыі мультысусвету.

Аднак калі ў рэальным жыцці ўзнікае несупадзенне пункту гледжання “звыш-я” і сацыяльнага “я”, адбываецца дысацыяцыя, якая прыводзіць да далейшага расколу сацыяльнага “я”. Такую адасобленасць ад свайго быцця і замену яго на знешняга старонняга назіральніка апісвае Дэвід Лэйнг у працы “Раздзеленае Я: экзістэнцыяльнае даследаванне розуму і вар’яцтва” (The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness, 1960 г.) як механізм развіцця шызафрэнні. Згодна з шатландскім псіхіятрам, кожны чалавек перажывае свет і самага сябе “з пункту гледжання звязнай індывідуальнасці: я-тут супраць вас-там, у межах вызначаных асноўных структур прасторы і часу, якія падзяляюцца з іншымі членамі грамадства” [10, с. 313]. Зразумела, што перажыванне, якое выходзіць за межы “эгаічнага”, не можа ўспрымацца як базавае, штодзённае. Адсюль вынікае, што асобу, “якая праходзіць праз страту эга альбо трансцэндэнтальнае перажыванне <...>, законна можна разглядаць як звар’яцелую” [10, с. 314].

Пры гэтым шызафрэнія як своеасаблівая форма ўспрымання, светапогляд, цалкам натуральная для тэорыі мультысусвету: шызафрэнічны суб’ект дэцэнтраваны. Паводле амерыканскага літаратурнага крытыка Фрэдэрыка Джэймісана, “постмадэрнісцкі глядач <...> прызначаны зрабіць немагчымае, а менавіта бачыць усе экраны адразу ў іх радыкальным і выпадковым адрозненні” [11, с. 31]. Даследчык параўновае спажываўца эпохі постмадэрну з галоўным героем фільма Нікаласа Роўга “Чалавек, які ўпаў на Зямлю” (The Man Who Fell to Earth, 1976) Томасам Ньютанам, “калі ён

глядзіць на пяцьдзясят сем тэлеэкранаў адначасова” [11, с. 31]. Як адзначае Ф. Джэймісан, рэцыпіенту постмадэрну трэба “падняцца да ўзроўню, на якім жывое ўспрыманне радыкальнага адрознення з’яўляецца само па сабе новым спосабам спасціжэння таго, што раней мела назву «узаемасувязь», таго, для чаго слова «калаж» падыходзіць толькі ў якасці даволі слабага тэрміна” [11, р. 31].

Зразумела, што ўзровень успрыняцця ўсіх сэнсаў-“тэлеэкранаў” з адсылкамі, амажамі, постыранічнай гульні і г.д. залежыць ад ступені падрыхтаванасці чытача, аднак у выпадку немагчымасці “счытвання” таго ці іншага шыфру рэцэпцыя мастацкага твора не страчвае каштоўнасці, бо мастацтва постмадэрну не прадугледжвае іерархічнасці трактовак. Канцэпцыя мультысусвету ў кантэксце ўзаемаадносін суб’ектаў мастацкага твора рэалізуецца ў тым ліку праз шматмернасць і неадназначнасць, схільнасць да дыфузіі сусвету персанажаў і іх спасціжэння ўмоўнай рэчаіснасці. Напрыклад, у рамане Курта Ванегута “Сняданак для чэмпіёнаў, альбо Чорны панядзелак” (Breakfast of Champions, or Goodbye Blue Monday, 1973) метапразаічнасць тэксту разгортваецца праз узаемадзеянне аўтара з прасторай-часам твора: ён дае каментарыі падзеям, тлумачыць матывацыю ўчынкаў, напрыканцы непасрэдна ўступае ў дыялог з персанажам-альтэрэга – пісьменнікам Кілгартам Траўтам. Пры гэтым другі цэнтральны персанаж – тыповы шызафрэнічны суб’ект – паступова вар’яецца.

Мастацкі прастора-час бясконца пашыраецца дзякуючы сэнсаўтваральнаму патэнцыялу, якім валодае тэкст у літаратуры постмадэрнізму, што дазваляе перанесці на яго ўласцівасці паняцця рызома Жыля Дэлёза і Фелікса Гватары: сувязь, гетэрагеннасць, множнасць, адсутнасць іерархічнасці сэнсаў і суб’ектаў, канфлікт паміж хуткасцю розных патокаў рызома [12]. У літаратуры постмадэрнізму мастацкі прастора-час мультысусвету на ўзроўні тэксту праяўляецца наступным чынам: змешванне розных стыляў, “смерць аўтара” і “смерць героя”, множнасць пунктаў гледжання, інтэртэкстуальнасць, абсурд, распад структуры і фабулы, фрагментарнасць, плынь свядомасці, адсутнасць “чацвёртай сцяны”.

Мультысусвет у мастацтве – гэта форма ўяўлення аб прасторы і часе ў спробе асэнсаваць існаванне і ўспрыманне, якое ў літаратуры постмадэрнізму рэалізуецца на некалькіх узроўнях: жанравым (альтэрнатыўная гісторыя), кампазіцыйным (нелінейнасць аповеду, наяўнасць паралельных наратываў і канцовак, інтэрактыўнае прачытанне), суб’ектнай арганізацыі (шызафрэнічны суб’ект) і тэкставым (гіпэртэкстуальнасць, інтэртэкстуальнасць, распад, пісьмо плыні свядомасці).

ЛІТАРАТУРА

1. *Lewis, D. Counterfactuals* / D. K. Lewis. – Bodmin, Cornwall : Blackwell Publishers Ltd., 2001. – 156 p.
2. *Lewis, D. On the Plurality of Worlds* / D. K. Lewis. – Oxford : Blackwell, 1986. – 276 p.
3. *Кононов, Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор* / Е. А. Кононов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2023. – 507 с. – (Аналитическая философия).
4. *Лейбниц, Г. В. Сочинения : в 4 т. : пер. с франц.* / Г. В. Лейбниц : редкол.: Б. Э. Быховский [и др.]. – М.: Мысль, 1989. – Т. 4 / ред. тома, авт. вступ. ст. и примеч. В. В. Соколов. – 554 с.
5. *Воннегут, К. Бойня номер пять : романы ; пер. с англ.* / К. Воннегут ; худож. оформ. Б. Ф. Бублика. – Харьков : Фолио; Ростов-н/Д : Феникс, 1999. – 416 с. – (Вершины. Мастера).
6. *Павич, М. Ящик для письменных принадлежностей* / М. Павич ; пер. с серб. Л. С. Савельевой. – М. : Эксмо, 2024. – 224 с.
7. *Марціновіч, В. Ноч* / В. Марціновіч. – Мінск : Кнігазбор, 2018. – 412 с.
8. *Аксеновъ, М. С. Трансцендентально-кинетическая теория времени* / М. С. Аксеновъ ; сост., вступит. ст., коммент. С. А. Жигалкина. – М. : Языки слав. культур, 2011. – 2008 с.
9. *Успенский, Б. А. Поэтика композиции* / Б. А. Успенский. – СПб. : Азбука, 2000. – 348 с. – (Academia).
10. *Лэйнг, Р. Расколотое Я* / Р. Лэйнг. – СПб. : Белый кролик, 1995. – 352 с.
11. *Jameson, F. Postmodernism, Or the Cultural Logic of Late Capitalism* / F. Jameson. – Duke Univ. Press: Durham, NC. Publication Year, 1991. – 438 p.
12. *Делёз, Ж. Капитализм и шизофрения* / Ж. Делёз, П.-Ф. Гваттари // Восток : онлайн-альманах. – 2005. – Вып. № 11/12 (35/36). – URL: <https://web.archive.org/web/20180929012423/> http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (дата звароту: 18.03.2024).

Поступила в редакцию 02.10.2024

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 5 (132), 2024

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *О. В. Луцинская*

Редакторы: *В. М. Василевская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 24.10.2024. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура PT Sans. Ризография. Усл. печ. л. 10,93. Уч.-изд. л. 10,36. Тираж 100 экз. Заказ 36.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172